

За возрождение Урала

Уральская линия

*литературно-художественный альманах
Южного Урала*

№ 3

Челябинск
2015

Нагрудный знак Южно-Уральской литературной премии изготовлен по уникальному дизайну общественной социально-правовой организации «За возрождение Урала»

Уральская линия : литературно-художественный альманах
Южного Урала

№ 3 / 2015.

Учредитель и издатель: Челябинская областная общественная социально-правовая организация «За возрождение Урала».

Редактор-составитель: Владлен Феркель

Редакционная коллегия:

Нина Ягодинцева, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии, поэт, переводчик, литературный критик, секретарь Союза писателей России; член Совета по критике СПР, кандидат культурологии;

Андрей Расторгуев, поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России, кандидат исторических наук;

Ирина Гудович, член Областного совета организации «За возрождение Урала», заслуженный работник культуры РФ;

Кирилл Шишов, писатель, краевед, кандидат технических наук, заслуженный работник культуры РФ, член Союза российских писателей;

Михаил Стригин, участник организации «За возрождение Урала», кандидат физико-математических наук;

Анна Белешева, руководитель аппарата общественной организации «За возрождение Урала», главный редактор еженедельника «Возрождение Урала».

© ЧОСПО «За возрождение Урала», 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Меньшенина Е. С., оформление, 2015

Уважаемые читатели!

Южно-Уральская литературная премия и альманах «Уральская линия» становятся хорошей традицией и важным культурным событием в жизни Челябинской области. Под одной обложкой объединяются опыт и молодость, жанры и стили, авторское восприятие жизни и общественный настрой, нерв эпохи, который писатель не может не чувствовать.

Очень важно, чтобы наш родной «уральский говорок» прочно вплелся в большое полотно российской словесности. Именно словесности, так как это

понятие гораздо шире литературных жанровых рамок. Президент России В. В. Путин, открывая Год литературы, говорил прежде всего о возвращении Слова, всех удивительных возможностей русского языка, который по праву входит в число самых выразительных языков мира.

Южный Урал всегда был богат людьми, которые умеют мыслить образно, способны ёмко и чётко выражать свои чувства, а в поисках нового — приумножать, а не разрушать традиции отечественной культуры, её ценности и нравственные принципы. Уверен, что новый выпуск альманаха позволит читателю ещё раз оценить творческое многообразие южно-уральской литературы, почувствовать вкус слова и глубину мысли.

*Борис ДУБРОВСКИЙ,
губернатор Челябинской области*

Дорогие друзья!

Уже в четвёртый раз учредившая премию общественная организация «За возрождение Урала» пригласила авторов продемонстрировать своё мастерство и побороться за звание лауреатов. В 2015 году, объявленном Президентом РФ Владимиром Путиным Годом литературы, такая возможность выпала и писателям со всего мира: впервые ставшая открытой Премия привлекла жителей не только Южного Урала, но и всех уголков России и даже других стран.

Общественная премия по праву получила высокое признание писательского сообщества и экспертов, стала заметным явлением в культурной жизни всего Уральского региона. Такое творческое соревнование всегда способствует творческому развитию, росту. Каждый автор знает: служить литературе в России в эпоху новых технологий — очень непросто. Чтобы издать свою книгу, нужно пройти долгий и трудный путь.

Благодаря Южно-Уральской литературной премии читатели знакомятся с творчеством писателей и поэтов своей эпохи, узнают многое о родном крае и о его традициях, получают доступ к самым интересным и достойным произведениям современности, а соискатели премии — добиваются истинно народного признания.

*Денис РЫЖИЙ,
первый заместитель председателя
общественной организации
«За возрождение Урала»,
член Общественной палаты
Российской Федерации*

Содержание

От «лёгкой грамматики» до психологического романа..... 10

ЛАУРЕАТЫ

Проза: профессиональные авторы

Геннадий Скобликов. Провожая отца (отрывок)..... 17

Поэзия: профессиональные авторы

Ирина Аргутина. Из книги «На честном слове» 37

Николай Година. Из книги «i : новые стихи»..... 42

Литература для детей

Александр Осипов. Поговорите с нами (отрывок)..... 47

Надежда Шемякина. Из подборки стихотворений..... 57

Литературное краеведение и публицистика

Валентина Черных. Завод на речке Уфалей:
от завода до города (отрывок)..... 60

Золотой фонд

Римма Дышаленкова. Из книги «На высоте земли» 67

Проза: талантливая молодёжь

Дарья Федосеева. Тюремная жена (отрывок)..... 73

Поэзия: талантливая молодёжь

Екатерина Ермолина. Из книги «Сказки вечерних улиц» 86

ШОРТ-ЛИСТ

Проза: профессиональные авторы

Александр Пантелин. Тяжёлая вода (отрывок) 93

Татьяна Рыжкова. Новая Отчина, или Быль о том,
как новгородцы поюжанами стали (отрывок)..... 105

Александр Чиненков. Салмышская трагедия (отрывок) 115

Поэзия: профессиональные авторы

Николай Болдырев. Из книги «Мост»127

Александр Кожейкин. Из книги «У озера»132

Лилия Кулешова. Из книги «Солнечное озеро»136

Литература для детей

Татьяна Корецкая. История Урала
в рассказах для детей (отрывок).....139

Елена Сыч. Из книги «День рождения Носорога»145

Литературное краеведение и публицистика

Вячеслав Лютов, Олег Вепрев. Человек из банка (отрывок)149

Рашид Хакимов. Табын аулы — моя малая родина (отрывок)155

Проза: талантливая молодёжь

Сергей Васильченко. Из книги «Кафе “Небеса”» (отрывок)165

Виктория Иванова. Удали (отрывок)171

Поэзия: талантливая молодёжь

Иван Ерпылёв. Из книги «Дети полынного века»177

Виктория Лицкевич. Из книги «Онемевшие танцы»180

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

Нина Пикулева. Из книги «Лёгкие правила»185

Надежда Аншукова. Из книги «Меж рассветом и закатом»188

Рауил Хайрятдинов. Кочкарь: дома и люди (отрывок)191

Лауреаты:

Проза: профессиональные авторы

Геннадий Скобликов — «За развитие традиции русского психологического романа в книге “Провожая отца”».

Поэзия: профессиональные авторы

Николай Година — «За поэтическую искренность и мастерство в книге “i : новые стихи”».

Литература для детей

Александр Осипов — «За продолжение традиций классической детской литературы в повести “Поговорите с нами”».

Надежда Шемякина — «За раскрытие внутреннего мира ребёнка в подборке поэтических публикаций».

Литературное краеведение и публицистика

Валентина Черных — «За масштабное представление трёхвековой истории Верхнего Уфалея в книге “Завод на речке Уфалей: от завода до города”».

Золотой фонд

Римма Дышаленкова — «За большой вклад в развитие литературы Южного Урала».

Проза: талантливая молодёжь

Дарья Федосеева — «За попытку освоения крупномасштабной прозаической формы в романе “Тюремная жена”».

Поэзия: талантливая молодёжь

Екатерина Ермолина — «За драматический образ современности в поэтической рукописи “Сказки вечерних улиц”».

Морт-лист:

Проза: профессиональные авторы

Александр Пантелин — «За художественное исследование драматических коллизий современности в романе “Тяжёлая вода”».

Татьяна Рыжкова — «За историческое повествование об освоении новых земель в повести “Новая Отчина, или Быль о том, как новгородцы поюжанами стали”».

Александр Чиненков — «За создание эпопеи о судьбе уральского казачества в эпоху Гражданской войны в романе “Салмышская трагедия”».

Поэзия: профессиональные авторы

Николай Болдырев — «За поэтическую философию в книге стихов “Мост”».

Александр Кожейкин — «За поэтический прорыв к ощущению времени в сборнике “У озера”».

Лилия Кулешова — «За создание поэтического образа родного края в сборнике “Солнечное озеро”».

Литература для детей

Татьяна Корецкая — «За попытку создания истории Урала для подростков в книге “История Урала в рассказах для детей”».

Елена Сыч — «За создание детской игровой стихии в книге “День рождения Носорога”».

Литературное краеведение и публицистика

Вячеслав Лютов, Олег Вепрев — «За исследование и представление истории банковского дела на Южном Урале в книге “Человек из банка”».

Рашид Хакимов — «За ответственное отношение к исторической правде в книге “Табын аулы — моя малая родина”».

Проза: талантливая молодежь

Сергей Васильченко — «За раскрытие внутреннего мира молодого современника в сборнике рассказов “Кафе “Небеса””».

Виктория Иванова — «За драматизм и языковую выразительность в повести “Удали”».

Поэзия: талантливая молодёжь

Иван Ерпылёв — «За поэтическое осмысление современных нравственных проблем в сборнике “Дети полынного века”».

Виктория Лицкевич — «За создание метафорического образа мира детства в поэтическом сборнике “Онемевшие танцы”».

Специальные дипломы:

Нина Пикулева — «За уникальное педагогическое пособие для освоения грамматики русского языка — книгу “Лёгкие правила”».

Надежда Аншукова — «За гармоническое следование классической традиции русской поэзии в сборнике “Меж рассветом и закатом”».

Рауил Хайрядинов — «За оригинальный подход к документальной истории малой родины в книге “Кочкарь: дома и люди”».

*От «лёгкой грамматики»
до психологического романа*

От года к году Южно-Уральская литературная премия набирает авторитет и силу. В 2012 году первый конкурс, будучи пока только областным, уже показал, что интерес к литературному творчеству в нашем регионе массовый: книги, публикации и рукописи представляли и писатели, и участники литобъединений, и авторы, которые стремились просто «для себя» запечатлеть чувства и мысли в стихах, прозе и публицистике. Ну и, конечно же, в творческое соревнование активно включилась литературная молодёжь.

Два последующих этапа Премии, выйдя за пределы Челябинской области и объединив весь Южный Урал, стали событиями уже всероссийского значения. Традиционно на Премию представляется более ста пятидесяти произведений, и это даёт жюри возможность увидеть и оценить литературные итоги года, выделить наиболее яркие произведения и обратить на них внимание библиотекарей, педагогов, читателей. А прочесть лучшие произведения конкурса можно в литературном альманахе «Уральская линия».

Будучи учреждена общественной организацией «За возрождение Урала», Южно-Уральская литературная премия — и в этом её особенность — с первого этапа своего существования является

общественной. Она не привязана к административным и профессионально-писательским органам, в жюри работают не только писатели, но и общественные эксперты. И одним из важнейших критериев профессиональной оценки является социальная значимость произведений, масштаб поставленной художником нравственной задачи и степень её реализации.

В 2014 году на соискание Премии принимались работы авторов Южного Урала, который включает, как известно, Челябинскую и Оренбургскую области, Башкирию и Северный Казахстан. Для авторов из других регионов исключение делалось только в том случае, если их произведения были посвящены Южному Уралу.

Всего на конкурс было подано 167 заявок. Наибольшее количество соискателей — более шестидесяти — уже традиционно представил Челябинск. Вторым по количеству работ оказался небольшой город Трёхгорный, где под руководством Юрия Жилина активно работает литературное объединение «Исток», приславшее как коллективный сборник, так и отдельные авторские книги. Дружно вышли на конкурс с книгами и подборками в поэзии и прозе молодые авторы из Магнитогорска, объединённые в литературную студию во главе с Еленой Холодовой. Эта студия уже

стала известной и авторитетной не только в своём городе и участвует в конкурсе не первый год.

Вообще литературные объединения из «клубов по интересам» снова постепенно становятся начальными звеньями литературной учёбы, и это одна из примет нашего времени, которое почему-то часто называют «нелитературным», «непоэтическим». Практика работы Южно-Уральской литературной премии показывает обратное: даже начальная помощь автору, подборка и редакторские подсказки, которые можно получить в литобъединении, помогают литератору достойно оформить своё произведение.

На премию прислали книги авторы из Златоуста, Чебаркуля, Сатки, Копейска, Каслей, Миасса, Троицка, Коркино, Усть-Катава, Озёрска, Южноуральска, Снежинска, Верхнеуральска, Кыштыма, Пласта, Верхнего Уфалея... Откликнулись не только города, но и посёлки Челябинской области: произведения своих литераторов представили Аргаяш, Канашево, Вандышево, Миасское, Ларино, Потанино, Чесма, Темир, Долгодеревенское, Кукамак.

Отозвались и наши соседи по Южному Уралу — Башкирия и Северный Казахстан, а наиболее активными оказались коллеги-писатели из Оренбурга. Начиная со второго этапа Премии, литературные связи с соседними областями развиваются и крепнут. Порадовало и то, что произведе-

ния южноуральцев активно печатаются в других городах и даже странах: книги и журнальные публикации наших земляков вышли в Екатеринбурге, Петрозаводске, Белоруссии, Германии.

Если проанализировать жанровый спектр поступивших произведений, можно увидеть определённые тенденции и направление развития литературного процесса. Самой многочисленной уже по традиции остаётся номинация «Поэзия»: в ней подано почти 90 работ, и треть из них представили молодые поэты. В категории «профессиональные авторы» в конкурсе 2014 года участвовало гораздо больше объёмных поэтических сборников, чем опубликованных подборок, а «талантливая молодёжь» прислала как первые книги, так и рукописи самых разных поэтических направлений — от традиционных до авангардных.

Однако в молодёжной литературной среде, судя по поступившим работам, в этом году явно прослеживается тяга к традиционной поэзии. Молодая поэтесса из Оренбурга Татьяна Немкова прислала даже такую сложную классическую поэтическую форму, как венок сонетов. Весьма удачный опыт работы в этой редкой сегодня форме автор посвятила родному городу. Конкурс наглядно показал, как крепнут литературные связи внутри южноуральского региона — например, первая книга одного из молодых челябинских авторов, представленная на конкурс, оказалась издана в том же Оренбурге.

Почти 40 работ рассматривалось в номинации «Проза», из них четверть — молодёжные. Можно смело сказать, что в 2014 году в литературное состязание вступили образцы крупной прозаической формы — романы, причём не только во «взрослой», но и в молодёжной категории. Некоторые из этих произведений написаны сравнительно давно, то есть в известной степени сработал «эффект отложенной публикации». Но тем не менее именно роман в его классическом понимании — как широкомасштабное осмысление истории, психологии, коллизий современной жизни — выходит сегодня в литературе на первый план. Это определённый знак времени, отражающий возвращение «долгого дыхания», стремление увидеть жизнь в перспективах как времени, так и психологической глубины.

Традиционно были в этой номинации и книги, объёмно представляющие творческий «багаж» писателя: например, юбилейный сборник Анатолия Столярова «Свет дальних дорог», который объединил журналистско-краеведческие и литературно-художественные произведения автора. Практика такого рода собраний вызвана практически полным отсутствием государственной поддержки книгоиздания: получив ту или иную редкую возможность выпустить свою книгу, автор включает в неё разножанровые произведения, жертвуя концептуальной цельностью книги, но выводя в свет возможно большее

количество своих произведений. Такой подход сегодня очень распространён, но не всегда бывает оправдан с точки зрения собственно литературы.

Более чем двадцатью работами представлена номинация «Литературное краеведение и публицистика». Здесь жюри отметило растущий интерес авторов к истории своих городов и сёл, внимание к судьбам своих земляков — целый ряд работ описывает биографии тех людей, чья жизнь и чей труд были посвящены Южному Уралу. Одна из таких работ — «Исповедь окопника», в которой Георгий Боровлёв рассказывает о военной и послевоенной судьбе своего героя Петра Андреевича Пимкина. Накануне празднования 70-летия Великой Победы подобные исследования вновь и вновь напоминают нам о поколении победителей, которые отстояли Родину в боях и укрепили её силу послевоенным трудом. Члены жюри отметили, что сегодня наибольший интерес представляет именно соединение в биографиях героев военной и послевоенной судьбы.

В номинации «Литература для детей» также подано на конкурс более 20 работ. Это отдельные книги и подборки журнальных публикаций, стихи, проза и даже «зарифмованная грамматика». И только номинация «Драматургия» второй год подряд не вызывает интереса у литераторов — здесь поступило лишь две работы.

К сожалению, более двадцати присланных работ не соответ-

ствовали требованиям Положения: несколько авторов из других регионов не обратили внимания на то, что их произведения тематически должны относиться к Южному Уралу. Ряд авторов представили во «взрослых» номинациях неопубликованные работы.

Оценивая качество лонг-листа, жюри единодушно отметило, что большинство книг, несомненно, интересны по своему содержанию, авторы стремятся откликнуться на самые актуальные проблемы современности, ищут формы и выразительные художественные средства, разрабатывают самые разные направления в литературе. Однако многие книги проигрывают из-за отсутствия качественной редактуры.

Понятно, что, издавая за свой или спонсорский счёт, автор в первую очередь экономит на редакторе и корректоре. Но в этом случае книга сразу теряет в качестве, её культурная и художественная ценность снижается. Решить эту проблему могло бы целевое финансирование издания социально значимой художественной и краеведческой литературы. Став результатом коллективной работы автора, редактора, дизайнера и корректора, качественная книга может смело выходить за рамки города и региона в общероссийское культурное пространство.

Произведения лауреатов Южно-Уральской премии, представленные в альманахе, заслуживают широкого признания. Глубокий психологический роман Генадия

Скобликова «Провожая отца», повествующий о трагедии старения, глубоко исследует тему семейную, ставя акцент на взаимоотношениях стареющего отца и самого близкого ему человека — сына, близкого — и в то же время отдалённого сменой эпох, уклада жизни. Только любовь, сочувствие и память способны преодолеть пропасти и трагедии, хоть в какой-то мере вернуть сыновний долг отцу, роду, а в наивысшем нравственном понимании — и своему народу.

Новые стихи Николая Години из сборника с загадочным названием «i» показывают нам новую грань творчества уже известного поэта, автора более чем двадцати книг. Отличительная черта поэзии Години — яркий народный, разговорный словарь, злободневная горечь и сатирико-юмористический оттенок тем, пристальное внимание к повседневности.

Надежда Шемякина и Александр Осипов, авторы, победившие в номинации «Литература для детей», каждый по-своему отражают тему детства. Для Надежды Шемякиной это игровая стихия речи, стремление к словотворчеству, открывающему новые повороты привычных детских сюжетов. Александр Осипов в своей волшебной повести «Поговорите с нами» воплощает мечту, наверное, каждого ребёнка — его герои, птицы и звери умеют разговаривать с детьми, и это волшебное взаимопонимание помогает распутать перипетии сюжета.

Увлекательную, документально достоверную историю города Верхний Уфалей и его завода излагает Валентина Черных, лауреат в номинации «Литературное краеведение и публицистика». В этом солидном по объёму издании отражена по-своему типичная судьба уральского города, который строился вокруг завода и жил жизнью этого завода, сохраняя элементы сельского уклада, но и продвигая технический прогресс страны.

В номинации «Талантливая молодёжь» победу одержал не опубликованный ранее роман Дарьи Федосеевой «Тюремная жена», в котором автор стремится воссоздать достоверный психологизм и романную полифоничность вполне «взрослой» темы. Заявка молодого автора получилась основательной и до-

стойной, есть надежда, что Дарья будет и дальше развивать «крупную форму» в прозе, ведь именно эта форма, повторю, сегодня выходит в литературе на первый план.

Молодой поэт Екатерина Ермолина — автор уже нескольких книг, хорошо владеющий как традиционной поэтической формой, так и свободным стихом. Её произведения отличаются высокой лексической свободой, заострённой актуальностью и естественным для настоящего поэта стремлением преодолеть трагические коллизии силой гармонии, волей к любви и свету.

Жюри благодарит всех соискателей премии за участие в конкурсе и желает вдохновения и смелых творческих открытий в создании яркого образа современного Южного Урала и России.

*Нина ЯГОДИНЦЕВА,
председатель жюри,
секретарь Союза
писателей России,
член Совета СПР по критике*

Лауреаты

Номинация

«Проза: профессиональные авторы»

Геннадий Скобlikов

Диплом Премии «За развитие традиции русского психологического романа в книге «Провожая отца»».

Родился 1 февраля 1937 года в деревне Старая Слободка Курской области.

Окончил техническое училище по подготовке механиков ферм и отделений совхозов. В 1959 году поступил на филологический факультет МГУ и после его окончания в 1964 году получил направление в Челябинск. Здесь преподавал в школе № 1, позднее — трудился литературным сотрудником многотиражных газет «Машиностроитель», «Челябинский строитель», работал заведующим редакцией художественной литературы Южно-Уральского книжного издательства.

Первая публикация — в журнале «Урал» в 1974 году (повесть «Наша старая хата»). «Провожая отца» — пятая книга писателя.

Провожая отца

(отрывок)

Отец жил в новом, Северо-Западном, спальном, районе, на самом краю города, у леса.

Шесть лет назад, когда он переехал от дочери Любы из Брянска сюда, к нему, на Урал, в полученную им, сыном, всё в том же тресте трёхкомнатную квартиру, и они вместе, вдвоём жили с отцом в одной комнате, он, сын, понял, что для Прохоровича нужна отдельная комната и им надо как-то расширить их квартиру. Вариантов у них было два:

или ему, сыну, получить через их писательскую контору четырёхкомнатную, или же получить как-то комнату на отца — как инвалида Великой Отечественной войны, не имеющего своего жилья; чтобы потом, естественно, путём обмена соединить их в четырёхкомнатную. Решили попробовать оба возможных для них варианта. Он, сын, написал заявление в свою писательскую организацию, где деньги на расширение квартир членам Союза

писателей выделялись Москвой, Литфондом (по Положению каждый член творческого союза в стране имел тогда право на дополнительную жилплощадь, для рабочего кабинета), а заодно решили попробовать поставить на очередь на получение жилплощади и отца. В Брянске их Прохорович тоже как «не имеющий своего жилья» инвалид войны стоял несколько лет в райисполкоме в очереди на квартиру. Хотя там, в Брянске, своими руками он когда-то построил, а затем, спустя годы, уже перестроил, расширив, отличнейший дом для дочери и зятя, для всей их семьи, где теперь он и жил, но — «без права» на эту самую жилую площадь; да и жил-то в построенной им же самим для себя маленькой тесной времянке из шпал, на огороде. Но там, в этом Брянске, он так и не дождался совсем уже было обещанной ему райисполкомом комнаты: после очередной ссоры с зятем (а они, с их упрямыми характерами, друг друга стоили) отец решительно плюнул на всё там у них и уехал сюда, на Урал. А когда, буквально через месяц, его вызвали там, в Брянске, в райисполком получать ордер на комнату, и дочь Люба вызвала его «молнией»: «Срочно выезжай получать комнату», и отец сразу же выехал отсюда снова в Брянск, то, когда через три дня он явился в райисполком, оказалось, что уже было поздно: ордер на его комнату успели выписать какой-то там женщине. Кто была эта женщина, бог её знает, но, по словам обидённого и обиженного Прохоро-

вича, она не была никаким инвалидом войны и вообще, мол, не брянская, а приезжая — «какая-то там аферистка». Недели две или три пытался он там воевать и добиваться конечной себе правды. Он даже было, по подсказке каких-то людей, как-то вселился в ту самую «свою», «его» комнату, что раньше и предназначалась ему, но его из неё тут же вскоре и «попросили» — и самым решительным и обиднейшим образом! Трое «лбов» (как он сам их, отец, называл) — людей той самой новоявленной «аферистки» — подогнали к окну грузовую машину (комната была на первом этаже; дверь же отец держал на замке и никого не пускал), взломали раму, влезли через окно в комнату, самовольно и через окно же побросали в машину все вещи Прохоровича, а затем схватили и его самого, старика, и так же через окно вытащили и водворили в машину, вместе с вещами и доставили его назад к дочери с зятем, выгрузили вместе с его «бараклом». Отец много-много потом рассказывал тут и ему, сыну, и снохе, Але, и вообще кому приходилось, как ходил он жаловаться и в сам райисполком, и в областную газету, как доказывал всем свою правоту и даже плакал в том же райисполкоме, но выданного той женщине ордера назад уже было не вернуть. Правда, в райисполкоме отца попросили подождать ещё год: тогда, заверяли они его, ему обязательно выделят комнату. Но Прохорович сам тогда решил уже всё. «Жулики вы тут, продали вы мою ком-

нату — вот этой вот самой аферистке!..» — высказал, по его же рассказам, отец напрямую всем им там, в райисполкоме, плюнул на всё, выписался, снялся со всех учётов и теперь уже окончательно и со всеми своими вещами, в двух мешках и в бауле, навсегда уехал из Брянска. Уехал, конечно, по предварительной договоренности с ним, с сыном, к нему сюда, на Урал.

Отец (как мог догадаться он, сын), явно из ущемлённой мужской своей гордости, рассказал, видно, не всё им, как там с ним эти самые «лбы» обошлись. Когда он, сын, по возвращении отца из Брянска помогал, как обычно, ему выкупаться тут у них в ванной, он увидел на ягодице и на бедре у отца-старика, как раз на левой, раненой его ноге, огромнейший, в две добрых ладони, кроваво-синий багровый кровоподтёк, гематому. То ли был это след от чьего-то тяжёлого и сильного удара, то ли — от тяжёлого там же падения их отца-старика; может, как раз и тогда, когда его забросили в машину. Но отец всё старался не стоять к нему, к сыну, этой самой своей, левой его, стороной; да и он, сын, со своей стороны, тоже не стал ничего больше спрашивать, прояснять у отца, всё и так было ясно. Да, вот так оно всё и случилось, так оно всё получилось, что он, их отец, их Прохорович, всю жизнь свою строивший всем и везде, и строивший им, своим детям, отдельные дома: и два, считай, дома в Брянске — для дочери Любы и её мужа и троих их детей,

и хату Наташе и Ване в родной их Слободке, и дом сыну Виктору в Плавске в Тульской области, — к девятому своему десятку остался без собственного угла, прописывался «без права на жилплощадь». И кто и в чём тут в семье у них был виноват, подумаешь да ничего и не скажешь. Старший сын, Виктор, после смерти их мачехи тёти Поли уехал из отчего дома на родину жены Маши в Тульскую область, в Плавск: помимо иных других прочих причин в той самой колхозной их жизни уехал он ещё и потому, что, как он сам говорил, и не раз, надоело ему, взрослому мужику, отцу своего уже семейства, всё время «выглядывать из-под отца», словно он малолеток; не чувствовать себя в доме хозяином. А Прохорович их и в самом деле просто не мог без того, чтобы всем им и часто во всём так или иначе, а непременно *указывать*, тем более там, в своём доме, в былом их нехитром хозяйстве, где он только хозяином себя и понимал. Уезжал Виктор без всякого скандала, в полном согласии и в договорённости обо всём с ним же, с отцом. Прохорович отдал им всё из имущества, что они сами хотели с собой взять, а потом уже он же, отец, год или два, а может, и три по несколько недель каждый раз (когда накапливались строительные материалы) жил там же в Плавске, строил вместе с Виктором (как и отец, тоже плотником) его уже собственный дом. В деревне же оставалась Наташа с мужем Иваном (Ваней, как только и звали его у них все); детей

у них не было, они жили вдвоём в своей хате, на которую незадолго перед этим отец отдал им свой великолепный сосновый амбар (отличнейший сруб, который отец когда-то давно, ещё далеко до войны, ещё до колхозов, когда ещё жили единоличниками, сам и срубил, выменяв у кого-то на станции Отрешково этот сосновый лес на свою лошадь), а затем сам же и помогал Ване (точнее, брал на себя всю основную плотницкую работу) строить им свою хату. Казалось бы, сам бог велел теперь им троим соединиться вместе, жить на две их усадьбы, засеивать отцовы полгектара теми же викой с овсом да люцерной или тимофеевкой, чтоб не думать уже больше о сене на зиму корове, да и радоваться бы спокойной и обеспеченной жизни. Однако и тут у них тоже не получалось. Тот же Ваня, поживший до этого пару лет у них в доме, у тестя с мачехой, на положении «примака», как он сам выражался (хотя таковым его там никто никогда не считал, они с Наташей и жили у них как бы отдельно от них, самостоятелно), теперь рвался уже именно к полной своей независимости, в том числе и к свободе от постоянной опеки их «бати», как на свой украинский манер называл их отца этот самый Приходько. И пояснял им, ребятам, открыто и откровенно: «Ваш батя привык всю жизнь быть хозяином, чтобы только он сам всё решал. Вот и я тоже хочу в своём доме быть таким же хозяином!..» Да и Наташа тоже не проявляла никакого желания соединиться с

отцом, хотя отговорка при этом у неё была несколько мягче, иная: «Мы и сами ещё толком не знаем, где мы дальше жить будем: мы сегодня тут, а завтра — поднимемся да уедем...» Хотя опять же им всем было ясно, что никуда уже ни Наташа, ни Ваня — ни вместе, ни порознь — отсюда, из своего дома, никогда не уедут. Но и отец, со своей стороны, не слишком-то набивался на совместную жизнь с ними. Пожив после смерти их мачехи и затем отъезда и Виктора два года в своём одиночестве, посидев в основном на одном чае, он решительно продал хату и, по предварительной их договорённости, уехал к среднему сыну, Петру, в Кстово, Горьковской области. Брат с женой Аней и маленькой дочкой Домочкой (названной братом так в память покойной их матери) жили всего в одной комнате в обыкновенном бараке, и вот туда и приехал к ним жить их отец. Но у практичного брата (помимо естественного сыновнего его долга перед отцом) был и свой там расчёт: что чем хуже тут будут их жилищные условия, тем, возможно, быстрее могут им дать квартиру. И так оно всё и получилось. Через год, или, может, полтора, или два (он теперь этого точно не помнит) они и получили её, долгожданную двухкомнатную новую квартиру. Так что и тут им отец вольно или невольно, а помог. Он же, самый младший из них, из детей, был тогда ещё студентом; и из Москвы, из своего МГУ, по молодости своей почти безразлично отнёсся к судьбе своей хаты: мол,

как отец сам решает, так он пусть и решает, а ему-то, ему-то — зачем она, хата, вообще там, в деревне, нужна!..

Отец прожил в Кстове у сына тогда несколько лет. Семья увеличилась, родилась ещё одна девочка, Леночка, стало, естественно, потеснее. Но на условия жизни они все как будто не жаловались. И тем не менее, тем не менее и у них там накапливалась и вызревала, возрастала какая-то напряжённость. И кто там был прав, а кто и в чём виноват, разобраться, как всегда, невозможно. Закончилось же у них это тем, что отец снялся и из Кстова и переехал к старшему сыну Виктору, в Плавск. Виктор давно и серьёзно болел, к тому ж выпивал, сам себя не берёт, и вскоре и умер он, от болезни желудка; оставив свою добрую жену Машу в построенном им с отцом новом доме, без средств и с тремя детьми. А отец, пожив у них ещё время, решил — «чтоб не мешаться мне Маше, она ещё молодая — и что я буду у неё там торчать...» — по согласию с дочерью Любой и зятем Василием Егоровичем переехал к ним в Брянск, Брянск-2.

Когда-то, в середине сороковых, их младшая из сестёр Люба, уехавшая ещё в войну в пятнадцать своих лет по вербовке, работала на ткацкой фабрике в местечке Куровское под Москвой. Люба, как он теперь, её брат, представляет, должна была быть, по всем её данным, артисткой. И, возможно, хорошей, успешной артисткой, выпади в жизни ей такой фарт. С броскими

внешними данными, заводная, весёлая, энергичная («Буря!.. Цыганка!..» — называл её, насколько совсем не «цыганку», не чёрнявую, а как раз больше светлую, восторгаясь ею, отец), она ещё дома в деревне, даже и в оккупацию при немцах, устраивала у кого-нибудь в хате у подруг, у кого посвободней, всевозможные представления и спектакли, где сама же и придумывала сценарии, и «режиссировала», и декламировала, и танцевала, и пела. Ей, наверное, было б по силам, по всем её данным, даже Любку Шевцову в «Молодой гвардии» сыграть. Но судьба стать артисткой их Любе не улыбнулась (да сама она, кажется, о том никогда и не мечтала: куда им там было, во время войны-то!.. Одеться-обуться хотя бы во что-то, да не опухнуть бы с голоду...), и, прожив зиму домработницей в Щиграх, у врачихи с фамилией Белоножка, принявшей их Любу к себе, наверное, больше из жалости, она, по совету и по содействию всё той же врачихи, завербовалась на ткацкую фабрику в Куровское, стала там ученицей ткачихи, а затем, спустя время, и сама весьма шустрой, умелой ткачихой-многостаночницей, как рассказывала она о себе им в деревне, когда приезжала домой в отпуск. Кстати, всегда, каждый год, проводя свой отпуск у них дома в деревне, она, бывало, по целым часам пересказывала собиравшимся слушать её бабам-соседкам все бесчисленные любимые её кинофильмы, что смотрела она у себя в Куровском. Её память

и умение живо и интересно рассказывать были и вправду почти поразительны. Как поразительно было и её умение вязать. Она привозила с собой связанные ею там, в общежитии, из простых белых ниток всевозможные узорные скатерти, занавески на окна, накидки на подушки, подзоры, и они с Наташей продавали их тут же, в Слободке, или даже носили в соседние с ними деревни — в Титово, в Басово — и меняли их там на продукты. Тогда и Наташа тоже работала с нею на фабрике, и они уже вместе, приезжая в отпуск в деревню, проворачивали вот такую «коммерцию». Жили-то там они тоже несладко, а коль откровенно, то просто и голодно: пайки хлеба по триста граммов получали по карточкам, так что даже картошку сушили в запас тут же, дома в деревне, и затем везли её с собой.

Там, в Куровском, и познакомилась Люба с красивым и сдержанным интеллигентным военным, сверхсрочником Василием, из Брянска; вскоре они и поженились. Из Куровского уехали в маленький городишко Агрыз в Татарской АССР, куда перевели служить дальше Василия. А после его демобилизации они приехали к нему на родину, в Брянск-2, где у него не было уже никого из родителей, и ни кола ни двора; и они стали жить квартирантами у какой-то его родственницы в её частном доме (помнится, как рассказывал о ней много разного забавного всегда с юмором Василий, называя её по странному её прозвищу — Конференцией).

Тогда-то они и задумали, с согласия этой самой Конференции, сделать пристрой к её дому. Времена были послевоенные, тяжёлые, строительных материалов не достать, да и денег, конечно же, не было, и строить решили из списанных старых шпал, хотя и те достать было трудно. Интеллигентный Василий, работавший по телефонной связи, сам до того и топора в руках не держал, и потому они с Любой, приехавши погостить к ним в деревню, и попросили отца им помочь. Отец растолковал зятю, что должен он будет сначала всё там заготовить, и осенью, как раз к Октябрьской, когда работы и дома и в колхозе стало поменьше, сложил в мешок свой плотницкий инструмент, в кошёлку резиновую грелку и бутыл с самогоном, какое-то там мясо и сало, связал мешок и кошёлку длинным и крепким домотканым рушником (что ткала когда-то и вышивала их крестиком сама их покойная мать) и с таким тяжеленным багажом на левом плече наперевес, опираясь правой под мышкой на костыль, и отбыл из курской своей Старой Слободки в тот Брянск-2 — помогать зятю строиться. Как опытный плотник, строитель, и как дальновидный хозяин, отец сразу же там и отверг их вариант о пристрое, чтоб не быть им зависимыми ни от кого на дальнейшее; и хотя из-за малости тогда у них места строились они просто впритык к дому той самой их родственницы, Конференции, сруб они ставили всё-таки совершенно отдельный, о четырёх стенах, а

не о трёх, как планировали было до этого, за что тот же Василий впоследствии много благодарил предусмотрительного и разумного тестя: Конференция продала потом дом свой на слом — и хороши бы они оказались семьёй в тех трёх своих стенах! С тех пор их отец ещё два или три года подряд ездил по осени доделывать там у них строительные дела, а зять Василий почти ежегодно, чаще зимой, приезжал во время отпуска к ним в деревню. Отец с их мачехой тётёй Полей выгоняли к его приезду достаточно самогона, и отец и Василий каждый вечер подолгу-подолгу просиживали вдвоём за этой их вольной бутылкой, за столом в горнице, перед уютно горячей лежанкой, и всё говорили и говорили, в полном почтении и уважении друг к другу. Отец рассказывал о своём — о всей своей жизненной одиссее, Василию тоже было что рассказать. К тому же он был у себя на работе каким-то активным общественником, похоже — профоргом, и он с удовольствием и помногу рассказывал и об этой стороне своей деятельности, что поднимало его в глазах их отца. Прохорович, как всегда, выпивал по чуть-чуть, по полстопочки, зять же, Василий, с удовольствием и значительно больше, постепенно хмелея, но держался хорошо и достойно, тоже знал свою меру, за что и отец непременно всегда уважительно отзывался о нём: «Ну что тут сказать! Серьёзный, самостоятельный человек! Пьёт, выпивает навсегда аккуратно, не напивается, как,

бываить, другие. И на работе его уважають!..» Люба тоже всегда исключительно уважительно и почтительно отзывалась о скромном и даже стеснительном, но в целом-то гордом и самолюбивом своём положительном муже, и обращалась к нему не иначе как «любый мой». И Люба действительно — и это всегда и во всём было видно — и любила и почитала его, своего «любого». И с удовольствием пела под гитару, и при нём и ему, и пела с любовью и с сердцем. Она была счастлива им. И во всём просто трепетно ублажала его.

И шли и шли годы. У Любы с Василием уже было трое детей. Прежний дом стал им тесен. И они скопили какие-то средства и снова решили строиться. И опять их отец уезжал на целые недели к ним в Брянск. Сумовал (отцово словечко, в смысле — обдумывал, соображал, прикидывал), как перестраивать им их прежний дом, чтобы и жить в нём всем можно было и чтобы и стройка у них шла чередом. И опытный, понимающий в своём деле Прохорович действительно находил такие решения, что и семья оставалась под кровом, жила как обычно, и работа их, новая стройка вокруг того старого дома, тем не менее шла. Чем приводил в восхищение всё того же их зятя. Новый дом у них вышел просторным, на три отдельных комнаты и с большим залом, и благодарный зять сам же и повторял постоянно, что если там что, то уж отцу у них место найдётся. Мол, не обидят, никогда не обидят его. А после отец и

ещё приезжал к ним на стройку: они сделали хороший просторный пристрой, на две комнаты, к их же дому, для женившегося старшего сына.

И вот туда к ним теперь и переехал из Плавска отец. И они действительно его приняли, нашли ему угол. Но, пожив с ними вместе, отец сам и почувствовал, что мешает им своим постоянным присутствием, «мозолит собой им глаза». Тем более что зять почти постоянно теперь уже выпивал, а выпивши, утрачивал свою былую интеллигентность и деликатность, проявлял непомерное самомнение и гордыню, ко всем домашним своим — откровенную нетерпимость и бывал и с женой и с детьми просто груб. Люба старалась хоть как-то смягчать все скандальные у них в доме сцены, но отцу от этого уютнее не становилось. И тогда он же сам предложил построить на их огороде из шпал для него отдельную времянку, чтобы он не мешал в доме им. И они построили малюсенькую времянку, сложили там печечку, поставили столик, диванчик, и их Прохорович переселился в неё. Там, в одиночестве, в этой тесненькой «келье», или «скворечне», «конуре» и «берлоге» (как так вот по-разному сам же отец называл это новое своё жильё) он большую часть времени и пребывал. На протяжении, кажется, восьми лет. Люба приносила ему в этот его «скворечник» еду; да и сам иногда он там что-то готовил, да грел чай на той самой топившейся печечке. На его, сына, вопро-

сы (когда отец к ним сюда приезжал), не тяжело ли ему там одному, в этом самом «скворечнике», Прохорович отвечал, что, мол, нет, что ему, мол, не тяжело, что он, мол, привык к одиночеству — что он на это, мол, твёрдый. Хотя какого-либо спокойного удовлетворения и весёлости он, сын, в его голосе не ощущал.

А там, постепенно, всё стало всё больше меняться. Благодарный, когда-то воспитанный зять теперь, как только достаточно выпивал, и начинал, начинал, уже по поздним рассказам отца, высказывать вслух своё, видимо, самое сокровенное: «Мне бы только теперь *иждивенцев* отсюда повыкурить... *Иждивенцев* бы выкурить...» Отец, понятно же, понимал, какого такого «иждивенца» зять имеет в виду. Хотя иждивенцем он как раз-то и не был: оговоренную часть своей пенсии исправно всегда им за свой «стол» отдавал. Люба (с её, повторяет, безусловной большой артистической, но, увы, не раскрывшейся там, где бы надо, натурой), и всю свою жизнь откровенно старавшаяся ублажить своего и красивого, и достойного, умного, и на работе авторитетного, и в трезвости вроде бы скромного, больше вообще молчаливого, но по натуре чрезмерно честолюбивого, гордого и в целом крутого и властного мужа, теперь металась между отцом и почти каждый день выпивавшим Василием, стараясь замять, погасить вот такие возникавшие у них сцены. «Любка?.. — Цыганка!.. Крутится там, как цыганка —

и вашим и нашим!» — говорил о ней в этом смысле отец. Но что в её силах было теперь, когда он, её муж, её «любый», тоже вышел на пенсию и, от нечего делать, от пустоты наступившей, ничем не заполненной своей жизни, выпивал почти каждый день. И надо же было ему, каждый день, от наступившего и совершенного безделья, от этой его пустоты, на кого-то нацеливать норов. И он и нацеливал его и на жену, и на детей. Ну, а уж тесть, постоянно маячивший тут «иждивенец», этот был и всегда самой первой и, похоже, вожделенной мишенью.

И вот, наконец, между ними — благодарным когда-то их зятем и вполне заслужившим тогда благодарность его своей помощью тестем, а теперь «иждивенцем» — разразился серьёзный, последний скандал. И усилий их Любы «цыганки» там уже не хватило, чтоб унять, примирить их обоих. После чего сам отец и решил для себя окончательно: не дожидаться больше от райисполкома давно обещанной государственной комнаты и уехать сюда, на Урал.

И теперь уже тут, на Урале, в этом городе (к которому он, их отец, пусть и был инвалид, но не имел ни малейшего отношения), по организованному им уже, сыном, ходатайству военкомата и при поддержке звонком из обкома партии райисполком не только включил их отца в какой-то их «скорый» там список очередников, но и учёл, по взятой и присланной Любою справке, его многолетнюю очередь там, в том же Брянске. Самое же большое

спасибо они должны были сказать и сказали заведующей отделом культуры обкома партии Таисии Фёдоровне Тихоплав: это она, сама молодой ещё девушкой прошедшая фронтовыми дорогами войны и теперь трепетно и участливо относившаяся к бывшим фронтовикам, выслушав от него, сына, одиссею отца, и позвонила тогда в жилищную комиссию райисполкома с ходатайством о их старике, что в основном и решило всё дело. Учили в райисполкоме, скорее всего, и возраст этого нового у них инвалида войны — как-никак восемьдесят четыре года! Сами ж сказали, что самый пожилой он у них, в «скорой» их очереди. И не прошло ещё тогда и полугода, как они тут, и к немалому их удивлению, получили из райисполкома то самое уведомление: явиться отцу в их жилищный отдел — получить ордер на комнату.

Комнату, объяснили им в райисполкоме, отцу выделили в новом девятиэтажном доме для малосемейных, в чистом районе на краю города, в двухкомнатной квартире на двоих. И в соседи к нему, самому пожилому у них инвалиду войны, подобрали тоже человека положительного и степенного. «Чтоб не попало вам, отец, жить с каким-нибудь пьяницей», — участливо пояснил там их Прохоровичу действительно очень доброжелательный молодой чиновник жилотдела, вручая ордер. И отец их, старик, расстроганный и самим фактом получения ордера на его собственную теперь где-то там комнату и

этими добрыми словами к нему, не удержался, заплакал и бесконечно благодарил и благодарил всех их там: «Спасибо, спасибо, родные!.. Спасибо вам от меня, старика!.. И нашей Советской власти — большое, большое спасибо! Что не забывает она нас...»

В первый раз смотрел комнату он, сын, один. Она была действительно в только что сданном строителями новом девятиэтажном доме, на третьем этаже, в маленькой, но вполне уютной двухкомнатной квартирке. И сама комната площадью четырнадцать квадратных метров оказалась приличной, удобной: почти квадратная, с окном и застеклённой балконной дверью на юг, весь день солнечная, с весёлым видом на новую школу и детский садик в сотне метров от дома и за ними на берёзовый лес. Сам же дом был как свечка: высокий, в один подъезд, из серии специально для малосемейных, пенсионеров и инвалидов войны. Ему, сыну, даже жалко стало, что вот придётся теперь искать какой-то обмен, чтоб соединиться с отцом или хотя бы его приблизить к себе, а значит, и потерять столь хорошее, светлое и чистое от всех дымов место. Но когда он привёз сюда самого Прохоровича, вопрос о каком-то возможном обмене отпал сам собой. И сам новый их дом, и лифт, и совсем пустая ещё уютная квартирка, и его собственная, отца, теперь комната, просто янтарная со светлыми желтоватыми обоями и вся залитая ярким солнечным майским светом, и совсем поразивший отца его

собственный тоже — «и на одного, шутите!» — во всю стену балкон с тем самым видом на только что зазеленевший белоствольный берёзовый лес, которым можно теперь любоваться ему, старику, сидя тут, на балконе, — вся эта роскошь, и теперь принадлежащая не кому-то другому, другим, а ему, ему, и только ему самому! — так покорила отца, что он сразу же и безоговорочно решил, ничего не откладывая, переехать сюда и жить теперь тут, только тут, одному. Они, естественно, ни в чём не хотели мешать отцу и навязывать ему свою волю — пусть решает всё сам, как он хочет; и всё-таки им же самим и неловко, и боязно, просто боязно было: как-никак — восемьдесят четыре года отцу, старику, их дедуле, как же он будет один тут, один, совершенно один, без своих, если, живя там у них, живя с ними, он совершенно, ну совершенно ни до чего не касался и даже дороги до ближайшего магазина, считайте, не знал. Но эти все их опасения, все эти сомнения и все их суждения решительный Прохорович даже и слушать не захотел: «А в Брянске я что — не один, что ли, жил восемь лет! Я и там, и у них — жил один! Сидел там, на огороде, у времянке, у скворечнике етом — как волк там один, как медведь у берлоге, или как попугай усё равно!.. И печку себе у етой времянке — топил, и чай на ней сам себе — грел, и у магазин почти каждый день же — ходил! Любка, правда, еду мне из дома каждый день, навсегда приносила, что правда то правда, брехать мне тут нечего; ну а

жил-то я у етой своей там времянке — один! На огороде, у коморке у етой! Сидел там, выглядывал... Да ишшо — не идёть ли и он там, когда пьяный, хозяин? не бормочить там опять про иждивенца? Помешал или объел его я!.. А тут, у етой у комнате, у етой квартире — да разве же это можно сравнить! Вы что, шутите, что ли?!.. Ты посмотри, посмотри! И усе — вы приезжайте да посмотрите усё, посмотрите! И комнату большая, на одного человека — пожалуйста! И диван тут тебе, вот, у стенки поставить — пожалуйста! И стол, а хочешь — и кресло, и стулья тут тоже ж, усё равно место есть, хоть танцуй! И ванная опять же — она ж вотана, тут. И туалет, и кухня ж отдельная, и плита. Да ишшо и на электричестве, повернул и готово, даже и спичек не надо, никакой тебе сложности! И даже и мусор — и его ж теперь не надо на улицу выносить, вот же тебе мусоропровод — тоже пожалуйста! И — лифт, лифт, лифт даже ж есть! Пешком по лестнице ходить — и то ж мне не надо, зашёл и поехал — едрёно мать! Нет, ты сам как хочешь тут, Геня, — обращался он к нему, к сыну, — и усе как хотите вы тут, как хотите считайте, а я, я теперь — я у свою у квартиру теперь переезжаю. У свою! Сам — у свою у квартиру! И даже и разговора об етом не может и быть!..»

А когда они, для знакомства, обходили вдвоём весь этот микрорайон и отец тут увидел, что

и два продуктовых магазина довольно близко от его теперь дома, и те же школа и детский сад рядом: «Ить видишь же, видишь же — весело! Усё ж тут кругом! Или — как я там у ихнем у Брянске, на огороде, у болоте у етом у ихнем сидел!..» — он и вовсе на седьмом небе тут был от всего, что теперь для него и его тоже было.

И вообще надо б видеть отца, их отца, старика, их Прохоровича во всё это время осмотра! Старый ведь, старый — восемьдесят четыре года тогда ему было, инвалид 2-й группы, прихрамывающий на левую ногу, с костыликом... — и как же азартно, как живо и юрко и как деловито, ревниво обходил и осматривал он всё-всё-всё, что теперь и действительно в его доме принадлежало ему или было всем тем, чем и он теперь — и по полному праву! — может и будет сам пользоваться. И как весь он светился, весь он аж тут светился от удовольствия, от удовлетворения, и то и дело, то и дело благодарил он вслух и тех конкретных людей, что вручали ему ордер в райисполкоме, и вообще нашу Советскую власть, давшую ему, инвалиду войны, всё вот это на старость для жизни.

А потом и опять и опять, и самым внимательным образом, и с полным удовлетворением осматривал он свою комнату — и восхищался размером, объёмом и светом её, и кухню, и совмещённую ванную с туалетом, и маленькую общую кладовую в коридоре... И во всё это время и в его просветлевших глазах, и на лице, вообще во всё его об-

лике, во всём его существе торжествовало одно единственное и всё превышающее сейчас состояние — вновь ощущение себя наконец-то *хозяином*. Хозяином своего тут угла, хозяином своей собственной тут теперь жизни. Во всех смыслах и с большой буквы — *Хозяином!* И не меньше, не меньше того!

Семнадцать лет прошло тогда, к тому времени, как продал отец свою хату в Слободке и стал жить то у одних, то у других из всех из них. И что ж тут скрывать: он тяготился у всех, у любого из них, положением постоянного «квартиранта», как он сам же себя называл; по делу или не по делу, заслуженно или незаслуженно, но он, их отец, их Прохорович, обижался по очереди ну абсолютно на всех, у кого бы ни жил. Кажется, одна только Маша, жена Виктора, в Плавске, добрейший, покладистый и бесхитростный человек, тут была исключением: единственно на одну на неё он никогда и ни за что не обижался, или, по крайней мере, не говорил о том никогда. А так — всюду он чувствовал себя, их отец, их старик, обездоленным теперь и одиноким, и, конечно же, вряд ли уже он мечтал, в невесёлых своих стариковских раздумьях, о какой бы то ни было самостоятельной и независимой жизни от всех от них, от других.

И было, и было ведь у него, у отца, у их старика, и даже такое, такое, что он, на восьмом-то десятке уже, в один из приездов из Плавска в деревню к Наташе и Ване как-то прослышал там где-

то и от кого-то о своей бывшей симпатии его юности — Дуне, тоже жившей теперь одиноко, в деревне Бендеры, километрах в шести от их Старой Слободки и в двух километрах не доезжая до станции Отрешково, и попросил тогда Ваню отвезти его на мотоцикле туда; и там он и встретился с этой самой своей давней Дуней, и они как-то там сговорились — попробовать начать пожить вместе. И Прохорович тогда и переехал к ней из Плавска, перевёз свой плотницкий инструмент и какие-то свои личные вещи, и сразу же, по-мужски, по-хозяйски, начал поправлять её добротный рубленый дом, купленный ею у бывшего местного лесника, да по-хозяйски ж похаживать по огромному яблоневому и вишнёвому саду, должно, заранее мучаясь от вопроса, как же сумеют они вдвоём с этой Дуней собрать и на чём и куда отвезти и продать, сдать хорошо уродившие в тот самый год яблоки, в основном замечательную их курскую антоновку. Приезжали они в то самое лето с братом Петром и их дочкой, второклассницей Домочкой, в свою Старую Слободку к Наташе и Ване, посетили все трое и отца в тех же самых Бендерах, посмотрели на их новую жизнь с этой Дуней, на саму на неё, эту Дуню — невысокую, полную и, естественно, старую старушку; и заметно смущённую при них. Он, младший, более терпимо отнёсся к такой акции престарелого их Прохоровича: что ж, мол, если ему, их отцу, может быть, так и лучше. А вот более

трезвый по жизни, без излишнего «романтизма» и «лирики», и твёрдый характером и прямой в выражениях Пётр категорически не одобрил отца, то есть саму эту акцию, чего откровенно и не скрыл в разговоре, без Дуни, от самого же отца. Тем не менее, они отметили там эту встречу, даже заночевали, и утром ушли пешком через лес и затем через горское поле к себе в их Слободку. Отец, в его явной неловкости за себя, проводил их до ближайшего лесистого лога, попрощался и, ни разу на них не обернувшись, зашагал-закостылял, с костыликом в правой руке, вверх и полем, к видневшемуся там, на бугре, саду и дому Дуни.

Трудно было предположить, как и сколько продлится тут эта их новая жизнь. Получилось — недолго. Пожили тогда они вместе только лишь до осени, до сбора тех самых яблок, и разошлись. То ли уже потому, что бывшие их прежние симпатии друг к другу теперь, увы, не воскресли, то ли просто уже «время ушло», как в других случаях выражался о подобном отец (он, сын, в разговорах с отцом деликатную эту сторону их истории с Дуней никогда, естественно, не задевал), а то ли и чисто уже по житейским, сугубо расчётливым, меркантильным мотивам, на что в тех самых их разговорах о его жизни у Дуни и делал упор всегда сам он, отец. Ведь Дуня, Дуня, эта самая Дуня, совершенно ведь одинокая, без детей (были там где-то, жившие в Курске, её племянники), не захотела подписывать на него, на

отца, перешедшего к ней и ставшего, стало быть, там теперь тоже хозяином, этот самый их дом! Что, по заверениям Прохоровича, и было тогда сразу же непременным условием его переезда к ней. «А то — на какого бы чёрта я там сидел бы у ней! — заявляя он при этом, всегда теперь весело, как о комичном. — Для неё для самой да для племянников этих её — хату да сад караулить?!...» Ну и он сам, их Прохорович, в свою очередь (что ж, говорить если правду, так правду), тоже не захотел отдавать на расходы ей всю свою пенсию, которая была у него теперь — *городская*, а стало быть, в несколько раз большая, чем у самой этой Дуни — *колхозная, сельская*, нищая. Короче, переехал отец к своей бывшей симпатии в начале лета, а в конце того самого лета, уже к сентябрю, союз их расстроился. Собрал он в мешок опять плотницкий свой инструмент, сказал что-то там на прощание Дуне — и пошёл пешком за два километра на железнодорожную станцию Отрешково, отбыл оттуда поездом в Курск и затем к Маше в Плавск; снова назад, к овдовевшей тогда уже невестке. Но, как говорил он и сам, скоро почувствовал он, их всё видящий, всё замечающий и дотошный их Прохорович, что, похоже, мешает молодой ещё Маше своим лишним у ней постоянным присутствием. И он собрался и переехал тогда к дочери, в Брянск. Ну а потом, а потом уже, как уже сказано, — и сюда, и сюда, на Урал.

И вот, после года уже у него тут, у младшего сына, и опять же и

тут теперь тоже не без обид, что и тут, мол, у них — он тоже на положении того же всё «квартиранта» (а как изменить было им это самое его положение, его статус у них, он и сам ведь не знал), он вдруг и почти что нежданно-негаданно, с получением своей этой комнаты, вновь становился хозяином! Совершенно и ни от кого не зависимым единоличным хозяином этой прекрасной — *своей* — его комнаты! И даже — и это единственно для него одного самого! — этого самого балкона! «А у соседа-то, у соседа балкона — нету!» — горделиво и с явным своим превосходством восклицал он не раз. И опять и опять, и в прямом смысле слова со слезами на глазах, благодарил нашу власть. «Нет, спасибо, спасибо надо сказать ей, спасибо — нашей Советской власти! Огромное, огромное ей наше спасибо должны мы сказать! Что заботится она о нас, об инвалидах войны. И вообще, вообще о стариках. Огромное, огромное ей спасибо!...»

И соседом своим, новосёлом другой комнатухи их совместной квартирки, Георгием Ивановичем, когда они заселились и познакомились и стали жить рядом, их отец поначалу был очень доволен. Георгий Иванович тоже был одиноким (хотя тоже ж тут, в городе, жила его дочь, инженер-строитель, с семьёй), вдовец и пенсионер, лет семидесяти или, может, постарше, на вид мужик ещё бодрый, с упитанным круглым лицом и заметным брюшком, бывший лесничий и, видно,

привыкший, и это чувствовалось в нём по всему, к вольготной и сытой, независимой жизни. Первое время, пока обживались, устраивались, они постоянно ходили друг к другу, многое обсуждали и решали совместно, и их отец был необычайно доволен соседом, всегда уважительно и высоко, с похвалой отзывался о нём. «Бывалый, бывалый, матёрый мужик, сукин сын! — не раз говорил он о нём ему, сыну. — Что уж бывалый, то бывалый! Матёришший!...» И если и не сходились они с самого первого времени в чём, так это в вопросе — как часто и по сколько следует им выпивать.

Сосед этот, Георгий Иванович, по словам отца, спокойно выпивал за день пол-литра водки, когда же ему, их отцу, вполне хватало двух стопок вина, а водки так и того ещё меньше. И поскольку первое время — на знакомство и вообще из расположения друг к другу — они покупали бутылку на двоих и устраивали их *общее* застолье, то открывшиеся аппетиты и возможности потребления даже и полюбившегося соседа совершенно никак не устраивали Прохоровича: «Я — полрюмки, полрюмки, а он, бугай, сам себе — полстакана! На чёрта мне это сдалось!...» — вскоре уже стал возмущаться в разговорах с ним, с сыном, отец. И вот, после нескольких таких их совместных застолий, с одной стороны, надо думать, весьма и весьма им приятных — пока они, каждый, рассказывали и пересказывали друг другу о себе, о своих одиссеях, — но и не менее, наверное, напря-

жённых, по крайней мере, для их всё замечающего и отмечающего и расчётливого отца, наверняка постоянно следившего, сколько раз и по сколько сам себе наливает сосед, они, после нескольких, пока ещё вроде шуточных и вполне мирных стычек опустились сначала до того, что, купив вскладчину на двоих ту же самую пол-литру водки, дома тут же и разливали её поровну, и теперь каждый из них за их общим столом наливал себе *из своей* половины, сколько уж сам он захочет; и сосед тот, Георгий Иванович, как правило, по рассказам отца, выпивал своё сразу, в одно застолье, не дожидаясь уже этого медлительного и маломощного компаньона, и время от времени, постепенно хмелея, приговаривал как бы лишь про себя, но и достаточно громко, чтобы он, этот самый, тоже с характером, его сосед, этот старик, этот колхозник, слышал его: «И не учи меня жить!..» На что их отец, тоже не терпящий ни от кого высокомерия Прохорович, тем не менее, как нарушитель дуэта первое время пока что лишь просто отмалчивался: мол, пусть бурчит, его дело, зато главное — не следить теперь больше за ним, бугаём, не переживать за своё!..

Но время шло, они получше узнавали друг друга, и отношения их всё более обострялись. О чём конкретно спорили они там у себя, какие вопросы обсуждали, в чём соглашались, а в чём расходились — он, сын, доподлинно, конечно, не знал. Но что было совершенно очевидно для него,

и он отмечал это в свой каждый приезд туда к ним (а он поначалу сам каждое воскресенье ездил к отцу, а не отец к ним), так это то, что холодок там у них в отношениях друг с другом всё более и заметнее проявлялся. Бывший лесничий явно считал себя принадлежавшим к иной социальной ступени, выше, чем этот колхозник, и более сведущим, опытным во всех отношениях, и потому и повторял часто этому бывшему деревенскому плотнику, чтоб он «не учил его жить», на что их отец, пока ещё, видимо, не желавший открытого раздора, как-то в присутствии его, сына, тоном совершенно напрасно обиженного вроде бы вполне и резонно ответил: «Да на что ты мне нужен, скажи ты на милость, чтоб я учил тебя жить! Ты живи — как ты хочешь, а я буду жить — как я сам хочу!..» Хотя в то же время (и он, его сын, хорошо это знал за отцом) их самоуверенному и неуступчивому всю жизнь Прохоровичу и теперь, безусловно, казалось, что понимает-то больше во всём именно он, он, а не этот его «господин». И отец их, считавший, что сосед уже в силу своего положения лесничего всю свою жизнь прожил именно «господином», или прямо сказать — «дармоедом» (а опыт общения с такими лесничими у отца, бывшего бригадира колхозных плотников, там, на родине, был, и немалый), выговаривал и не раз ему это вот самое... правда, пока за глаза: «Ты б, ... твою мать, поищай бы усю жизнь, как я поищай, или как другие ищачуть, тог-

да б у тебя морды такой вот и пуза такого вот не было б! А то — ишь, лесником усю жизнь, дюже тяжёлая она у тебя там работа была! На всём на готовом, на государственной шее сидел, пьянствовал с разным начальством, что с шшеполками туда к нему в лесничество его приезжали, да лес строевой налево-направо сплавлял!.. Знаю я вас, таких вот лесничих, такие и у нас тоже были!.. Не сеють — не пашутъ, лес они охраняютъ, а сами толька и знаютъ, что на нём наживающца!.. Бывало, дя колхоза дубов каких, вообще лесу какого надо было спилить, тут же у нас, у себя ж, у наших же рощах, так мы с председателем — с разными председателями, мало их было! — ему, леснику, кланицца всякий раз должны были: разреши, мол, того-сего, мы там потихонькю, ночами, а мы тебе, мол, того — возместим. Мы-то не дя себя, дя колхоза, дя обчего дела, а ему — дя него самого! И самогоном ему отдавали, и сколькя захочет — зерном... Так что я знаю, уж я-то вас знаю, какая она у вас, ваша работа была!..» Всё это он, их отец, говорил ему, сыну, в их разговорах о соседе. Но он, его сын, тут нисколько не сомневался, что разгорячённый их Прохорович наверняка выпаливал всё это и в глаза тому самому «господину».

Короче, как бы то ни было, но уже через два — может, три месяца они одно время почти уже не разговаривали между собой. И приходилось уже ему, сыну, урезонивать своего старика. «Вас же тут двое, пап, всего двое, друг

от друга никак не зависимы — и вам совершенно же не из-за чего бы спорить, что вы никак не поделите?!» — время от времени выговаривал он своему Прохоровичу, стараясь всё-таки и не обидеть его, не делать из него первого виноватого. На что отец, тоже пока вроде мягко, но и начиная уже заводиться, в том числе и на него самого, на сына, вроде бы резонно ответствовал: «Да что я с ним тут делить буду, что мне с ним тут делить, на чёрта он мне, бугай этот, сдался! Он пусть живётъ — как он хочить, у своей комнате, а я — как я хочу, у моей! Вот оно и усё!..» Но он, сын, если не знал хорошо того самого отцова соседа, хотя и чувствовал, достаточно чувствовал его, его действительно очевидные «барские» замашки вчерашнего самодовольного начальничка, то уж знал хорошо своего разлюбезного Прохоровича, которому тоже пальца в рот не клади.

Ну а ещё вскоре узнал он и более конкретную, может быть, даже и главную причину, отчего они перестали ладить между собой. Дело в том, что их Прохорович, кому выдали ордер на лучшую, большую комнату, да ещё и с балконом, на этом весомом дя него основании считал себя *первым* и *главным* в квартире, как бы *хозяином*, а своего соседа, чья комнатка была поменьше и похуже, ну, вроде как на подселении у себя. И теперь — и во всех мелочах их совместного коммунального быта — он и пытался утвердить за собой это вот своё право быть *главным*, право вольно или

невольно, открыто или как-то там исподволь, но опекать и контролировать того самого соседа и подсказывать, подсказывать ему, что и как лучше делать. Ну, например, *как лучше* ту же электроплиту включать и т. д. и т. д. и т. д., на что сосед, понимавший все эти штуки уж, наверное, лучше их Прохоровича, да и в жизни привыкший не меньше командовать, и отвечал соответственно — резко и коротко: «И не учи меня жить!..» И теперь уже он, сын, открыв для себя эту, наверное, главную причину их разлада, старался втолковать — то мягко, а то и весьма назидательно — такому вот вседоглядному их отцу, что, действительно, нечего ему приглядывать и следить за соседом, как тот хотя бы ну ту же самую плитку включает! Наверное, мол, этот самый Георгий Иванович и сам понимает и разбирается, что там у вас и к чему. И отец — то иногда соглашался с ним, с сыном, или вынужден был делать вид, что соглашается, а то вдруг и тут тоже, в разговоре с ним, с сыном, возбуждался и взвинчивался: «Я, я, я — я тут главный хозяин! Я, я, я — а не он!.. А он, он же, бугай, он пол-литровую один за день вылапает, выпьет, а потом плиту эту ж, значить, уключить, чайник поставить да и уйдёт к себе в комнату, в комнату ляжет да и лежит там, пузом кверху, храпит и заснёт, лежит, как боров какой, храпит, а чайник тут, на плите на кухне, стоит выкипает... Так как же ж я, как же ж я ему не скажу!.. Он, стало быть, пожар тут устроить, чтоб мы

сгорели тут с ним, а я, выходить, по-вашему, и слова ему не должен сказать?!.. Барин, скажите, нашёлся!.. Не видал я их, в своей жизни, таких бариньёв!..»

Так что вот так, день за днём, и от первоначального их почтения друг к другу почти ничего не осталось. Но, правда, и ссориться больше по-крупному они, понав и проверив на крепость друг друга, тоже потом не ссорились. Даже, пожалуй, и осторожничали. И Прохорович по приглашению соседа опять стал заходить к нему на телевизор, который у того, кстати, не выключался с утра и, по словам отца, до самой до поздней ночи. Как, впрочем, не выключалось и у отца его радио, репродуктор, всегда громко звучащий, — его гордость и предмет его особой благодарности ему, сыну, как и за саму эту покупку, так — и особенно! — за эту вот его громкость: «Я как уключу его на самую большую громкость, так аж кругом у соседей за стенками слышно!» — с восторгом не раз похвалялся отец.

И так вот и приспособились они постепенно друг к другу, обходя уже острые углы. Ходили то вместе, а то и по очереди в магазины, за хлебом и молоком; иногда вместе же заходили и в винный, хотя покупали теперь уже порознь — сосед себе водку, а Прохорович, если было, бутылку вина, портвейна или яблочного; хозяйничали, каждый себе, на кухне; спорили лишь только по пустякам и тут же мирились — и могли бы и дальше, и дальше вот так сносно жить. Да только «здо-

ровый ишшо, как бычишша» сосед как-то вдруг занедужил, завял, обезножил — ноги почти что совсем отказались ходить, и дочь забрала его, увезла сначала в больницу, а потом, говорила, к себе, к ней домой, где Георгий Иванович и умер.

В комнате умершего соседа была прописана его внучка, комната теперь оставалась за ней, но жить внучка там не жила, она жила с матерью, и комната эта больше года совсем пустовала, так что их Прохорович жил это время в полнейшем покое и в полнейшем своём одиночестве. И только потом, на один зимний сезон, они сдали её двум молодёжкам-студентам. И как же их Прохорович был тогда рад появившейся рядом с ним молодой этой паре, как он старался, чтобы им рядом с ним было тоже удобно и хорошо! Соскучился он там один, видно было — соскучился. И он сразу ж позволил им и пользоваться его холодильником, и вообще всячески опекал. Но — их отец, их подозрительный ко всем Прохорович и тут, конечно же, оставался всё тем же, самим собой. Он помечал, по его же собственному рассказу, в том же самом своём холодильнике и все колбасы свои, и масло, и затем с похвалой в адрес тех молодых и говорил: «И вы не подумайте, вы не подумайте! — они ни единого разу не тронули там ничего моего! Молодцы. Что уж молодцы, так молодцы!..» И говорил о себе о самом тут уже не без гордости, что, когда они просили у него деньжонок взаймы, он не-

пременно давал им — «по две или по три там десятки». Но к весне у студентов родился ребёнок, им выделили комнату где-то у них в общежитии, и они съехали. И их Прохорович снова остался в квартире один.

Плохо ли было отцу, старику, на девятом десятке, жить одному в той квартире? Конечно, должно было быть в целом плохо — и скучно, и вообще одиноко, ведь мало ли что может быть! Но он, их отец, их старик, то поворачивал эту самую свою жизнь в одиночестве исключительно одними достоинствами, а то — сплошными её недостатками, в зависимости от того, с кем и по какому поводу он о том говорил. Так что даже ему, его сыну, тут на месте, трудно было понять до конца своего разлюбленного Прохоровича. Если судить по письмам, что время от времени писал тут отец и детям, и другим своим родственникам, то он тут неизменно скучал и был просто несчастным в этом самом своём одиночестве. «Живу один, сижу у своей комнате, как волк у логова или как медведь у берлоге», — его постоянная фраза, которую можно было встретить буквально в каждом письме (которые он, сын, иногда пробегал, запечатывая по просьбе отца его письма в конверты). Сыну Петру в Кстово он однажды вообще почему-то почти зло написал: «Пусть бы и вам при старости будить как теперь мне отцу...», имея в виду именно тягостность этого нынешнего своего одиночества. Но подобные письма, сказать если правду, отец писал и всегда

и отовсюду, где бы и у кого бы он ни жил: любому своему адресату было для него, старика, видимо, самое горькое-сладостное — так вот пожаловаться на своё нынешнее житьё-бытьё, а заодно, иногда, и с прямой жалобой на тех, у кого он теперь там и жил. Он, его младший, в прошлые годы тоже не одно такое письмо от отца получал.

Но когда те же самые вопросы — не слишком ли скучает он тут, вот так вот один — задавались отцу тут на месте в обычных их разговорах: или ими ж самими, в семье, или тут же другими какими людьми, посторонними, — то тогда он, отец, тот же самый их Прохорович, горячо и с бравадой, почти что насмешливо возражал: «Да какая тут скука, какая тут может быть скука, скажите на милость?! Скука!.. По какому мне чёрту скучать!..» И затем развивал и доказывал, с удовольствием развивал и доказывал, *почему* он не может скучать. И он говорил и о месте, где дом их стоит, — какое оно, мол, удачное и весёлое; и о школьном дворе у него за окном — и как он из окна наблюдает подолгу все их, этих самых мальчишек-девчонок, их игры и баловства; и о близости двух магазинов; и о соседях-пенсионерах в общем их коридоре на четыре квартиры; и что вообще он привык — жить один. И всегда, каждый раз на вопрос его, сына: «Как, Прохорович, перезимуешь там ещё одну зиму? А то, может, всё-таки к нам переедешь? А мы тут начнём подыскивать обмен...» — он, их отец, неизменно,

и явно защищая свою независимость, на которую вот так покушаются, отвечал однозначно и категорически: что, мол, перезимует, перезимует, «не лотошите, не лотошите особенно вы!..» «Перезимую, как-нибудь ишшо перезимую! — часто даже и с откровенным своим хвастовством заверял он их всех, одновременно тем самым давая понять, чтоб они больше не приставали к нему с этим самым каким-то обменом, от которого сам он, по-видимому, не ожидал для себя ничего хорошего. — Пока, пока... пока ишшо, слава богу, колтышу! Пока ишшо — обхожуся и сам!..» Никак, ну никак не хотел он, их Прохорович, их старик, потерять обрётённую наконец-то им тут вот такую свою во всех смыслах свободу и независимость.

Ну и, правду сказать, он, сын, и не приставал особенно больше к отцу. Живёт старик как живёт, один и доволен, и слава богу, и пусть пока и живёт, как сам того хочет. Там хоть есть и ему, старику, одному, чем весь день у себя заниматься: по магазинам ходит, сам себе приготовит. А то ведь сидел тут у них — дни, недели, ни до чего не касаясь: это, мол, дескать, всё *ваше* дело, *вы тут хозяева* — вы и занимайтесь тут всем! И даже как будто с обидой к ним в голосе, да чаще всего и с обидой. Хотя и вопрос этот тоже — так, чисто, конечно же, риторический: ну, чем ему, старику, было у них заниматься?! Вот целыми днями или просто лежал, или газеты и книги читал. Кстати, за год у них он от корки до корки

два раза подряд прочитал «Тихий Дон» — уж больно захватила его эта книга, судьба «этого сукина сына, отчаяги Гришки», да и самого «старика ихнего этого там, Мелихова!..» Глаза уставали, а он часами неотрывно сидел и читал. Но больше, но больше он тут у них — никуда, ни за чем, ни во что. Это, дескать, что есть тут у вас — *не моё*, это вы тут — *хозяйева*. И даже гулять, походить возле дома — он без них никогда не ходил.

А вот получил *свою* комнату, снова стал жить *один, для себя* — и откуда что только взялось! И в магазины, и приготовить себе всё на кухне, и самому себе по-

стирать! И сразу тогда и бодрее, и веселее, и вообще крепче стал. Весной, как всегда, уезжал в их родную Слободку, к Наташе и Ване, через месяц-другой возвращался, уставший, назад. И подчёркивал, всем им подчёркивал, что возвращается он — *домой, к себе домой*. И коротал, коротал тут опять и осень и зиму, и, конечно же, в долгом и трудном, лишь только спокойном, спокойном своём одиночестве.

* * *

И вот этому одинокому, но спокойному житью их отца в последнюю осень пришёл неожиданный и настоящий конец...

Номинация

«Поэзия: профессиональные авторы»

Урина Аргутина

Лауреат Южно-Уральской литературной премии – 2013.

Диплом Премии «За поэтическое мастерство и стойкость в книге стихотворений «На честном слове»».

Член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Свободные скитальцы», «Время поить пески», «Линия перемены дат», «Настоящие птицы», «На честном слове», «Поэтический календарь».

Родилась в 1963 году в Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет по специальности «химия». Работает инженером.

Член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель». Лауреат литературного конкурса имени К. Нефедьева, лауреат 14-го Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира», финалист международного литературного конкурса имени Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай».

В книгу «На честном слове» помимо стихов вошла повесть «Дни кошачьего ангела».

Из книги «На честном слове»

Моим родителям – Л. А. и М. Л. Алтоцким

Короткое замыкание

1.

Мою мать привезли из роддома — уже со мной —
в эти тридцать квадратов. И если мой путь земной
начинался от этой печки / от этих стен,
то однажды бы здесь улечься в свою постель —
скрыта дата: и рановато, и не резон,
но когда-то — здесь и увидеть последний сон.

Что за прихоть! Это чёртова конура
в три окна — на рукотворный пустырь двора,

но сюда ещё приходит, как в дом кино,
дым отечества — бесплотный онкобольной.
Он включает свой стрекочущий аппарат —
как встречает годовщины больших утрат.

И встаёт на том же месте — в другой стране,
помертвевшей грузом «двести» не на войне,
в старом доме (ненавижу! благодарю!) —
всё, что помню... ближе... ближе...
Я — говорю.

2.

Баба Оля подпевала Лемешеву на кухне,
под руками горел желток и котлеты пухли —
про золотые дни заливалась-пела.
Ей с обедом успеть — до часу, до двух ли.
Пятилетняя внучка, дочитав «Винни-Пуха»,
прибежала: «Бабушка, что мне поделывать?»

Баба Оля в ответ: «Подумай!» — гремит кастрюлей.
«Может, девочку, такую, как ты, нарисуешь —
чёлка, глазки серые, платье в божьих коровках?»
Через пару минут внучка сидит, рисует
птицу ворону. Ворона её интересуется.
Цветные карандаши отдыхают в коробке.

Очень хочется, чтобы ворона летела.
Но у птицы чёрные крылья прижаты к телу,
потому что девочка больше всего боится,
что, скосив зрачок, озорной и страшный,
на холодный снежный пустырь бумажный,
улетит гулять во двор молодая птица.

Малышка медлит, прикрывает рукой рисунок —
пятилетний слишком близок душе рассудок.
Но взлетает птица — и в окно. Обжигает щёки,
как ракета, — пламенем из форсунок.
Эй, куда? Не плачь, и лет через сорок
всё узнаешь.

Встретитесь ли?

Ещё бы

объяснить бабе Оле, что на плач прибежала,
почему на бумаге несколько пятен ржавых
и большая дыра посередине страницы!
Утирает слёзы, отводит глаза — и робко:

«Я хотела... девочку... платье в божьих коровках,
но она улетела — туда, где другие птицы».

3.

Шили шёлк и вельвет, и чтоб кокетка отрезная.
На окне — по два горшка с фиалками и розами,
два — ещё чёрт-те-с-чем, и названия не знали,
да тем более, оно такое низкорослое.

За окном — сизый дом сквозь чёрное и кружевное,
белый снег, серый свет, и так полгода минимум.
Умер дед, вырос внук, стала девочка женою —
ей бы лишь бы июль, зелёное да синее.

Старомодный диван запомнил маленькой хозяйку,
но машинка зато — новая и швейная.
Строчка влево, зигзаг... А ну-ка, Муська, вылезай-ка
и катушку не смей гонять... без разрешения!

Чёрт-те что подросло, листья с детскую ладошку,
а ладони уже с мужским рукопожатием.
В доме тихо. Вдова гладит дымчатую кошку.
А июль улетел, ничем не удержать его...

На стекле кружева, а в квартире — двадцать восемь,
и цветы на окне, и машинки лёгкий клёкот,
и о ветхом жильё где-то ставятся вопросы.
Шей себе да пори, Пенелопа...

4.

Влево, вправо, ещё немного вперёд —
и дома.
Щелчок — и колючий зрачок вберёт
медовый
свет двадцатилетней люстры,
вполне созревшей
для замены. В словарях пишут: «устар.» —
но жалко вещи,
те, что рядом долго жили, пусть и
ветшали,
но самим своим присутствием
утешали
(даже если казалась ядом
желчь апельсина,
даже если всё, что рядом и что не рядом,
невыносимо).

Вправо, влево, вперёд — а комнаты
опустели.
Телефон, и тот не спросит: «Дома ты?»
На постели
покрывало с рыжими листьями
и цветами.
Добрый вечер ли? Быстро ли
наступает
ночь? несёт ли желанную передышку?
Полно! Были переживания,
да не вышло
ни пережить, ни сохранить
в переменном токе.

Капли падают на гранит.
Все итоги
растекаются мыслью
не по дереву.

Как там жизнь? Не быстро ли?
Вправо, влево...
Вправо, влево...

5.

...Но когда из-под ног уходила почва,
раздавался звонок, приходила почта —
и не то чтобы в твердь обращались хляби,
но уже помереть не хотелось бабе...

6.

Оказалось, что жизнь — это очень короткое замыкание
в контуре, где с годами меняются лишь нагрузки.
Первое солнце младенчества, лёгкое заикание:
«Ма-ма-ма, па-па-па», — и уже говоришь по-русски.

Первая мысль о смерти, в четыре пронзившая током,
первый осознанный мрак, заставивший сердце сжиматься...
За второй, настоящий, однажды влетит жестоко
от критикессы, не отличающей искренности от жеманства.

Но в детстве всё было правдой. Была красавица-мама
не потому, что маме положено быть богиней:
факт подтверждали молча и фото, и амальгама,
и вслух говорилось не только папой, но и другими.

Отец был сильным и смелым тоже не понарошку:
с таким не страшны собаки и летом в деревне кони,
а в доме редкий гость не примерил его фуражку,
и четыре звезды сияли на каждом его погоне.

Мы гуляли среди тополей, подметавших небо.
А поскольку всё это правда, на веру — и остальное:
Читали хорошие книги. Шутили не на потребу.
Мать лечила, отец служил. Гордились своей страной —

в ней правдой была победа, литьё чугуна и стали,
и то, как влетели в космос, — на воле и честном слове,
и слёзы в глазах Родниной, стоящей на пьедестале,
и шорох запретных мыслей: их, вроде бы, не допускали,
но они шебуршали в кухне, расползались — всех не изловишь.

Не сказать, что течение тока было бесперебойно гладким,
как пожеланья успехов в учёбе, работе и личной жизни:
бывало, замкнёт — искрило, а там, где прожгло, — заплатки.
И все ходили в заплатках: поставил — и не тужи с ней.

...Утро. Стою у зеркала. Глаза тяжелеют веками,
пыльными бурями, сомнениями, годами,
веками ли.
Кем же нас сделало — каликами или калеками —
то, предпоследнее, короткое замыкание?

Выгорело. Развеялось. Открылись просторы?
Бездны ли?
Изменились цвета, имена, глаголы,
но память — светлая.
Привыкаю к сумраку: в нём не видно,
что зеркало треснуло.
Темнота по глазам норовит полоснуть —
как лезвием.
Зажигаю лампу. Искрит. Каждый раз,
до патрона последнего...

7.

...до прерывания процесса,
до злого ветра в изголовье,
не торопясь, не торопя, —
с улыбкой лёгкой: Ave, Caesar,
живущая на честном слове
приветствует тебя...

2009–2012

Николай Година

Диплом Премии «За поэтическую искренность и мастерство в книге «i : новые стихи»».

Родился 25 августа 1935 года.

В 1939 году семья с Полтавщины переехала в село Чудиново Октябрьского района Челябинской области. После окончания горного техникума в городе Коркино работал на руднике в Каракумах. Четыре года служил на Балтийском флоте матросом. С 1959 по 1987 год жил в Миассе; работал в Тургоякском рудоуправлении.

Поэт, член Союза писателей России. Первая книга вышла в Челябинске в 1967 году. Сегодня Николая Годину знают и как прозаика. В его активе более двух десятков книг. Лауреат комсомольской премии «Орлёнок» (1968), Всероссийской профсоюзной премии имени Ф. Селянина, Всероссийской литературной премии имени Д. Мамина-Сибиряка (2003).

Заслуженный работник культуры России (1996), почётный гражданин города Миасса (2004). Награждён знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью» (2005).

Из книги «i : новые стихи»

* * *

Ополоснув глаза слезами,
Июнь стоит пред образами
Лесных насупленных богов,
Обросших сверху и с боков.

Внизу, под услань, чепурной
Посёлок хвойной стороной
Уходит в облаках сирени
За ровное поле зренья.

Там новый скиф, но старый арий,
В пыль угнетённый пролетарий,
Безгласный, словно буква ерь,
Живёт во благо и в пример.

2012

* * *

Естественно, нам не хватило,
А за окном, конечно, мгла.
И сигарета на светило
Тянуть, серьёзно, не смогла.

Развыклые глаза не скоро
Узнали, пучась из орбит,
Родные ямы и заборы,
Где ива вежливо скорбит.

Раскрыв объятия — не верьте! —
Кресты навстречу, там и тут
Несовместимые со смертью
Друзья вчерашние нас ждут.

2012

* * *

Язычник я — в лесной кумирне:
Деревья, птицы и зверьё...
И небеса в прозорах смирны,
И сердце благостно моё.

Не хороши, скажу, не плохи,
Шкварчат кузнечики в жару
И скачут, как большие блохи,
Как маленькие кенгуру.

Враскид посёлок — смятый перед,
По пьяной улице — разлом...
Выходит Тургояк на берег
Не столько гулом, сколь гулом.

2012

* * *

В липовых Сорочинцах сороки
Ярмаркуют, суетны и едки.
Из балачки уличной уроки
Извлекают ушлые излетки.

По-ростовски нараспев, в низине
Ветерок с застоём стал бороться,
Где краснознамённые осины
Собрались на митинг у болотца.

Будто фи без косинуса, праздно
Вянет луг без косаря, однако.
В глубину небес гляжу напрасно,
Никакого мне оттуда знака.

2011

* * *

Особых видов на меня
Господь, похоже, не имел.
И до сегодняшнего дня
Я жил как мог и как умел.

Предельно вредная зима:
Грибом от гриппа оквасел.

В душе египетская тьма,
Темнит, вестимо, Моисей.

Намётом стелятся снега.
Рябину ветер уштал.
Миасс — не глубже сапога,
Но лёд надёжней, чем металл.

2011

* * *

Сюжетной линией дорога
К развязке приведёт меня
В сопровожденьи диалога
Крылатых персонажей дня.

Экспромтом за границей жанра,
Российский представляя стиль,
Колок, спасённый от пожара,
Подробностей не упустил.

Весна издания второго.
Снег под кустами лишь деталь.
Поля в пометках хлебороба.
Родная речь: за Далем — Даль.

2012

* * *

Когда от гимна и до гимна
Любили жадно и взаимно.
Земля ходила ходуном
От ярой смеси «два в одном»

В гормонном — так? —

эквиваленте.

Весна не помнила о лете,
В её скворечной голове
Свистела птица или две...

Ни слёз, ни боли, ни тотема.
Давно закрыта эта тема.
Лишь под ребром долбит пустой
Надсадно дятел сухостой.

2012

* * *

Дожить до курьих именин, когда
Излётный пух у ели на реснице
И сталью златоустовской лоснится
Уже не речка — твёрдая вода.

А за углом — пельменная пора,
Была в деревне, помню, и такая.
Мороженое молоко... Сестра
Глодала сырники, простуде потакая.

Раскованная лексика ворон...
Увы, художник должен быть хорошим,
Чтоб передать всё это, огорожен
Любовью родины со всех сторон.
2012

* * *

Хроническая стадия зимы.
Как финишные ленты, рвут тугие
Ветра рекламные растяжки, мы
Лопатим чёрный снег металлургии.

Уже оглавком ёлочным звезда
Стоит у изголовья на поглядку.
И город, сумасшедший навсегда,
Разучивает новую колядку.

Порок непролетарского лица
С весны бумага терпит на заборе.
И от начала, но не до конца
Права собачья жизнь в заочном споре.
2011

* * *

Не путайте меня с лирическим героем.
Мы — каждый по себе и в жизни и в стихах,
Хоть в складчину вершим судьбу свою самстроём
Где из последних сил, где явно впопыхах.

Мы вроде дуэлянтов, вверенных друг другу.
Ильменская гора похожа на Машук.
Мобильником жужжит и ползает по кругу
Пластмассовый на вид, башку сломавший жук.

Но это не моё, моё же — землю роя,
Хранить очаг, растить детей, держать ответ...
А душу тешить — привилегия героя,
И лучшего духовника, похоже, нет.
2012

* * *

Какой национальности — не знаю,
Блажная птица скляночно звенит.
Внизу плоится рослая лесная
Трава, чей цвет присвоил хризолит.

Почти за ботаническим пределом
Орлёной медью плавится сосна.
И пруд, играя мускулистым телом,
Вылизывает отмель до ясна.

Сюда бы хатку с верною лелекой,
Избушку ли с соседством соловья,
И — пусть скрипит арбой или телегой
На кочках жизнь уклонная моя.
2011

* * *

Татарский табак — сухой гриб-дождевик
Взорвался неслышно, болотной расцветки
Завесный дымок к обстановке привык,
Висит, зацепившись за стебли и ветки.

Изумки, ругачих дворняжек вредней.
С серьёзным намереньем машут руками.
Хоть мне через стройку до речки верней,
Но стоит ли связываться с дураками?

Навычным путём вдоль забора пройду.
Хочу посидеть у воды... Ну и ладно,
Что сыро и грязно, зато на виду
У юных берёз и пока что бесплатно.
2012

* * *

Не просыхая, две недели квасит.
Прозорный сад почти одно с округой.
Но ближе стал любивший осень классик,
А жизнь квадратно-кустовая — круглой.

Как пионер Советского Союза,
Трепещет пламенно огонь в камине.
И наши голоса вот-вот сольются,
И дым отечества останется в помине.

От неучтённых факторов природы
Фантомно мреет птица болью вечной,
Не воробьиной, а другой породы —
Душевной, например, или сердечной.

2011

* * *

Они нас предадут, они уже, наверно...
А после них земля, что пепел и труха.
За улесью в кустах обглоданная ферма,
Скелет бетонный, прах под сенью лопуха.

Прикормленные здесь и там живут нехило.
Жидовствуют и там и здесь наверняка...
Родимчик бьёт вдову — брюхатая могила
Родить, конечно, ей не сможет мужика.

Жаль, ситуация не позволяет плюнуть,
Я плюнул бы со вкусом прямо им в глаза.
Беда: отечичи на их приманку клюнут,
Приняв жудёжь за ангельские голоса.

2012

* * *

Наскрёб десяток слов душе в угоду,
Но дождь пошёл — испортил всю погоду.

Текущая реальность за окном
Заполнила пространство, как посуду:
Вода, машины, зонтики повсюду,
Уморный гул на взёме затяжном.

Сосед с высоким индексом «ку-ку»,
Из поколенья пепси и попкорна,
Вбить гвоздь в бетон старается упорно,
А я своё заветное — в строку.

Все заняты обыденным и важным:
Дождь мокрым, умник шумным, аз бумажным.

2012

Номинация
«Литература для детей»

Александр Осипов

Диплом Премии «За продолжение традиций классической детской литературы в повести «Поговорите с нами»».

Родился 10 июля 1958 года в Сатке. Образование — незаконченное высшее (учился на факультете журналистики Уральского государственного университета им. Горького). Работал помощником машиниста экскаватора, корреспондентом газеты «Саткинский рабочий», геодезистом, коммерческим директором. Ныне трудится редактором издательства «Написано пером», г. Санкт-Петербург (удалённая работа). Сотрудничал с международным творческим объединением детских авторов «Брайлленд»: редактор, член жюри ряда конкурсов, в том числе

в течение двух сезонов конкурса «Золотое перо Руси» (детская секция). В сборнике «По ту сторону реальности» опубликован рассказ «За грибами»; в сборнике «Новые сказки» — «Шарик, Ниточка и Записка с Добрými пожеланиями». В ноябре 2013 года в Минске вышла книга для детей «Поговорите с нами».

Поговорите с нами
(отрывок)

Тёплым весенним вечером, когда птицы начали замолкать, а уличные фонари ещё не загорелись, на уровне четвёртого этажа по улице Зелёная у дома двадцать три зависло нечто, меняющее форму с такой быстротой, что сложно было понять, что это такое. Цвета менялись с ещё большей скоростью. Но вот нечто

приняло форму треугольника. Мелькание прекратилось.

Из треугольника ударил луч медового цвета в глаза мальчику, сидящему на подоконнике. Сразу же после этого второй луч, зелёного цвета, повторил путь медового, не пропустив и кота, примостившегося рядом с мальчиком.

Длилось это чуть меньше секунды. Мальчик смотрел сквозь треугольник, не видя его. Он видел редкие огни засыпающего города. Что видел кот — неизвестно.

Треугольник улетел. Мальчик взял кота на руки и отправился спать. Эксперимент начался.

Глава 1

— Ну сколько можно спать? Я прямо не понимаю. Спит и спит! Он же не кот, в конце концов! А у меня в чашке молока нет, корма нет. С самого утра никто не погладил, не приласкал. За ухом, и то не почесали!

«Что это, снится мне, что ли?» — подумал Андрей, повернулся на другой бок и опять услышал:

— Нет, пусть меня собака за хвост поймает, если он не собрался спать дальше!

Андрей открыл глаза... никого. У кровати сидит только кот Тимка и очень серьёзно смотрит на Андрея большими зелёными глазами.

«Приснилось», — решил Андрей, закрывая глаза. Спать уже не хотелось, но ведь так приятно утром поваляться немного!

Хорошо, что на первые два урока идти не надо. Вчера решили объявить бойкот физичке и на контрольную сегодня не ходить всем классом. Жалко, конечно, Веру Дмитриевну, но...

Андрей поёжился от неприятных предчувствий: что завтра будет!.. Родителей точно в школу вызовут. Но они же должны понять — бойкот! И если всем не ходить — так всем! Попадёт, раз-

умеется, и всем вместе, и каждому поодиночке. Ну и пусть. Зато коллектив!

Он, конечно, лучше бы пошёл. Но... хорошо будет, если никто не придёт, а он, как олух царя небесного, один притащится на контрольную? Тогда ему бойкот объявят, а то и побьют. Да и от коллектива отрываться нельзя. И Кристина, опять же...

Андрею физика нравилась. И против физички он ничего не имел. Но ведь коллектив решил: не ходить! А против коллектива не пойдёшь!

— Ну вот, опять он спит! — явственно прозвучало у самой кровати.

Андрея подкинуло от неожиданности, стоя на холодном полу, он спросил:

— Это кто тут? Кто говорит?

— Я, — ворчливо сказал кот. — Я говорю. Что тут удивительного? И всегда говорил. Только меня никто не понимал из людей. А теперь ты почему-то меня понимаешь. Даже как-то странно. Не должно так быть. Или должно?

Кот задумчиво уставился на Андрея.

— Ты! Ты разговариваешь по-людски? То есть, я хотел сказать, по-человечески? По-русски разговариваешь? — окончательно запутался Андрей.

— Не-а! Я по-твоему не умею разговаривать. Я по-своему умею разговаривать. Это ты меня понимать научился и по-моему начал говорить, — сказал кот.

Андрей ущипнул себя за руку. Больно. Значит, он не спит. А может, он сошёл с ума? Понятно!

Он не хочет быть сумасшедшим! И что теперь? В больницу идти? Стыд-то какой. Что в классе скажут? Что родители скажут? Что Кристинка скажет? Ужас! Позорище! И все мечты перечёркнуты, да что мечты — жизнь! Ведь явно из школы в специнтернат отправят. Как пить дать!

— Что делать-то, люди? — заметался Андрей.

Он и раньше говорил с котом, но как говорил? Кот мяукал, Андрей немного понимал, что Тимка хочет сказать. Покушать просит, или погладить его нужно, или убраться в Тимином туалете. Кот по-своему понимал Андрея, особенно когда покушать или «спать пойдём», знал маму с папой. Но разговаривать совсем как человек с человеком — это, знаете ли, чересчур!

— Ну, опять по-своему забормотал, не пойми-разбери! — произнёс тот же голос.

Андрей вытаращился на кота:

— А-а?.. Э-э-э?.. А ты мне не кажешься, что ли? Ты на самом деле? На самом деле со мной разговариваешь?

— Можешь ведь по-нашему говорить, на нашем языке, ежели захочешь! — сказал кот. — Вот я и говорю, молока нет и кушать хочется. Дай хоть котлетку вчерашнюю, хвост уже поднять сил нет! Заведут себе животных, понимаешь, для развлечения, понимаешь. А ухаживать не хотят. И в лотке сыро. А я если опять в угол схожу, меня туда моей любимой мордочкой и натычут. А я не могу ходить в мокрое. Мне сухой лоток надо.

— Ку-ку-да ходить?

— В туалет, балда! Или как вы его называете? Куда можно сходить лишнюю воду с организма слить. И вообще, другие дела сделать пора.

— Удивительно! Уд-диви-тельно! Вос-с-х-ти-тель-но! Кар-р! С котом разговаривает! Триста лет живу, а такого не слышала!

За окном на ветке сидела ворона и глядела на них то одним, то другим глазом.

— Такой толстый рыжий мальчик и умеет разговаривать! Сроду о таком не слыхала за триста лет! — сказала ворона.

— Не толстый! — обиделся Андрей. — Плотного телосложения!

— И кот у него рыжий! — не унималась ворона. — И тоже толстый!

От обиды Андрей даже не сразу сообразил, что он разговаривает с вороной. Разговаривает точно так же, как разговаривал бы с соседом по парте Витькой Нехочухиным, или с Кристинкой, или с родителями. Но никак не с вороной, которая понимала его и которую понимал он.

«Точно шизанулся!» — махнул на себя рукой Андрей.

— У меня съехала крыша! — сказал он коту.

— Какая крыша? — кот посмотрел на потолок. — Вроде всё на месте.

— Они и впрямь разговаривают! — ворона аж подпрыгнула от удовольствия.

— Что она там бормочет? Какие триста лет она живёт? Брешет! — сказал Тимка.

— А ты и по-птичьи понимаешь? — глупо улыбаясь, спросил Андрей у кота.

— Да так, совсем чуточку, её тарабарщину — понимаю, — заскромничал Тимка.

— Что он говорит? Что он говорит? — заволновалась ворона. — Скажи, о говорящий мальчик, что он сказал? Я не совсем его понимаю. Можно даже сказать, совсем не понимаю. Что он говорит? Ругает меня? Так я не брала его мячик, а клок шерсти выдрала у него, когда он спал. Нечего спать. Надо бдить! Для моих воронят на гнездо нужно же сделать подстилку. Другие вон у собак полхвоста выдирают — и ничего. Никто не ругается. А мне на гнездо нужно! — Ворона перелетела на другую ветку, поближе к окну.

— Кар-р! А до чего потешно, когда он с испуга вон на ту тряпку взлетел, а та палка, к которой тряпка крепится, ну, наверху, слетела — и его по башке! Я так развеселилась, чуть с ветки не брякнулась! — продолжила она, устроившись поудобнее.

Андрей оскорбился:

— Это не тряпка, а штора. И не палка, а гардина. И мама, между прочим, штору вчера гладила.

— Пусть штора, пусть кардина. Все равно потешно было, — покладисто согласилась ворона.

— Хозяин, не верь, — сказал Тимка. — Когда она такая, она, значит, какую-то пакость задумала. Вот вы, люди, её вороной называете. Почему? Я, понимаешь, объясню: ворона — это «вор она». Понял, хозяин, вор — она! У меня мячик спёрла и шерсти

клок выдрала. А у хозяйки кольцо своровала! Я самолично видел! Она потом другим воронам показывала, хвалилась, какая она ловкая! Они все такие, вороны, лишь бы утащить! Хотя им в хозяйстве кольцо и ни к чему совсем. Гони её, пока она опять чего-нибудь не слямзила!

«То-то мама меня спрашивала, кто приходил. Хорошо, в тот день никто не приходил, а то бы ребят заподозрила. А тут на тебе, ворона!» — подумал Андрей. Ведь они в школе что-то такое про ворон проходили. Андрей как раз в морской бой играл с Витькой Нехочухиным. Он тогда в первый раз ему продул. О чём это он? Морской бой вспомнил. К чему? Тут надо думать, что дальше делать.

Зазвонил телефон. Ворона с любопытством уставилась на него. Звонил Витька Нехочухин. Проверял, дома Андрей или ушёл в школу. Он сказал, что, кроме Кристины, все по домам сидят. А хитрый Генка налопался мороженого и прикинулся больным. Тут же последовало предложение: объявить бойкот обоим — хитрому Генке и зубрилке Кристинке. Андрей обещал подумать.

«Генке можно объявить бойкот. Тот всегда что-то выгадывает, хитрит. Умнее всех хочет быть. А Кристина? Жалко её. Не хочу я ей этот идиотский бойкот объявлять!» — размышлял Андрей, крутя трубку в руках.

— Хозяин, а хозяин, — позвал кот, — давно меня эта штука интересует, — он посмотрел на телефон. — Что это? И зачем оно?

Андрей объяснил ему про телефон. Уважение кота к телефону и к Андрею, умеющему обращаться с такими сложными штуkenциями, невероятно возросло. Он горделиво посмотрел на ворону и сказал:

— Во у меня какой хозяин умный! У тебя ни в жисть такого не будет!

Но тут ворона всё испортила глупым вопросом:

— А как он работает?

«Ей какая разница, как он работает! — подумал с досадой Андрей. — Работает и работает! Если все знать, голова опухнет. Как им объяснить? Что-то вроде с током, что ли, связано? Ага! Про ток только заикнись, тут же объясняй, что это такое! А там что, про электроны, протоны объясняй, что ли? Надо их сбить встречным вопросом».

— Вот ты, ворона, как ты летаешь? — спросил Андрей.

Ворона приосанилась.

— Как, как! Просто смешно! Машу крыльями, вот и летаю.

— А как машешь? Обоими сразу или по очереди? — задал коварный вопрос Андрей.

Ворона задумалась, попробовала махнуть одним крылом и чуть не свалилась с ветки. Хорошо, что когти крепкие, уцепилась за ветку — из той аж сок брызнул.

— Обоими, наверное. Обоими машу! Что пристал — как машешь, как машешь! Как машется, так и машу! Ты, давай, не того! Не отвлекайся. Мне тоже интересно, как эта штуковина работает.

Андрей вздохнул, напряг память и начал объяснять:

— Вот по этим проводам идёт ток слабый. Он преобразует слова в сигналы, а на том конце сигналы преобразуются в слова.

Но, как он и боялся, пришлось объяснять, что такое ток.

— Ток — это направленное движение электронов. Или атомов? — Андрей задумался. Во достали! Лучше бы он в школу пошёл.

— Ты вроде есть хотел? — схирил Андрей, глядя на кота.

— Есть! Конечно! Пошли скорее! — заволновался Тимка.

— И мне, и мне кусочек дай-те! — попросила ворона.

— Этой нахалке ничего не давай! — сказал кот. — И окно закрой. А то она непременно что-нибудь сопрёт. И вообще, гони её прочь.

— Ишь, раскомандовался! — закаркала ворона. — Хозяин большой, самостоятельный! Сам решит, что ему делать. И нечего тут командовать! Может, наоборот, он тебе еды не даст, а меня накормит до отвала. Хозяин хороший, добрый!

Ворона хитро поблескивала глазами-бусинками.

— Вот ещё! — заорал кот. — Хозяин! Какой он тебе хозяин? Он мне хозяин! А ты! Ты — приبلуда!

— Кто приبلуда? Это я при- блуда? Да я, если хочешь знать, уже триста лет около этого дома живу. Это ты приبلуда! Тебя под забором нашли!

— Кого под забором? Меня под забором? Я, если хочешь знать, сам к ним жить пришёл! Вот!

— Андрейка! Что там у тебя происходит, что за вопли? Ты по-

чему животных мучаешь? — из соседнего окна появилась голова соседки тети Клавы.

— Ничего не происходит, тетя Клава! Это просто кот с вороной ругаются! — простодушно ответил Андрей.

— Ты, сынок, то ли издеваешься над бедной старушкой, то ли тронулся умом совсем. Эх выдумал! Кот у него с вороной ругаются. Иди лучше погуляй, заучился совсем. Иди-иди! Видишь, погода какая ласковая. Весна, чай! Иди на солнышко, а то бледный какой, одни веснушки на мурлетке остались! — посоветовала тетя Клава. Кот и ворона словно поняли тетю Клаву и с интересом уставились на Андрейкино лицо, которое соседка так пренебрежительно обозвала мурлеткой. Андрей вспыхнул от злости и хотел закрыть окно. Но! Он только что разговаривал с вороной. Она попросила покушать, и закрыть перед ней окно как-то не по-людски получится.

— Иди сюда! — прошипел он вороне. — Сядь здесь и тихо мне! Сейчас принесу покушать что-нибудь.

Кот неодобрительно поглядел на Андрея. Потом так же неодобрительно уставился на ворону. Весь вид его, казалось, говорил, что «Ох, зря, хозяин Андрей! Ох и зря! Гнать бы её в шею без всяких разговоров».

— Ну, ты чего, всем еды хватит, что ты такой жадина? — спросил Андрей у кота.

— Я не жадный, я — экономный. А каждую ворону — никакой еды не хватит. Так и помрём

с голоду! — противным голосом возвестил Тимка. — Так и знай, скончаемся с голоду, если всяких ворон начнём прикармливать. Завтра их много прилетит. Они такие! Постоянно кучами летают. Где что покушать, так их одним махом куча налетит. А воробы! До чего противные. И хитромудрые! — Чуть подумав, добавил: — И подлые. Никогда ни одного не поймаешь.

— Оттого, что не можешь поймать, ты их подлыми называл? — спросил Андрей.

— И от этого тоже. Шустрые жутко! Из-под носа всё утащат, а ты и не заметишь. Постоянно оравой летают и завсегда дерутся меж собой. И этих выставляют, как их? Ну, следят которые, чтобы кто-нибудь незаметно не подкрался.

— Часовых, что ли? — спросил Андрей.

— Не знаю, как они их зовут, а только к ним не подкрадешься. Тут же — фыр-р, и нет их. Вот потому и подлые, что не поймаешь! — сказал Тимка.

Андрей подивился кошачьей логике:

— Выходит, кого можно съесть, те хорошие, а кого нет — те подлые?

— Ну мы идём кушать или нет? Живот совсем пустой! — сказал кот. Ему наскучило рассказывать Андрею о птичьей жизни.

До кухни они не дошли — грохот в комнате не дал. Вернувшись в комнату, Андрей увидел обломки телефона. Ворона сидела на прежней ветке.

— Это не я! — заявила она. — Это он сам!

— Как это сам? — Андрей укоризненно посмотрел на неё — та отвернулась.

— Не стыдно? — спросил он.

— Чего стыдно, чего стыдно? Мне ведь жутко интересно, кто там сидит. С кем ты говорил? Вот я и посмотрела. И нет там никого! — обиделась ворона.

— Ладно! — сказал Андрей, — иди сюда. И ты, Тимка, хорош за шкафом прятаться, садись в кресло. Я сейчас умную книжку достану и попробую объяснить, как телефон устроен.

Андрей достал физику и начал искать про телефон. Кот с тоской оглянулся на кухню, потом весьма недоброжелательно уставился на ворону. Ворона тем временем заинтересовалась телевизором. Она осмотрела его со всех сторон, заглянула сзади. Недобрый взор кота совершенно её не беспокоил.

— Эта штука тоже разговаривает? — спросила она.

— Это телевизор. По нему показывают кино, сериалы разные, футбол, новости передают. Про разных животных и птиц показывают. И ещё...

Андрей запнулся. Он понял, что сейчас последует очередной вопрос об устройстве телевизора. Андрей не ошибся.

— Акто там сидит в этом вашем теле, теле... в ящике этом? Как он устроен? — спросила ворона.

— Господи, да не знаю я, не знаю, как устроен этот ящик! Мне это и не надо. Если в нем и сломается что, так всегда можно вызвать телемастера.

Кот с вороной в недоумении посмотрели на Андрея. Андрею

сделалось стыдно. И перед кем? Перед вороной! С котом мы как-нибудь сами разберёмся. А перед вороной стыдно!

— Ну, это... короче, мы в школе это пока не проходили. Школа — это где всему учат, что как устроено. И вообще, всему! — предупредил следующий вопрос Андрей.

— А почему ты меня туда не берёшь? Я тоже хочу знать, что и как устроено, — заявил кот.

Вот так.

Глава 2

Положение спас Витька. Он прибежал к Андрею списать домашку по математике и поболтать о том, что их всех вместе и каждого по отдельности ждёт за прогул по физике.

— О, у тебя ворона! Говорящая? — спросил Витька.

— Говорящая, только любопытная до ужаса! — ответил Андрей.

— Ну-ка, скажи что-нибудь! Скажи — мама. Ни фига она не говорящая!

— Да она говорит, только по-своему, по-вороньи! — сконфузился Андрей.

— Ты что, дурак? Ежу понятно: ворона — по-вороньи, кот — по-кошачьи. Дельфины, вон, я по телику видел, и те по-своему, по-дельфины, разговаривают, — сказал Витька. — И что будем делать, как отмазываться перед родичами? — спросил он без всякого перехода.

— Не знаю, — ответил Андрей. — Я правду скажу, что весь класс решил, коллективом решили не ходить, и точка!

— Ты что, совсем, что ли? Или притворяешься? Какую правду? Что крутенькие Борька, Вован да Костян с Ленкой решили не ходить, а мы, как бараны, за ними поперлись?! Эту правду, что ли? — спросил Нехочухин.

Тут Витька прав! Прав на сто процентов. Заводилы — эти четверо. Родители у них бизнесом занимаются. Деньги имеют и своим деткам, соответственно, ни в чём не отказывают. А Вована с Ленкой постоянно в школу привозят и встречают водители на крутых иномарках. Ленку на «Лексусе», а Вована на «шестисотом». Им-то, пожалуй, как раз и не будет ничего, а остальным достанется по самое не могу.

— Пошли у школы потусуемся! — предложил Витька. — наших увидим. Узнаем, может, кто дельное что придумал?

Андрей быстро собрал в пакет тетради, бросил ручку. Учебники у пацанов носить не принято. Учебники таскают девчонки — всем это прекрасно известно.

— Ты учиться пошёл? В эту? Школу? — спросила ворона.

— А я опять не кормленный, и сыро у меня! — заверещал кот.

— Подожди секунду, — сказал Андрей Витьке. — Сейчас питомцев своих накормлю — и двинемся.

«С котом всё понятно, а чем ворона питается? Дам ей кошачьего корма, на балкон вынесу, а двери закрою», — решил Андрей.

У школы никого не было, народ сидел на уроках. Одна лишь Кристина Осянина прогуливалась у входа.

Ещё висел над школой треугольный космический объект. Но его никто видеть не мог — их ведь никогда не видят те, кому не положено.

— А ты почему не на уроке? Тоже не пошла на контрольную? — спросил Витька.

— Не-е, я не такая пустоголовая — двойки из-за всяких баранов хватать! — ответила она. — Одна и пришла. Мне Верочка пятерочку поставила и отпустила! А вам обоим по паре вкатила!

— Вообще-то мы не имеем права разговаривать с тобой! — сказал Витька. — А то и нам бойкот объявят.

— А я начхала на ваши бойкоты. Школу окончим и все разбежимся в разные стороны. Только некоторые пойдут в ПТУ гайки точить. А некоторые — в универ. Ах да! Сейчас же не ПТУ, сейчас же технический колледж! Только как лягушка ни надувается, быком всё равно не станет. Мне мама сказала, что я сейчас для своей дальнейшей судьбы закладываю фундамент. Вот какой он будет, такова и моя дальнейшая жизнь будет. И она права. Тут я с ней согласна стопудово! — заявила Кристина. — Свою жизнь сама хочу построить. Всякие Костяны и Ленки мне для этого не нужны.

— Нашей крутизне беспокоиться незачем, им папы фундамент построят. Им можно и не учиться, и не работать! — завистливо сказал Витька.

— Это ещё как сказать! Вон Ленка не такая... Но нам самим о себе думать надо. Вот я предлагаю

свою группировку в классе организовать. Пусть за нами эти бараны идут, а не за ними все остальные! — предложила Кристина.

Андрей согласен за Кристиной в огонь и в воду, но Витька молчал. Он думал, высчитывал что-то в уме.

— Не, не потянем, — наконец выдал он. — Борька с Костяном карате с шести лет занимаются. Они нам кости переломают или шпане денег дадут, а те вообще отморозки, не знаю, что с нами сделают.

— Вот так пробоитесь всю жизнь и ничего не добьётесь — ни денег, ни славы, никаких почестей! — усмехнулась Кристина.

— А тебе что, почести нужны? — спросил Витька.

— А кому они помешают? — ответила Кристина. — Любому понравится, если его везде, как Папу Римского, будут встречать.

— Какого еще папу? — спросил Витька.

— Ну ты ваще! — изумилась Кристина. — Тёмный, как я не знаю кто!

— Да на кой мне сдался твой папа! — обозлился Витька. — Я и без папы хорошо проживу. Папу какого-то приплела. У меня собственный папа есть.

— Папа Римский, — назидательно сказала Кристина, — это глава всей католической церкви! Выше Папы только Бог! Для чего вы только в школу ходите? Кошмар какой-то, честное слово! Интеллект у вас, мальчики, как у первобытного человека!

Звонок, как всегда, прозвенел внезапно. Тут же из дверей хлы-

нула толпа первоклашек. В дверях организовали давку. Мальчишки не пускали девчонок — хохот, визг.

«Счастливые! — подумал Андрей. — Вся жизнь впереди, и за них до поры до времени все решают родители и учителя. А тут — столько проблем! И сегодняшних, и в дальнейшем — куда, например, после школы дальше пойти учиться?»

Андрей вообще-то хотел стать космонавтом. Мечтал — это, конечно, слишком громко сказано. Но отвечать же что-то нужно, когда спрашивают: «А кем это Андрей у нас хочет стать?»

У знакомых его родителей и родственников это главная фишка: кем хочешь стать? А он, Андрей, может, пока никем не хочет стать. Он, может, хочет быть самим собою. Но что-то же взрослым нужно отвечать, а за космосом — будущее! Так почему бы и нет?

Но! Толстый и ленивый — это про него. Он всё собирался с ближайшего понедельника круто изменить свою жизнь: начать делать зарядку, заниматься закаливанием. Засесть вплотную за физику с математикой. Но понедельники проходили, и назначались новые сроки — с нового понедельника, с первого числа, с десятого, с пятнадцатого. После Нового года.

Справедливости ради нужно сказать, что он иногда пересиливал себя. День, от силы три, Андрей начинал с пробежки вокруг дома, раскладывал кучу книг по физике и математике. А потом всё опять становилось прежним. Перебороть свои привычки труд-

нее, чем надавать Шварценеггеру по сусалам. Намного труднее. Вы попробуйте — и убедитесь сами.

Ведь так славно лишние полчаса поваляться в постели, не жась под одеялом, тут вставай, маши руками-ногами. После этого на стадион тащись бегать. А если дождь? Бегать по стадиону в дождь, я вам доложу, удовольствие не из приятных!

— Успеется! — говорил себе Андрей.

И всю дорогу так. Если он, например, открывал физику, то по телику, как назло, шла ну чрезвычайно интересная передача, после которой времени не оставалось и, по совести говоря, не очень-то и хотелось влезать в дебри физики или математики.

Надежда Шелякина

Диплом Премии «За раскрытие внутреннего мира ребёнка в подборке поэтических публикаций»

Родилась в 1973 году; по образованию педагог, работала менеджером.

В настоящее время домохозяйка, воспитывает двоих детей; окончила литературные курсы в Институте дополнительного образования ЧГАКИ (2013), участница Международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском (2013), участница фестиваля «Молодые писатели вокруг ДЕТГИЗа» (2013), победитель нескольких сетевых литературных конкурсов. Публикации в сборнике

«Как хорошо» № 5 (ДЕТГИЗ), в газете «Детский сад со всех сторон» (Санкт-Петербург) и других изданиях.

Из подборки стихотворений

Сколько друзей у лошадки?

Я спрашивал украдкой
Знакомую лошадку:

— Вы дружите с бараном,
С ягнятами его?
Лошадка закивала,
Сказала: «Иго-го!»

— С быком большим и строгим,
С телятами его?
Лошадка закивала,
Сказала: «Иго-го!»

— А с петухом-задирой?
С цыплятами его?
Лошадка закивала,
Сказала: «Иго-го!»

— Скажите мне, а сколько
У Вас друзей всего?

Подумала лошадка,
Сказала: «ОГО-ГО!»

Я и жук

Жук летел, расправив крылья,
И жужжал, как эскадрилья.

Я бежал, расправив руки,
Повторяя эти звуки.

И за то, как я жужжал,
Жук меня зауважал!

Бульканье

Суп в кастрюле «буль-буль-буль»
Варится и булькает,
А внучок: «Бабуль, бабуль!» —
Ходит и бабулькает.

Искусственная ёлка

У нас на празднике была
Искусственная ёлка.
На ней сосульки из стекла
И бабочки из шёлка.

И дождь серебряный сухой
С мохнатых лап струился,
И снег из блёсток золотой
Под лампами искрился.

Сугроб под ёлочкой подрос
Из мишуры блестящей,
И только Дедушка Мороз
Был самый настоящий!

Щенок Мартынка

У щенка Мартынки
Беленькая спинка,
Беленькие лапки,
Белые бока.
Будто бы Мартынка
Опрокинул крынку
И купался в тёплой
Луже молока.
Сам купался в луже,
А нос держал снаружи!

Овечка

Ох, и модница овечка,
Вся в кудряшках,
Вся в колечках.
Даже рожки впереди
Завила на бигуди!

Ёжик

Ёжик носит не футболки,
Не рубашки, а иголки!
И в шкафу закрыт на ключик
У него запас колючек.

Солнышки-подсолнушки

Солнце в землю уронило
Крошечные зёрнышки,
И раскрылись на поляне
Маленькие солнышки.
Маленькие солнышки —
Солнышки-подсолнушки!

Сова

— Какая сочная трава! —
Любуясь, думала Сова.
— Какие пчёлки на цветках,
Смеется солнце в облаках!
— Какие яркие цвета,
Вокруг такая красота! —
Всё это думала, а вслух
Сова сказала только:
— УХ!!!

Лера и кавалеры

На скакалке скачет Лера
В ярком платье простеньком,
А за нею кавалеры
Следом скачут хвостиком.
Подрастёт и станет Лера
Девушкой Валерией,
И поскачут кавалеры
Целой кавалерией!

Номинация
«Литературное краеведение и публицистика»

Валентина Черных

Диплом Премии «За масштабное представление трёхвековой истории Верхнего Уфалея в книге «Завод на речке Уфалей: от завода до города»».

Родилась в Верхнем Уфалее в 1945 году. Окончила исторический факультет Челябинского государственного педагогического института (1995). Краевед, историк. Работает инспектором по охране исторического наследия Верхнего Уфалея; научный сотрудник Уфалейского историко-краеведческого музея. Награждена дипломом 2-й степени Министерства культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1986), нагрудным знаком Президиума Центрального Совета ВООПИК к 70-летию победы Великого Октября (1987), почётными грамотами губернатора Челябинской области (2004), Министерства культуры области (2005).

Почётный работник культуры города Верхнего Уфалея (2003). Лауреат премии Законодательного собрания Челябинской области в области культуры и искусства (2007), первой ежегодной премии главы города в номинации «Берегиня истории» (2013).

Завод на реке Уралей: от завода до города

(отрывок)

Глава 4

Вставай, страна огромная...

1941 — 1945

«22 июня, ровно в 4 часа...»

Эти слова глубоко запали в души и память тех, кто прошёл сквозь горнило самой жестокой и кровопролитной из войн минувшего века — Второй мировой, унёсшей жизни более 50 миллионов человек. Историки и публицисты ещё уточняют часы и направления её начала, но, главное, с каждым годом остаётся на Земле всё меньше участников и свидетелей этой войны, всё настойчивее попытки фальсифицировать её истинные причины, «подменить» её подлинных зачинателей и умалить подвиг страны, сыгравшей решающую роль в её исходе — в Победе над фашизмом. Для народов России попытки такой ревизии кощунственны — независимо от того, в каких формах они проявляются. Для нас это была Война Великая, Война Священная, Война Народная, война, спасшая, по крайней мере, европейскую цивилизацию от фашизма.

Можно ли было предотвратить её или добиться победы в ней ценой меньших жертв?

Наверное, да, если бы Англия и Франция поддержали 17 апреля 1939 года предложение Советского правительства заключить

англо-франко-советский договор о взаимопомощи и предоставлении гарантий трёх держав другим странам Европы. Но эти наши предложения были отвергнуты, тем самым гитлеровской Германии ещё раз был указан путь агрессии — против СССР.

Между тем, если бы вооружённые силы Англии, Франции, СССР и Польши тогда объединились, они имели бы 311 дивизий, 11 700 самолётов, 15 400 танков, 9 600 тяжёлых орудий. А Германия и Италия имели в то время 168 дивизий, 7 700 самолётов первой линии, 8 400 танков и 4 350 орудий, то есть их военная мощь была почти в 2 р. меньше.

В августе 1939 года СССР предпринял ещё одну попытку заключить военную конвенцию с Англией и Францией против агрессоров, но присланные на переговоры второстепенные политические деятели — французский генерал Думенк и английский адмирал Драйе, возглавлявшие делегации своих стран, даже не имели полномочий на подписание каких-либо соглашений. Послав эту делегацию в Москву, английское правитель-

ство одновременно вело закулисные переговоры с Гитлером о совместном выступлении против Советского Союза.

Западные страны вели большие дипломатические манёвры, стремясь зажать СССР между Японией, развернувшей активные боевые действия у реки Халхин-Гол, и Германией. Так решались две задачи: уничтожить руками Гитлера советский строй, к чему они стремились с первых дней возникновения новой России, и отвести от себя набирающего силу хищника. Правда, этот манёвр им не совсем удался. По меткому замечанию крупного французского политического деятеля Эдуарда Эррио, «Гитлер был цепным псом английского и французского империализма, но, вопреки их желанию, сорвался с цепи и искусал своих хозяев». В течение одного дня фашисты захватили Данию, за 12 дней — Югославию, 19 дней — Бельгию, 44 дня — Францию, за 63 дня — Норвегию.

Гитлеровская Германия стала безраздельно господствовать почти во всей Европе — все её государства, за исключением Великобритании, были покорены Германией или являлись её ближайшими союзниками по разбою, или держали благоприятный для неё нейтралитет.

Известно, что и Советский Союз вёл «дипломатические манёвры» с Германией. На сей счёт в феврале 2005 года в «Московских новостях» появилась статья под характерным названием «Предыстория катастрофы», автор которой, ссылаясь на новые

архивные материалы, утверждает, что подписание пакта Молотова-Риббентропа открыло двери войне.

Но... Уинстон Черчилль по радио 1 октября 1939 года говорил: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии».

В средствах массовой информации порой встречаются суждения, будто Германия была вынуждена напасть на Советский Союз, так как СССР готовил агрессию против Германии, и что 22 июня 1941 года немецкие вооружённые силы лишь нанесли упреждающий удар.

Эту явную ложь опровергают многочисленные факты, в т. ч. заявление подручного Геббельса, военного преступника Фриче. 12 сентября 1945 года на допросе он сообщил советскому следователю: «Должен заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма, и утверждал, что якобы фашистская Германия является оплотом европейских стран против англо-американской плутократии и красного империализма».

А теперь о фактах. В результате военных побед Германия значительно увеличила свои ресурсы за счёт союзников и оккупированных стран. Территориальные — в 5,9 р. (до 3 277 тыс. км²), людские — в 3,7 р. (до 283 млн человек), по производству электроэнергии в 2,1 р. (до 110 млрд кВт/ч), стали — в 2,2 р. (до 43,6 млн т), нефти — в 20 р. (до 10 млн т), бокситов — в 22,8 р. (до 2117 тыс. т), добыче железа — в 7,7 р. (до 26,3 млн т) и т. д.

Гитлеровцы захватили оружие, боеприпасы, снаряжение, транспортные средства 180 побеждённых дивизий, в т. ч. 12 — английских, 22 — бельгийских, 18 — голландских, 6 — норвежских, 92 — французских, 30 — чехословацких. Только во Франции они в качестве трофеев получили 4930 танков, 3000 самолётов. Таким образом, к лету 1941 года Гитлер создал мощную экономическую и военную машину для удара по Советскому Союзу. Общая численность вооружённых сил Германии к июню 1941 года составила около 7,3 млн военнослужащих и более 1,2 млн вольнонаёмных. Крупные армии имелись у союзников Германии — Италии, Финляндии, Румынии, Венгрии. Всего в вооружённых силах агрессоров, с учётом пограничных войск и различных воинских формирований, было 13 млн человек.

Вся внутренняя жизнь Германии была подчинена подготовке к нападению на СССР. Военное производство в 1940 году по сравнению с 1939 увеличилось на 76 %. Было создано новое мини-

стерство вооружений и боеприпасов. Число рабочих в военной промышленности увеличилось с 2,45 млн в 1939 году до 5,3 млн человек в мае 1941 года, то есть в 2 р. Рабочий день доведён до 10 часов, отменены тарифные отпуска, право ухода рабочих с предприятия, дополнительные отпуска за работу ночью, в воскресенье и праздничные дни.

К моменту нападения на Советский Союз вермахт по своей численности, технической оснащённости, агрессивному фанатизму представлял самую мощную военную силу, когда-либо создававшуюся в мире. Поставив на колени почти всю Западную Европу всего за 9 месяцев боевых действий, гитлеровские главарь, опьянённые лёгкими победами, не сомневались в успехе «молниеносной войны» с СССР. Всю операцию планировалось завершить за 5 месяцев.

Компетентные источники свидетельствуют: после того, как план «Барбаросса» был принят в ставке Гитлера, прошло не более суток, и он уже лежал на столе у Сталина. Значит, его личная секретная служба работала исправно. Чего же нам не хватало, чтобы остановить и разбить агрессора без огромных человеческих и материальных потерь, которые понесла страна?

Времени, чтобы завершить перестройку, переоснащение современной техникой Красной Армии и обучить личный состав эффективно использовать её. О масштабах сделанного судите сами. Промышленное про-

изводство СССР за 20 мирных лет (1920—1940 гг.) возросло в 54 р. По объёму промышленного производства Россия в 1913 году находилась на 5 месте в мире и 4 — в Европе, перед войной СССР — на 2 месте в мире и на 1 — в Европе.

За 3,5 года третьей пятилетки было построено около 3 000 промышленных предприятий. Особенно интенсивно развивалась промышленность на Урале, Дальнем Востоке, в Поволжье, Сибири, Казахстане, Средней Азии, где создавалась мощная экономическая база. К лету 1941 года в восточных районах страны находилась почти пятая часть всех военных заводов. В сентябре 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о строительстве 9 новых и реконструкции 9 старых авиационных заводов. В результате в 1939 и 1940 годах СССР стал производить больше самолётов, чем Германия. Новые самолёты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2 по лётно-техническим данным были на уровне мировых стандартов, а некоторые — и лучшими в мире. Штурмовиков, подобных Ил-2, не имело ни одно западное государство. К сожалению, серийное производство их только налаживалось.

Производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 года в 1,5 раз превышали германские. В новом танке Т-34 была решена проблема оптимального сочетания прочной брони, эффективного вооружения и большой маневренности. Позднее даже буржуазные специалисты

признали, что этот танк родился в сознании людей, сумевших увидеть поле боя середины XX века лучше, чем кто-либо на Западе.

Перед войной большое развитие получила артиллерийская промышленность. Крупным успехом стал выпуск боевых машин реактивной артиллерии (БМ-13) — знаменитых «катюш».

Интенсивное производство военной техники позволило улучшить вооружение войск. К 22 июня 1941 года, по сравнению с 1 января 1937, количество пулемётов и орудий средних калибров возросло почти в 2 р., винтовок и танковых пушек — в 2,5 р., орудий крупных калибров — в 3,5 р., противотанковых орудий — почти в 4 р., зенитных орудий — в 5 р.

1 сентября 1939 года на внеочередной IV сессии Верховный Совет СССР принял новый Закон о всеобщей воинской обязанности. Призывной возраст понижался с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу — до 18 лет. С осени, когда на Западе вспыхнула мировая война, началось бурное развёртывание Вооружённых Сил. Всего же к началу войны имелось 198 дивизий, то есть в 2 р. больше, чем в 1939 году.

Существенный урон, по мнению некоторых исследователей, был нанесён армии в результате чистки её командного состава. В интересном документе — «Отчёте о работе управления по начальствующему составу РККА за 1939 год», подписанном 5 мая 1940 года заместителем Наркома обо-

роны Е. А. Щаденко и адресованном И. В. Сталину, другим членам Политбюро (в Главном управлении кадров имелся экземпляр, возвращённый К. Е. Ворошиловым с его замечаниями), — есть раздел, озаглавленный «Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)». Общая цифра уволенных и исключённых из списков Красной Армии за 1937, 1938 и 1939 годы составляет около 37 тыс. человек. Судя по отчёту, количество арестованных в 1937 году составляло 3,1 % от численности комсостава, в 1938 году — 2,8 %, в 1939 году — 0,03 %. В этом же отчёте Е. А. Щаденко докладывал: «В общем числе уволенных командиров... было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат Обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя товарища Сталина. Мною в августе 1938 года была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных путём личного вызова их, выезда на места работников управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т. д. Комиссией... рассмотрено около 30 тыс. жалоб, ходатайств и заявлений». На 1 января 1940 года восстановлены в кадрах около 45 % командиров и начальников, уволенных по политическим причинам. В 1941 году возвращение кадров продолжалось.

На 1 января 1941 года в армии было 580 тыс. начсостава. По возрасту до 25 лет — 29 % командиров, от 26 до 35 лет — 57%, 36—45 лет — 13 %, старше 45 лет —

чуть больше 1 %. Таким образом, 86 % командиров были не старше 35 лет. По военному и специальному образованию 7,1 % имели высшее, 56 % — среднее, 25 % — ускоренное, 12 % — без военного образования (в основном политический, военно-хозяйственный и административный, военно-юридический состав). В командном составе сухопутных войск не имели военного образования менее 4 % командиров. То есть большинство начальствующего состава были с достаточной военной или специальной подготовкой, могли успешно выполнять обязанности по службе.

Часть их имели боевой опыт, полученный в Гражданской, советско-финляндской войнах, во время конфликтов на КВЖД, у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, во время военной операции, направленной на присоединение к СССР западных территорий Белоруссии и Украины в сентябре 1939 года.

За 3—4 года перед войной выросло немало опытных военачальников, отличившихся затем в Великой Отечественной войне. Должности начальника Генерального штаба занимали поочередно Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков; начальника Главного оперативного управления — Н. Ф. Ватутин, его заместителя — А. М. Василевский; начальника Главного артиллерийского управления — Г. И. Кулик, его заместителя — Н. Н. Воронов; начальника автобронетанкового управления — Я. Н. Федоренко; командующего ВВС — П. Ф. Жи-

гарев; народного комиссара ВМФ — Н. Г. Кузнецов; начальника Главного морского штаба — И. С. Исаков. Большинство из них показали себя опытными, талантливыми военачальниками.

Перед войной было 16 военных округов, один фронт, 20 общевойсковых армий. Все командующие войсками военных округов были членами ВКП(б), участниками Гражданской войны и других боевых действий, со стажем службы не менее 20 лет, 89 % из них имели высшее военное образование, 77 % — выходцы из рабочих и крестьян. Командующие армиями также были членами партии, участниками боевых действий, с большим стажем службы, 71 % из них имели высшее военное образование, 84 % командующих войсками военных округов и армий были в возрасте до 50 лет, 54 % командармов — до 45 лет. 88 % начальников штабов военных округов и 100 % начальников штабов армий имели высшее образование. Перед войной Военная академия Генерального штаба подготовила более 600 прекрасных командиров высшего звена. И получается: утверждения о том, что в начале войны некоторыми дивизиями командовали старшие лейтенанты и капитаны, беспочвенны и лживы.

Советский народ сделал почти всё, что было в человеческих силах, для подготовки Родины к отпору агрессорам. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков говорил: «Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направле-

ниях велось правильно. Конечно, если бы заново пройти этот путь, кое от чего следовало отказаться. Но я не могу назвать сегодня какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших Вооружённых Сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить. Период же с 1939 года до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые уже через два-три года дали бы советскому народу блестящую армию. В главных, основных моментах — а ведь именно они в конечном счёте решают судьбу страны в войне, определяют победу или поражение — партия и народ подготовили свою Родину к обороне»¹.

Накануне

1941 год. Тихая, спокойная, размеренная жизнь уфалейцев. Закончили строительство узкоколейной железной дороги на Нижний Уфалей, подвели итоги работы металлургического завода за 1940 год. Приказом № 5 от 11 января 1941 года директор УМЗ И. Д. Вяликов поощрил большую группу передовиков производства, в т. ч. знаменитого в то время (и в годы войны) старшего вальцовщика листопрокатного цеха Василия Васильевича Козырева. Тогда ему вручили радиоприёмник, а 21 июня выдали премию — 330 руб. Во многих приказах говорилось, что передовики поощрялись полушубка-

¹ Правоторов В. Ф., Бородин В. П. 22-го июня, ровно в 4 часа... // Наука и религия. 2006. Июнь.

ми, «мануфактурой» по 5 и 10 м, сапогами кожаными и деньгами от 100 до 350 руб.

«Уфалейский рабочий» писал о городских и заводских делах. Цех ширпотребя начал выпуск детских ванн и оцинкованных баков нового типа для стирки белья. Втрое перевыполнил нормы бригадир жестянщиков комсомолец И. Мясников. За годы пятилеток увеличилась мощность мартена; ручную завалку заменили посадочной электрической машиной, построили железную дорогу с шихтового двора к печи, расширили канаву... (5 июня).

Группа учащихся средней школы № 1 отправилась в поход на 10—15 дней (15 июня).

17 июня 1941 года вышел приказ по заводу во исполнение распоряжения Главуралмета от 11 июня 1941 года о восстановлении к 1 мая 1942 года законсервированной доменной печи для выработки из елизаветинских руд древесно-угольного хромоникелевого чугуна. Но война этот срок отдала в силу новых обстоятельств. Домна была задута 4 июня 1943 года.

На заводе начался комсомольско-профсоюзный кросс, в котором приняли участие и взрослые рабочие. Открылись летние пионерские лагеря (20 июня).

Газета сообщила об успешном окончании посевной кампании, работе предприятий, о прополке посевов, посадке картофеля, капусты и т. д. Сообщалось и о других житейских и общеполитических

Разведение и публицистика

делах и заботах Уфалейского района. (В район тогда входили Касли и большая часть сегодняшней территории Каслинского района.) Но в международных обзорах тревога всё возрастала, всё реальнее становилась угроза войны.

На Уфалейском никелевом заводе была начата реконструкция: расширен сушильный цех, в плавильном работали 4 ва-тержакетные печи, 2-тонный конвертер заменён 5-тонным, 8-тонный — 13-тонным; в обжигово-восстановительном цехе от производства никеля в ронделях полностью перешли на электроплавку закиси никеля с последующей грануляцией; в горнорудном хозяйстве стали применять экскаваторы, буровые станки, подвижные составы...

Геологи разведали новые рудники в Уфалейском районе, что значительно увеличило запасы никелевых месторождений завода. При сложных геологических условиях, при неустойчивых, сильно обводнённых породах готовился к вводу в строй подземный Шелеинский рудник. В апреле 1941 года в плавку шахтных печей стала поступать руда с Крестовского, Ново-Черемшанского и вновь открытого Северо-Кротовского рудников...

По законам военного времени

Летний день 22 июня 1941 года изменил жизнь граждан СССР, разделив её на «до» и «после» войны. Мирная жизнь рухнула в одночасье...

Номинация
«Золотой фонд»

Римма Вышаленкова

Диплом Премии «За большой вклад в развитие литературы Южного Урала».

Родилась 11 января 1942 года в селе Дуван Башкирской АССР (ныне Республика Башкортостан). По окончании горнокерамического техникума в Сатке начала трудовую деятельность на Магнитогорском цементном заводе. По окончании литературного института имени А. М. Горького (заочно) работала редактором Магнитогорской студии телевидения, заведующей литературной частью в ТЮЗе (Челябинск). Первые стихи опубликовала в 1969 году, а первый сборник вышел в Москве в 1978 году. Выпустила несколько книг для детей.

Награждена медалью «За трудовую доблесть» (1970), почётным знаком ЦК ВЛКСМ (1980). В 1994 году удостоена Цветаевской премии Фонда культуры Челябинской области. В 1998 году стала лауреатом губернаторской премии имени Бориса Ручьёва. Лауреат Всероссийской премии имени Д. Мамина-Сибиряка (2005); лауреат областной государственной премии.

Из книги «На высоте земли»

Уральские ведьмы
триптих

1. Изумрудные залы Урала

Никогда, никогда не печалилось сердце моё.
Никогда, никогда нездоровье меня не пугало.
Ни богатство, ни бедность не смущали моё житиё,
увлекали меня Изумрудные залы Урала.

Он сверкает во мне, бриллиантовый отблеск пещер,
ледяная вода обернулась голодною щукой,

над косматой моей головою невидимый зверь
поднимает в молитве когтистые руки.

Змеи, клевер и мёд вслед за мною ползи в города,
легкомыслие птичье меня в города увлекало.
Но пещеры завода в огне, и они никогда
не заменят собой Изумрудные залы Урала.

Есть астральная правда в лягушке, отвага живёт в комаре.
В городах только страх, жалкий страх приживалок:
не летаю на Брокен, не ведьма на Лысой Горе...
Ухожу в монастырь, в Изумрудные залы Урала.

2. Тайны Любви

Небо властвует ночью. Рабочий уснул Златоуст.
Дух его златокрылый отворяет сокрытые очи.
Вдохновенное имя касается ласковых уст:
Златоуст, Златоуст — мой любовный источник.

Ровно в полночь пещера откроется в Голой Горе.
Будто искры туда пролетают свободные души.
Не проспи двадцать первую ночь в сентябре,
положи аметист перед сном под подушку.

В сентябре, в сентябре всех влюблённых скликает Гора.
Тайных духов Земли поднимает планета Венера.
И Учитель Любви — Златоуст — говорит до утра
о любовных, сакральных и даже телесных пещерах.

Мы бывали, бывали в пещере на Голой Горе.
Ах, как весело там заплетаются искры!
И стыдливое слово является всё в серебре,
и бесстыдно ликуют дневные, нескромные мысли.

Все-все-все, кто не смел целый год о любви говорить:
сталевары, шахтёры и даже — о Боже! — парторги —
превращаются в искры и вот начинают искрить,
наливаться любовью с каким-то прощальным восторгом.

Что ж, ведь скоро зима! Тяжело без любви зимовать.
Ты пометь календарь, и в осеннюю пору
позвони и скажи:
— Ночь! Пора вылетать!
Златоусты, летимте
на Голую Гору,
на Голую Гору!

3. Тайны исцеления

Люди любят поэтов, пророчества горький бальзам.
Людям дорог политик — лукавого мира создатель,
но дороже всего нашим бранным, усталым сердцам
Врачеватель! Да-да, нашей боли глухой — Врачеватель.

Боль. Мы с детства, невинного детства боимся её.
Нас бичуют изломы, простуды, ожоги.
Кто дитя исцелит? Где тибетское взять мумиё?
Ах, не смерть нам страшна, нам страшны болевые пороги.

И опять я зову вас в природные календари.
Вспомни речь мудрецов, что давно отзвучала:
за целительной силой — к вершинам глубокой горы,
в Изумрудные залы Урала.

Златоуст открывал мне пещеры любви,
врачевания силу поведала Сатка.
Надо духом парить, надо верить в полёты свои.
Только в майскую ночь отворяет пещеры Зюраткуль.

Здесь мы с детства узнали всеилие тихой травы:
заклинанье цветка, волхование шмеля,
нас крапива учила здоровью, шиповник — любви,
нас купали купели сентября и апреля.

Это с детства я знаю: властительный облик камней.
Самоцвет наделён силой древнего света.
Допотопная тяга его бесконечных лучей
подключает нас к вечности или к маршруту планеты...

Только в Сатке целебен поток родниковой воды.
Он ликует младенцем в хрустальных и яшмовых чашах.
Коль вода рассмеётся — тебя защитят от беды,
потому что в ней Солнце — живое могущество наше.

Есть астральная сила деревьев и сила зверей.
Надо жить этой силой уже с колыбели.
Города, города, вы лишили нас тайных дверей
в Изумрудные залы сентябрей и апрелей...

Но всё же я — ведьма. Зачем эту правду скрывать?
Ты в апрельскую ночь позвони мне украдкой:

— Любимая! Ночь. Нам пора вылетать
в родниковую Сатку, заповедный Зюраткуль.

Вверх летит к полнолунию лебедь Луна.
Вниз, в пещеры Земли, — голоса водопадов.
И душа молодая, как воздух и воды, вольна
быть летучей сильфидой, плакучей дриадой,
плавучей наядой.

Из цикла «Внезапная мудрость»

Уехал

Уехал. Заштопать на сердце прореху,
из страха, с размаха, судьбе на потеху,
изведать далёкое в даях скитание,
изладить разлады, сыскать сострадание.

Уехал! Вот умница, вот полководец:
дожди иссушил, снегопады развеял.
Теперь при такой чужестранной погоде
дождаться тебя будет много труднее.

А я поджидаю на облачке белом.
Гляжу со слезами сквозь ветер косматый:
— Ну, что ты наделал! Ах, что ты наделал,
мятущийся и без вины виноватый?

Из цикла «С высоты земли»

* * *

Весной хочу к земле поближе быть.
Мне надобно ладони погрузить
в припухшее распаханное поле.
Из почвы тесто жизни замесить.
Водой живую семя оросить
и выпустить растение на волю.

Могильное, бесплодное на вид,
сурово поле чёрное молчит,
полно большой космической печали.
Но месяц встанет на волшебный рог,
от звёзд примчится вестник-ветерок —
и зёрна, будто звёзды, зашуршали.

И я тружусь, и трудится звезда,
и космос световые льёт года,
и волны жизни мощно излучает,
чтоб маленькая нежная земля,
ресницами зелеными звеня,
давала это чудо урожая.

* * *

Внезапная радость общения с небом!
По горному гребню блуждают огни,
дома хороши своим кровом и хлебом,
но всё же без неба ничтожны они.

Высокое, сильное, стройное тело!
Ну что бы твоя неуёмная власть,
когда бы душа к облакам не летела,
под бурями, как облака, не рвалась!

И всё же в безмерную неба пустыню,
где звёзды рисуют свои миражи,
людей не безумство влечёт, не гордыня,
а поиск такой же летучей души.

И так же, как солнце багровым дыханием
гонит к зениту стрелы зари,
любимый, с далёких твоих расстояний
с высокой любовью моей говори!

Обсидиан

На синем краю травостойной, душистой планеты
и море похоже на солнце, и солнце похоже на ветер,
и розы цветут, и кипит молодой виноград,
и персики зреют, и груши усладой пьянят.

Мы двое на море под парусом встречи-разлуки.
И волны морские теплы, как любимые руки,
и камни приморские влажно и нежно блестят,
и губы то руки целуют, то пьют виноград.

Но море уходит, и в камне возникли узоры,
и в камне свернулось пространство беспечного моря:
и море и суша, и роза и груша — теперь талисман,
мерцающий камень в ладони, наверное, обсидиан?

* * *

Не имеет любовь моя
пограничной своей черты:
я верна тебе, как земля,
по которой уходишь ты.

Будет поезд. И самолёт.
Будут лодки и корабли.
Если в море твой путь уйдёт,
море тоже — вокруг земли.

Вот какая тебе цена.
И другой не будет, не жди.
А теперь я хочу быть одна,
уходи.

С высоты земли

Для чего сегодня улетают,
пропадая в небе, корабли?
Неужели праздник исчезает,
праздник жизни с высоты земли?

Неужель сестрички мои, братцы
приголубить землю не смогли?
Неужели горько целоваться
и молиться высоте земли?

Неужели хлебные колосья,
лета зоревая чистота,
неужель весна, зима и осень, —
более уже не высота?

Неужель младенцы и газели...
Кавалеры, розы и шмели...
Неужели птицы и свирели...
Покидают высоту земли?

Обнимая Божие творенье,
я прошу пощады и любви.
Я зову к себе в стихотворенье
праздник жизни с высоты земли.

Номинация

«Проза: талантливая молодёжь»

Дарья Федосеева

Диплом Премии «За попытку освоения крупномасштабной прозаической формы в романе «Тюремная жена»».

Родилась 24 октября 1990 года в Челябинске. Первые публикации стихов, прозы и статей состоялись в школьном возрасте. Публиковала журналистские материалы в интернет-журнале «Молодость». В 2012 году вышел первый сборник автора «Душа-дитя», в который вошли ранние стихи, рассказы и пьеса. Стихотворения опубликованы в электронных альманахах «Причал», «45-я параллель», в журнале «Стержень», в печатных изданиях: «Антология одного стихотворения», «Светунец». Проза опубликована в украинском электронном журнале «Метелица» и «Гуманитарном журнале» Льва Лузина. Несколько рассказов переведены на немецкий язык и размещены на немецком творческом портале SHOTS/STORIES. В 2013 году стала лауреатом литературного конкурса «Стилисты добра». На Межвузовском литературном форуме имени Гумилёва «Осиянное слово» в Переделкино роман «Тюремная жена» получил Гран-при.

Тюремная жена
(отрывок)

– Что за чертовщина: то письма у них теряются, то работникам зарплату не платят.
В это отделение батюшку пора вызывать!
– На всю Россию батюшку пора вызывать...

Из разговора в почтовом отделении

слишком приятно обнаружить, что у твоей бывшей жены появился хахаль.

Всё же я довольно быстро с ним смирился. Было ли это лицемерием? Кто знает. Я знал, что

1.

Профессор Дядькин никогда не ревновал Аниту. Даже когда они назывались мужем и женой. А теперь он тем более не имел на это права. Но согласитесь, не

он женат. Анита — нет. У журналов осведомлённость входит в привычку. Но мне не хотелось копаться в этом. Он не мог претендовать на то, чтобы стать мужем моей жене и отчимом моему сыну. Остальное меня мало волновало.

После развода я поселился в одном подъезде с бывшей. Можно чаще навещать Владика, не тратя лишнего времени на дорогу. Я заходил почти каждый день. Раздражалась? А как же! Даже пару раз выставила меня за дверь, не пустив к сыну. Зачем-то ей нужны были эти условности: она — отдельно, я — отдельно. Анита яростно отстаивала свою независимость. Мне кажется, года три после развода она ещё любила меня. Расстались мы не очень хорошо и ругались долго. А это, поверьте, надёжный признак любви.

Женатыми мы прожили двенадцать лет, пока однажды я не вернулся из командировки на день раньше, чем должен был. Жена лежала в супружеской постели и обнимала высокого и полного грузина. Надо ли добавлять, что между ними витал только воздух. Я не стал ни картинно желать им счастья, ни ломать мебель. Лишь попросил никогда не появляться в моей квартире и оставить сына мне. Но эту историю я рассказываю девушкам, к которым пристаю в общественном транспорте. А вот как на самом деле.

Жена вернулась от матери на пару дней раньше, чем должна была. Я лежал в супружеской постели и обнимал маленькую и худую японку. Мы обнимались в

одежде. В невидимой глазу одежде. Не верите? Вот и Анита мне не поверила. Так мы и развелись.

Какое-то время мы делили имущество и сына, как и положено бывшим супругам. Однако вскоре стало понятно, что невозможно разменять одну однокомнатную квартиру на две двухкомнатных, как нам того хотелось. И тогда профессор Дядькин просто съехал и снял квартиру по содействию.

Анита сердилась. Она предпочла бы, чтоб я уехал в Закарпатье или Арктику. Но для меня и в родном Екатеринбурге находилось не особо много работы. Какая уж тут Арктика! Мими в этом смысле несколько проще. Почти в любом городе есть худой-бедный университет, куда она могла бы запросто устроиться преподавателем английского языка. Анита с отвращением относилась к моим газетным дрызгам и к тому, как я выбивал у редакторов положенные мне гроши. В глубине души она не считала меня интеллигентом. Скорее наоборот: я для неё пример всезнайки и эрудита, всё знающий о жизни — и не умеющий жить. Будучи моей женой, Мими не раз упрекала меня в излишней приверженности идеалам. В мои обязанности входило зарабатывать деньги, чтобы прокормить Владика и помочь ей. Но много ли зарабатываешь в России писаниной? Я же не брался ни за что другое, потому как не умел. Жена считала это предательством. Всегда казалось, что разведёмся мы из-за этого. Откуда ж мне было знать?..

Но оставим мнение моей жены, которая уже не является моей женой. И перейдём к тому, о чём мой рассказ. К Андрею Бесславному.

Он появился тихо, из ниоткуда, почти не привлекая к себе внимания. Анита с юности собирала вокруг себя глотающих слюни обожателей. Простите, что отвлекаюсь на это: не могу оставить без внимания её красоту.

Она была приятно полновата, а вернее, имела небольшой упругий животик, который в забавной игре так и тянет ущипнуть. Но тонкие, будто козочкины ножки, лодыжки и гибкие руки делали её стройной, почти хрупкой. По крайней мере, в сравнении с мужчинами она выглядела подростком. Кудрявые тёмно-русые волосы Анита старалась собрать на затылке. Но грива, как живая, не слушалась её, и локоны всегда выбивались из причёски, лезли ей в глаза. Когда ей приходилось наклоняться, читая книгу или взбивая крем для бисквита, она проворным движением заправляла локоны за уши. Мне нравилось это движение: тонкое, как бросок кошки. Всё, что мне хотелось с утра, до того как пойти на очередное сражение с редактором, — посмотреть в глаза моей жене. Она нечасто плакала или смеялась, и по её губам невозможно понять, в настроении она или нет и что хочет сделать. Только в зрачках иногда скачут непоседливые запятые — значит, замышляет шутку. Когда точки — злится. А глаза, когда Анита спокойна, — светло-зелёные.

Её поклонники не давали нам покоя. В нашем подъезде появлялись любовные признания, прославлявшие Наташ и Кать, но я знал, что они посвящены Мими. А эти бесконечные звонки нам домой! Само собой, работая репетитором, она прикрывалась оправданиями, будто звонят родители учеников. Но я прекрасно понимал, что какой-то любовник совсем потерял осторожность.

Мог ли я в таких обстоятельствах заметить появление Андрея? Он выступил очередным героем в спектаклях Анитиных измен.

Мы познакомились сумбурно. Я зашёл в старую квартиру вечером, чтобы... не знаю, зачем зашёл? У Мими неделю назад был день рождения. Вот я и хотел подарить гвоздики. Конечно, она моя бывшая жена и могла неверно истолковать такой знак внимания. Но я представил, как она там, в своей квартирке, сидит одна, никем не поздравленная...

Дверь мне открыл мужчина, крупный и черноволосый. Со сведёнными, почти сросшимися, бровями. Мы оба оторопели. Я не знал, что спросить у него. Он не знал, захлопнуть ему дверь или впустить меня. Наконец он крикнул куда-то в комнату: «Смотри-ка, а Владик-то подрос!» Наше сходство с сыном отмечают многие, и в чужих глазах я, наверно, выгляжу его повзрослевшим двойником. Из комнаты выглянула Анита. Она, по всей видимости, ждала Владика из школы. Брови её поднялись, а в глазах забегали точки. Вы уже знаете, что это значит.

Я что-то лепетал про её день рождения, просил «от всей души» принять вот эти три гвоздики. Уговаривал, предлагал найти вазу. Анита пыталась получше запахнуть разъехавшийся на ней халат и говорила, что я не совсем вовремя. К тому же вазу я сам разбил. Насчёт вазы — это неправда. Я действительно пытался её разбить после третьей повестки в суд. Только ваза несокрушимая, сами убедитесь. Вернёмся к этому позже.

Я путался в словах, увязал в них, как в болоте. Но не нашлось фразы, которая бы рассеяла точки в глазах Аниты.

Улыбка, сводящая скулы, улыбка слабоумного так и застыла на моём лице, когда я спускался в лифте с тремя гвоздиками в руке. Владик вернулся из школы. Через два часа погас свет в её квартире. Я совершенно замёрз, пока ждал у подъезда Андрея. Но он так и не вышел. Он остался там.

2.

И вот профессор Дядькин в одночасье осиротел. Кстати, Вам, наверно, интересно, почему меня так зовут? Моя настоящая фамилия — Вяткин. Но нашему тугухому редактору при знакомстве примерещилось Бог знает что. Он стал звать меня Дядькиным, и никто не смел поправить его. Прозвище прицепилось ко мне и вскоре стало псевдонимом. Приставка «профессор» появилась ещё более странным образом.

В редакции работал бывший переводчик, дяденька преклонных лет по фамилии Тауберг. По

образованию он был лингвистом, но иногда ему поручали написание статей и канцелярскую мышиную возню. Никто не уважал бедного Тауберга. А всё потому, что однажды за обедом он заявил, будто знает все языки мира.

— Невозможно знать все языки! — возражали ему. Коллеги считали, что у старичка на фоне унижительных его возрасту поручений и безденежья начался откровенный маразм. Я не разделял их мнения. Мне, напротив, Генрих казался едва ли не единственным талантливым журналистом. Но платили ему меньше всех.

И надо же такому случиться: в редакцию пришло письмо из-за границы, где «уважаемый профессор Тауберг» приглашался на международную конференцию в Германию. Старик сиял, а редакция стояла на ушах. Тот факт, что полоумного переводчика иностранцы называли профессором, да ещё — о ужас! — уважаемым, взбаламутил даже сытых журналистов. Поднялись со дна пескари да козявочки, дабы покусать карася. Кроме как профессором, Тауберга больше не звали никак. И, как никогда, его считали тупицей и прохвостом. А кто вступался за него, как я, тоже становился «профессором». Что-то вроде заразной болезни.

С конференции старичок вернулся унылым и постаревшим, и даже лысина на его голове будто расплзлась вширь и вглубь. Он сел за свой стол, дрожащей рукой поставил диктофон и под ехидный ропот стал делать расшифровку с конференции, как будто ничего и не было и будто

это рядовое заплаченное интервью с каким-нибудь магнатом. Но профессор, простодушный и мягкий, не умел сдерживать слёз, и они капали на расшифровку, размывая неровные буквы. Пескари решили, что он потерпел крах, и оставили его в покое.

Мы не знали, в чём состоит его работа. Знали только, что он опубликовал статью. В ней говорилось о некоем шифре, ключе от всех мировых языков. В Германии ему предложили солидный оклад и льготы для продолжения исследований. Но уехать Тауберг не мог. В России его держала отнюдь не трухлявая должность в газете, не заботливые коллеги и не дружный коллектив.

Жестокая природа посмеялась над профессором. В типографии по соседству работал его сын, тридцатилетний детина. Он был, как это сказать... не очень умным. Нет. Проще говоря, совсем кретином. Только, в отличие от названного идиота-отца, Грек — так звали малого — идиотом был натуральным. Конечно, винить его в этом нельзя, так уж вышло. В богатом теле созрел рассудок пятилетнего дитяти. Руками Грека типография выполняла грязную и тяжёлую работёнку, в которой нуждается каждое производство: к примеру, погрузка тиража или вынос отходов. В цеха парня не допускали. Боялись несчастного случая. А ну как сунет башку под резак, потом не считаешься. Платили Греку через раз, и Генрих продолжал содержать сына. Поэтому об отъезде в Германию не было и речи.

Однако всякое дитя может заскучать. Заскучал и Грек. Жену он завести не мог, поэтому завёл поросёночка. Где он его откопал — загадка, но Тауберг от такой выходки сына выпал в осадок. Он пробовал запереть поросёночка на балконе, но тот визгом и скрежетом копытцев по двери дал понять, что терпеть такое свинское обращение не намерен. Пришлось отпустить животное в свободный выгул по полуторке. Хряк тут же выразил свою непомерную радость от этого события, плюхнувшись профессору на постель.

Оказалось, что Грек, предвидя переезд в Германию, что-то сообразил своим детским мозгом и, пытаясь доставить отцу удовольствие, завёл мини-хряка, племя которого благополучно обитает в немецких домах вместо спаниелей. Постель Грека располагалась на полу, потому что во сне он имел обыкновение скатываться с неё и мог получить перелом или даже инвалидность. Поросёнок мёрз на низкой постели и облюбовал кровать Тауберга. Возвращаясь из редакции, переводчик с досадой обнаруживал, что животина восседает на троне, и хозяйину, прежде чем ложиться спать, неплохо бы спросить на то разрешение.

Так они и жили втроём: профессор Тауберг, его сын-кретин и поросёночек. О карьере учёного можно было забыть.

3.

В трамваях не езжу давно, но сегодня перекрыли движение.

Вот и пришлось сесть в гудящий вагончик, чтоб добраться с работы домой. Минут через десять я заметил Аниту. Не одну.

Она сидела и тарасилась в окно, как будто сквозь снежное стекло можно что-то разглядеть, кроме отпечатков чужих пальцев. меховая шапка на её голове подёргивалась в такт трамваю. Андрей смотрел в другую сторону и колул ногтем куртку. Тоже мне, влюблённые. Теперь уж незачем изображать пару: исчез главный зритель — я.

Не могу понять, к чему этот цирк. Ведь всем видно, даже кондукторше с пивными глазами: кудрявая девушка у окна и бугай с лысеющим лбом — только случайность и насмешка. Что у них может быть общего, кроме трамвая?

Но я не позволю Аните искалечить наши жизни. Не позволю случайностям, вроде азиатской танцовщицы или бугая в кепке, встать у нас на пути. Я был двадцатилетним юношей, когда пообещал, что сделаю Мими счастливой. Ей тогда было на год меньше. Третью жизни! И на счастливых мы что-то не похожи. Но целую треть не может она вычеркнуть одним взмахом руки. Что бы я ни сделал.

И потом: разве так уж сложно простить? Не сложнее, точно не сложнее, чем уйти. И не больнее.

Прощение — это ли не сладость? В детстве мне нравилось гулять допоздна. Мне, восьмилетнему, романтика улиц была дороже маминого спокойствия. Мама ругалась до хрипоты, стегала меня ремнём, пока на спине

не появится «лесенка» — полоски покрасневшей кожи. Только и мелькала пряжка со звездой, звонко ударяя по моей мальчишеской плоти. Мама мягкой измождённой рукой утирала пот со лба. Казалось, ей наказание даётся трудней, чем мне. А меня веселила мамина злость, веселила до задора, до хохота. В один вечер я задержался до двенадцатого часа — дольше обычного. Думал, меня выпорют, как Сидорову козу. Но отец только покачал головой при виде меня, а мама не вышла из комнаты. Той ночью её не стало с нами.

От меня долго берегли тайну смерти. Отец и сестра не хотели, чтобы я, глупый и жестокий ребёнок, чувствовал себя виноватым. Повзрослев, я понял всё сам. И это было в сто раз хуже: не за что себя жалеть и не у кого просить прощения. Я прогулял мамини последние часы, словно уроки или сектантское собрание, что мы с сестрой так нехотя посещали по субботам. Мне хотелось увидеть маму, хотелось, чтобы она наказала меня. Избила ремнём, хоть до крови — лишь бы чувствовать её мягкие, не умеющие наказывать руки. И быть наказанным. Мне хотелось, чтобы мама наказала меня! А она не могла.

Наверно, такова человеческая натура: наказанному легче себя простить. И перед Анитой я вроде как уже и не виноват. Она простила меня тем, что позволила себе сровнять между нами счёт.

Я проснулся на конечной. Едкий, ослепительный свет. Пустой трамвай. Кондукторша сказа-

ла, что какая-то девушка будила меня, но я не проснулся.

4.

К счастью, профессор Тауберг вышел на больничный. Не сомневаюсь, что от перемен, затеянных в редакции, его бы хватил удар.

В первую очередь сократили «Книжное обозрение». Вместо него появился отдел сплетен. Бывалого журналиста по прозвищу Перфоратор поставили во главе. Для этого его переманили из более успешного издания, надеясь с его помощью оживить газету. Знать мы его не знали, но слухов ползло больше, чем о начальстве.

Вера, наш фотограф, с сумасшедшими глазами перетаскивала собственный рабочий стол в чуланчик рядом с туалетом.

— Но здесь же крысы, — мотала она головой.

— Вера, ты это переживёшь, — хлопал её по плечу редактор Дятлов, — Не капризничай, ладно? Анатолию угол нужней.

Вера вздохнула и, глядя, как Перфоратор подкручивает сидущку стула, ещё не остывшего от тепла её тела, поплелась в туалет. Потом, опомнившись, толкнула соседнюю дверь и скрылась в темноте.

Стереотип обывателя, что редакции похожи на царские палаты, вызывает у меня усмешку. Представьте себе подвал какого-нибудь бывшего продуктового магазина. С цементным полом, с туманными окнами. Летом в малюсеньких отделах чувствуешь себя жуком, пойманном в спичечный коробок. Жарень —

хоть вентилятор на голову ставь. Никто не осудит и не посмеётся. А зимой костевой дубак. И да простят меня приверженцы моды, я лично наблюдал, как Вера вчера дефилировала в туфлях на махровый носок.

Арсений Дмитриевич Дятлов имел репутацию человека прямолинейного и обладающего деловой хваткой. Поэтому многих его коллег удивляло, что за пять лет управления газетой он не добился от неё заметного коммерческого успеха. Решили это исправить.

— Георгий, зайди ко мне после обеда, — остановил меня Дятлов в коридоре. Интуиция подсказывала, что ничем хорошим разговор не кончится. Больше всего я боялся ссылки в чулан.

На ковре, подаренном заботливыми подчинёнными, мне предложили стать помощником Перфоратора. Ну то есть как «предложили»? Арсений Дмитриевич намекнул, что сохранит за мной должность лишь в том случае, если мы сработаемся. Индийская физиономия с ковра гнусно ухмылялась, когда я выходил из кабинета Дятлова.

Нет, вам не понять, что я испытал тогда. Потому что Вы не знаете, кто такой Перфоратор.

В саванне обитает огромная птица, вонючая, лысоголовая. Зовут её гриф. Он прилетает туда, где пахнет смертью, чтобы полакомиться тухлятиной. Таков был и Перфоратор. Случилась ли страшная авария, зрелищная драка или кто-то знаменитый умер загадочной смертью — стервят-

ник тут как тут. Чем сочнее и жирней падаль — тем вкусней, наестся всласть да и полетит в другое местечко, чужое горе ворошить.

И вот мне предстояло стать его помощником. Первым делом мой наставник заявил, что пишу я весьма скучные вещи весьма скучным слогом. Никому не интересно читать о культуре. «Последний приют Чехова». Скука болотная. Больше половины читателей понятия не имеют, что это за дядька в пенсне. И потом: умер он давным-давно, кто его помнит, Чехова этого? Если уж брать покойников, то, по крайней мере, свежих. Денис Аюмович, наш поэт и учитель литературы, даже поперхнулся чаем. Он, как и я, видел Перфоратора первый раз, и его графоманская душа ещё верила в бессмертие.

5.

В конце концов, я пытался вести себя, как мужчина. И поэтому, купив в ларьке то, что называлось коньяком, и что-то похожее на торт, позвонил в дверь Аниты незванным гостем. Это именуется «соблюдать приличия». Я не надеялся подружиться с Андреем, но мне хотелось сгладить ту неловкость, которая разделяла нас и ставила по разные стороны баррикад.

Как ни странно, Аниту обрадовал мой порыв. Она любезно налила мне чаю и даже два раза пошутила, пока мы ждали её новоявленную любовь. Вот кем он стал для неё. Новой любовью, верой в лучшее, надеждой на семью.

Без измен. А я? Теперь я оставался где-то позади, примером, как не надо любить женщину. Ревнивцем, параноиком, не умеющим сделать жену счастливой. А вот Андрей — другой человек. Он лучше, чёрт возьми. Даром, что у него своя жена в Перми и что три ходки за плечами.

Что я мог возразить? Да и разве Мими послушала бы меня? И вспыхнувший огонёк сомнения, зажжённый антигероем, был тут же потушен изысканной бравадой героя.

— Я женат? Да я кольца даже не ношу. Во! Единственное кольцо, видел? — рука Андрея с наколкой в виде перстня оказалась у меня перед носом.

Знала, конечно же, знала, что официально он ещё не развёлся. Но с женой давно не живёт: она предала его, оставила одного с долгами. Загнали человека в угол, вот и попал за решётку. Мученик. Оступившееся дитя.

Знакомство, однако же, состоялось. Мы пожали друг другу руки, выпили по рюмке кагора, закусив пирожными. Мими просияла. С полной уверенностью, что я осознал непогрешимость Андрея Бесславного, она проводила меня до порога, слегка тронув за плечо. Тут, у порога, я и должен был узнать. Что они перебираются в Челябинск, где у него квартира. Что я могу жить здесь, вот ключи. И чтобы я ничего не говорил и не делал — бесполезно, вопрос решён. Ах, вот оно что. Ну ясно. Противно думать, что вся её ласковость — лишь попытка смягчить удар. Который

она уже представляла, когда открывала мне дверь сегодня.

Мне бы твой оптимизм, Анита. Помнишь семейное общежитие, комнату в двенадцать метров, тебя, меня, нашего годовалого сына. Комод, подаренный на свадьбу. Беготню по займам за неделю до зарплаты. Ты верила, что мы выплывем. Комод, впрочем, бесследно исчез, мы за него поели раз восемь. А ты продолжала верить. И твоя вера подкрепляла меня, хотя сам я верил не очень. Как живой источник, как адреналин в крови, твоё утешение поднимало меня всякий раз, как я готов был упасть. Но сейчас и подъёмный кран не поднимет меня с кровати. Я буду лежать тут, пока не умру с голоду.

Я представлял, как ты вернёшься за забытыми вещами и найдёшь меня, полуразложившегося, неприятного и жалкого. «Фу», — только и скажешь ты, зажав нос, и не полюбишь. И — не полюбишь.

Челябинск. Не близко, не наездишься. А увидимся ли ещё? Но, видимо, я должен отпустить тебя. И с этим ничего нельзя поделать. И лучше мне вычеркнуть тебя из своей жизни.

У соседей завывла собака. Может, тоже завести? Говорят, собаки верные.

6.

Через неделю они выехали. Мы условились, что Владика я привезу спустя месяц, в мае, когда он окончит пятый класс. А пока им предстояло обустраиваться в другом городе, а мне — привы-

кать к мысли, что у меня больше нет семьи. Что есть только сын, которого будет воспитывать чужой дяденька. Дяденька-вор. И Анита. Не здесь, а где-то.

Нет, я и раньше представлял, что могу потерять её. Но теперь моя химера обрела тело, наполнилась внутренностями, став осязаемой, видимой и реальной. И человек, которого я считал в нашей жизни оплошностью, досадным эпизодом, вдруг стал для моей жены ориентиром и маяком. Его мнение и его желания принимались в счёт. И прежде моих.

Мы с профессором Таубергом сидели в маленькой, холостяцки неприбранной кухне. Поросёнок спал в корзине. От чая клубился дымок, пахло коньяком — не пили, грелись. Откуда-то с севера налетели ветра, забыв, что у нас апрель, и теперь шастали в щелях, трубах, даже в ветхих полах. Мой синий свитер болтался на худых плечах. Тауберг чесал ложбинку на подбородке, подливал мне в чай коньяк и по-отечески расспрашивал:

— Что делать будешь? Отпустишь её?

— Она ведь сказала, что всё решено. Какой смысл держать? Не удержишь.

— А я бы боролся. Борьба нужна. За женщину — тем более. Даром только болячки достаются, — усмехнулся он.

— Как бороться, когда она его святым считает.

— Да ну. Просто он борется, а ты нет. Поэтому она его мужичиной считает, а тебя нет.

— Мой отец бы целую теорию вывел. Спокойствие, принятие, отпущение. И прочая философская ахинея. Он всю жизнь только маму любил, даже после её смерти. Молился на её фото, как на икону.

— А мучилась с ним, как водится, другая женщина?

— Мачеха, — пожал я плечами.

Отец обещал, что больше не женится. Но через год в нашем доме появилась черноволосая, чуть сутулая, но свежая и почти молодая Лидия. Она давала уроки в балетном классе. Её пуанты аккуратно висели на стуле, в ней каждый жест, каждое слово вписывались если не в совершенство, то в нормальность. По утрам мы ели из фарфоровых тарелок. Она хлопотала на кухне, гладила отцу рубашки, делала мне обеды в школу. Не ругалась, не состояла в секте, никогда не наказывала нас с сестрой. Не растрачивала семейных денег, добытых отцом на гастролях его волшебной дирижёрской палочкой. И всё-таки я её ненавидел.

Шёл первый час ночи. Тауберг задремал на кухонном диванчике, поросёнок тоже тихо сопел в углу. Я хотел уже зайти в комнату и попросить Грека закрыть за мной дверь, как вдруг завибрировал телефон в кармане. Профессор вздрогнул. Голос Перфоратора с оживлением сообщил, что неподалёку от города разбился автобус с детьми, так что завтра в шесть утра мне следует прихватить фотографа и заняться репортажем на месте.

— Гадкая у тебя работа, Гоша, — сонно произнёс мой друг

профессор, как будто не ожидая, что я буду спорить. Я и не стал. «Хотя у меня не слаще», — добавил он, проваливаясь в дрему.

Утром мы с Верой стояли рядом с трассой, высматривая машину Перфоратора. У обочины собралась толпа из милиционеров¹ и случайных дальнбойщиков. Несколько родителей погибших сторожило окружность, но близко никого не подпускали. До сих пор стояла машина скорой помощи. Потом мы заметили, как откачивают пожилую женщину, упавшую в обморок.

Перфоратора ждали недолго.

— Вы что стоите? Заняться нечем? — крикнул он, выпрыгнув из автомобиля.

— Ждём твоих распоряжений.

— Там ограждения, не пускают, — почти извинилась Вера.

Наш начальник негромко выругался, проявив изобретательность в подборе эпитетов. Ему трудно представлялось, как можно быть такими раззявами и потратить столько времени на ожидание.

— Видишь женщину в зелёном плаще? — повернулся он ко мне. — Жена водителя. Пока идут разборки. Но, срок ему, думаю, светит. Иди, возьми у неё интервью. Быстрее, а то кто-нибудь другой сцапает.

Вера у него за спиной и с ужасом, и с жалостью тихо помотала мне головой.

Женщина разговаривала по телефону и плакала, не заметив, как я двинулся к ней. Наш стервят-

¹ Так называли представителей органов правопорядка в России до 2011 года.

ник не ошибся: рядом с плачущей уже ошивалось несколько корреспондентов. Их всегда неизбежно узнаёшь по микрофонам, фотоаппаратам, диктофонам и другой незамысловатой технике, развешанной гирляндами на шеях, руках, поясе. Это обмундирование, словно клеймо, выдаёт репортёра. Это вам предупреждение, добрые люди: осторожно, бешеная собака, остерегайся.

Я дождался, пока жена водителя положит трубку, и попросил её о комментарии. Она впилась в меня непонимающим взглядом. Вдоль носа у неё легла бороздка потёкшей туши, лицо порябело — то ли от пятен косметики, то ли от ярости. Я повторил вопрос, но женщина лишь бросила мне: «Оставьте меня в покое» и отвернулась. Перфоратор показывал мне жестом, что нужно повторять попытки, но мне стало не по себе. Меня так замутило, будто я ограбил старушку или толкнул ребёнка. И я почти вприпрыжку бросился прочь и скоро оказался у обочины, рядом с Верой.

Перфоратор покрутил мне пальцем у виска. Он подошёл к женщине и, чуть приобняв за плечи, что-то прошептал. Сначала она уставилась на него с тупым ступором. Потом закрыла лицо руками. И, наконец, я краем глаза заметил, как он достаёт диктофон из кармана, уводя её, поникшую и обессиленную, куда-то в сторону от толпы.

В редакцию мы ехали раздражённые. Вера на заднем сиденье просматривала снятое, начальник за рулём переругивался с

другими водителями, стоявшими в дорожной пробке. Я молчал и старался не видеть, что происходит вокруг.

Нет в России места более отрезвляющего, чем русская очередь и русская дорога. А русская пробка — не что иное, как слиянье того и другого. Тут проявляются характеры, тут нервы проверяются на прочность, а язык — на вежливость. Сократ, говорят, отличался исключительным терпением и не колотил свою истеричную жену. Хотя иногда стоило бы. Так вот, скажу вам: не встречал он русских водителей, а особенно — водителей! Вот где школа терпения дала бы сбой. Родись Сократ в России, тома философских мыслей были бы толще.

— Со мной ты работать больше не будешь, — сказал мне Перфоратор в редакции. — Толку от вас, засракулей¹. Никчёмные. Сегодня я зайду к Дятлову. Будь готов.

7.

В будущем профессор Дядькин не вспомнит своего сына в таком радостном возбуждении, как в день отъезда в новый дом Аниты. Владик сам собирал свои вещи, укладывая школьные рубашки, диски с компьютерными играми и коллекцию минералов в наш маленький, семейный когда-то чемодан. Я положил ему также и шахматы, хотя понимал, что он не умеет в них играть и никто его уже не научит. Вот если бы я

¹ Сокращение от «заслуженных работников культуры», употребляется в качестве жаргонизма.

знал, если бы я, тогдашний, знал, что будет дальше, я уложил бы не шахматы, нет! Я уложил бы менее мудрый, но всё-таки более полезный предмет. Почему нельзя просчитать вперёд каждый ход, придумать идеальную комбинацию? Почему всегда существует вероятность промаха, просчёта, фатальной ошибки? Мы тешим себя надеждой, что можно предусмотреть и обстоятельства, и случай. Мы стоим на этом хрупком бревне, ища равновесия, и вдруг — раз! — судьба выбивает его у нас из-под ног, показывая всю абсурдность нашей уверенности в игре без промахов.

Моя костлявая голубоглазая копия рассеянно блуждал по квартире, вытягивая, как магнит, последние признаки своего проживания в моём жилище. Он словно торопился поскорее убрать вещи, напоминавшие о нём. Одного чемодана никак не хватило бы, но моя копия стремился забрать поскорее каждую мелочь, даже пластилиновые овощи в игрушечной корзине.

Ещё одна копия сидел на краешке ванны, отражаясь в зеркале. И тот был в другом настроении: не возбуждение — уныние, не предвкушение — сомнение. И сомневался он как-то неуверенно, а надо бы — уверенней.

Завтра собиралось лето, и в автобусе ощущалась духота, к тому же пахло бутербродами. Я ожидал трогательного расставания, вопросов о следующих встречах. Но сын лишь высовывался в окно, изучая, что мы проезжаем. Не чувствуя тяжести моих мыслей,

он вёл себя настолько сдержанно, насколько может одиннадцатилетний мальчик.

И Анита, и Андрей оказались дома. Но они будто и не ждали нас. Пол кишел окурками, как земля червями. На плите стояло пригоревшее варёво. Андрей, оголённый по пояс, расхаживал по кухне, подливая водку в рюмки себе и Аните. Она сидела, закинув ногу на ногу, и дразнила раззадоренную шавку. Собачонка встретила нас шамкающим лаем, норовя невзначай цапнуть за ноги — не от злости, для удовольствия.

Такая картина явилась в моём воспалённом воображении. Конечно, ничего подобного не было.

Окурки не жились в пепельнице. Андрей Бесславный курил на балконе, но вскоре вышел к нам. Его клетчатая рубашка с закатанными рукавами прятала не рыхлый, а прочный торс. Небольшая залысина на лбу и едва заметная наколка на правой стороне груди не особенно портили его внешность. Вот только зубы у него выделялись уродливостью... Ну вот, опять. Зубы у него были ровные, белые и гладкие, как эмаль. Не понимал я, как можно курить и при этом иметь такие зубы. Я вот не курю, а зубы с желтинкой. А он курил. Но зубы белые. Почему так?

Анита будто заискивала перед нами. Режущая глаза, обидная чистота. Скатерть — будто гостям. На столе грустили деликатесы — в горло никому не лезло, даже Владику, хотя мы были с до-

роги. Моя бывшая с напряжённой улыбкой забрала вещи сына и отнесла в одну из комнат. Там кто-то скрёбся. Анита приоткрыла дверь, и у наших ног проскользнуло неуклюжее тельце на коротких культяпках. Она сказала, что это Финик. Карликовая такса. Очень славная собачуля. Финик обнюхал меня и Владика, потом тяфкнул и убежал, ворча приветствия на своём собачьем языке. Андрей засмеялся:

— На колбасу похож, да ведь?

Меня никто не задерживал, и не находилось повода остаться. Пришлось встать и направиться к дверям. Хотелось отвести Мими в сторону, сказать что-то душещипательное. Чтоб она вдруг изменилась в лице, или заплакала, или разозлилась. Я казался таким неуместным в этом приюте счастья, но тем сильнее я цеплялся за невозможное, ускользающее. У меня всё переворачивалось внутри от того, что никто здесь не загрустит о моём отсутствии. Сын катал Финика колбаской по полу, и обоим это доставляло столько восторга, что прощаться, обнимать — даже его — казалось незачем.

Анита проводила меня до двери. Я смотрел на неё и не узнавал ту, прежнюю — нервную, упрямую, не сумевшую простить. Она переменялась теперь, глаза посветлели до цвета молодого горошка, и морщина между бровей исчезла сама по себе. И как мало то нужно было для этого! И отчего я не сумел?

Я вспомнил тут же, в прихожей, что вспоминать совсем было не к месту. А именно — тот день, что разделил нас на два самостоятельных существа, разрубив и осиротив нашу плоть. Я всё представлял, а могло ли быть по-другому и если да, то как? Могла ли Анита вернуться позже и не застать меня с той танцовщицей? И мог ли я, когда она всё-таки нас застала, соскочить и выгнать... эм... танцовщицу? Ну она была не совсем танцовщицей. То есть, вернее, она была из тех танцовщиц, которым платят за ночь. Нет, пожалуй, если бы я выгнал её в том виде, в котором находятся подобные леди за работой, это выглядело бы ещё бесстыдней. И мне следует молиться и благодарить, что сын в тот день остался у родителей Мими. И что полетели в меня только папки с бумагами, лежавшие у телефона, а не туфли, стоявшие у порога.

И вот в тот же день, но через год, Анита смотрит на меня с безмятежностью, без упрёка, без ярости. И мы не в той квартире, не в том городе, и кажется невероятным, почему я ей не муж и она мне не жена. Я чуть не спросил её об этом, но вовремя проглотил слова.

Анита проводила меня. И в прихожей — обняла. Она обняла меня! Мельком — но махом. Так, что перехватило дыхание, что не успел обнять в ответ.

В Челябинске собиралось лето, но в Екатеринбурге — пока нет.

Номинация

«Поэзия: талантливая молодёжь»

Екатерина Ермолина

Диплом Премии «За драматический образ современности в поэтической рукописи «Сказки вечерних улиц»».

Родилась в 1985 году в Челябинске. Окончила школу в посёлке Канашево и филологический факультет Челябинского государственного университета (2007). Занималась в Литературной мастерской Нины Ягодинцевой, позже — в студии «Взлётная полоса». Участница Всероссийского совещания молодых писателей (2005, Нижний Тагил). Отмечена дипломом конкурса имени Татьянической (2010); заняла первое место в конкурсе «Стилисты добра» (2013).

Автор двух поэтических сборников — «Привкус мяты» (2003) и «Платье из теней. Истории. Исповеди. Истины?» (2013). Стихи Е. Ермолиной имеют широкую аудиторию в Интернете; она активно сотрудничает с литературными сайтами.

Работала менеджером. В данный момент — фрилансер (редактор и копирайтер). Воспитывает дочь.

Из книги «Сказки вечерних улиц»

Ксении Ермолиной

Стихи на вырост

Нет, на самом деле всё просто: есть ты. Есть я.
За излучиной речки есть клёны и тополя.
Есть вселенная и тысячи звёзд при ней.
Есть сады. Есть камни. И даже сады камней.

Есть трамвай, есть поезд и есть прицепной вагон.
В холодильнике есть стужёнка и есть лимон.
Есть кино и книги. Ещё есть мечты и сны.
Есть коты, собаки, а в Африке есть слоны.

Есть земля. Есть вода и небо. Есть соль. Есть хлеб.
Есть попса. Есть рок, а также хип-хоп и рэп.
Ноги, крылья, хвосты есть... Копыта есть и рога.
Есть iPhone, а в iPhon'e — фоток на полгига.

Есть имбирь. И зелёное яблоко. И грейпфрут.
Есть Сибирь, есть Зеландия. Есть Бирма и есть Бейрут.
Есть зима и лето. Есть засуха и есть дождь.
Есть моря. Есть равнины, горы. Есть правда. Бывает — ложь...

Есть тепло и холод. Есть враг и, конечно, друг.
А ещё есть счастье — простое, как всё вокруг.
Пусть порою оно нелепо, как этот стих,
Но...

...Всё ты поймёшь... Однако пока — расти.

* * *

В каждом человеке есть своё одиночество,
Тоже своего рода друг —
Спасительный или опасный (в последнее верить не хочется,
Но такие друзья порой берут на жалость и на испуг).
Строительство перегородок между собой и прочими — зодчество
То ещё. Замкнут порочный круг.

Нет, мы неплохо живём тут с моим одиночеством — я шучу,
Оно не смеётся, говорит, что я рухнула если не с дуба,
В каком-нибудь поезде... Колет слева внутри... Одиночество тут
то с верхней полки
водило меня к врачу.
Он сказал, там одни осколки.

...В поликлинике летом особо печально — все в горах,
На морях; в крайнем случае — на пикнике на даче или в окрестных
чашах...
А мы с одиночеством вот сидим, играем в шахматы в телефоне
(мне снова шах).
Вообще, одиночество побеждает гораздо чаще.

Знаешь что, приезжай. Иначе оно меня просто сожрёт,
Предварительно не сварив. И не подавится (это жалко). И всё такое...
Вдруг одиночества наши встретятся — и пойдут вперёд,
Наконец, нас оставив в покое...

Рисующие солнце

Вот ты идёшь — среди таких же собратьев.
 Дождь, остановка, маршрутка, работа, дождь, остановка...
 Дни сыплются бусами с лески — и не собрать их —
 Они, как дождевики, высказывают между пальцев ловко.

Всё течёт — иногда ручейком, иногда водопадом,
 Ты продолжаешь куда-то идти, что-то ждать, с чем-то даже бороться...
 И так живёшь, живёшь, пока не споткнёшься взглядом:
 На стекле запотевшем в маршрутке — солнце.

Ну да. Пока ты устраняешь в системе сбои,
 Болеешь, лечишься, ходишь в гости строго на Рождество,
 Периодически меняешь сантехнику и обои,
 Покупаешь два каких-нибудь барахла по цене одного,

Скачиваешь себе на выходные побольше жутких
 Фильмов, реагируешь или не реагируешь на каждый пустяк,
 Кто-то рисует солнце в серой промозглой маршрутке —
 Всем. И тебе. Просто так.

Возможно, у рисующих солнце секта такая — что ж,
 Нынче всё может быть, и сектанты в такси маршрутном.
 Но ты выходишь на своей остановке под всё тот же холодный дождь —
 И почему-то тебе нелогично теплей, чем утром...

Владимиру Николаевичу Курбатову

* * *

В серые сны пробивается первое солнце — близок
 Уже полнокровный осенний рассвет.
 В полусне утро по векам рисует сизым
 Лицо, например, Мураками и морды «разгульных кисок»,
 Тени густеют... крадучись, по карнизам...
 И образуется прочный экзоскелет,
 Мысли и чувства, накопленные за много лет;
 Броня, а не просто платье, пришитая к мясу,
 На случай потопа, пожара, других нехороших дел.
 Главное, чтобы этот прикид не мялся,
 Чтоб хорошо сидел.

Не важно, кто на какой глубине сумел зарыться
 И на какие высоты подняться, прячась в себе от злой
 Воли и силы. Тени — надёжнейший способ укрыться, скрыться.
 Тени — защитный слой.

Южно-Уральская литературная премия — 2014

Впрочем, довольно уютно скрываться в нём.
И нам предлагают на выбор разные ткани,
Материи местами высокие (тот же вот Мураками,
Цой, Достоевский)... А дуракам законы не писаны — дураками,
Разутыми и раздетыми, стало быть, и помрём.

Главное, всем напомнить успеть: не парься в жару. От холода не дрожи.
Закон об одежках к адекватным не был причислен,
Так что ж?! Один ведь и правда охотно носит лохмотья истин
Прописных. Другой — шёлк цинизма и бархат лжи.

...Не важно, набросаны они чьей-то кистью или пером,
Приправлены крошкой мрамора, ноткой в пении...
Главное, чтобы с добром (хотя не всегда с добром).
Страшно, что их, говорят, при случае не вырубить топором —
Да как тут их, к чёрту, вырубешь — это ж тени, и
Закон о тенях не приняли в первом чтении
(Вполне вероятно, не примут и во втором,

И в третьем не примут). И надо ли это миру —
Здесь без подобных законов жить не до жиру.
...Бывает, сидишь, ловишь тень свою ночь напролёт —
Восход
Застаёт врасплох — так заворожило...
Поскольку мы живы, пока это всё нам в жилу,
Покуда одежда как надо сидит на нас, нам идёт —
И умираем, если перестаёт...

Последняя карта

Когда жизнь твоя больше не кажется мёдом, не кажется тортом
И даже конфетой, и слаб ты настолько, что сильнее уже любой,
Если стратегия твоя ныне катится к чёрту,
Все козыри — карта за картой — идут в отбой,
Помни, что я с тобой.

Когда на бегах вновь даётся сигнал на старт,
И ты в потоке прочих начинаешь метаться с граблей на грабли
(Так буря по морю швыряет бумажный кораблик,
А капитану не выдали перед отправкой карт
И не включили звёзд, и море черпает жизнь из него по капле);
Внезапно подкрадывается фальшь,
И грязь окружает, липнет, не даёт увидеть отмашку флагом,
Что финиш близок; спутаны ноги твои, и ты разбит не в мясо уже,
а в фарш,

Дышишь с трудом, пробираясь по ямам, кустам и оврагам
(Если не можешь дальше бежать — так шагом
Марш),
Не важно уже, куда; под дождём и снегом,
Под солнцем в пустыне — чтобы считать потом
Количество рваных ран, ссадин и гематом —
В зависимости от длительности забега;
А зрители воют, беснуются, точат когти,
Им надоело терпеть — быстрее бы бежать в буфет;
И все соперники повключали турборежимы —
Какими они там бесами одержимы? —
(Тебе так отчаянно верится в этот момент
В ложечку мёда в бездонном бочонке дёгтя,
Которая ничего не спасёт, но должна согреть,
В капельку йода — но что может этот йод
В таком-то количестве?! — точно ведь не спасёт);
Ну ладно, ты всё же бежишь — так берите выше,
И даже не важно, которым ты подошёл
К финишу в прошлый раз — молодец, что выжил,

И нынче не подведи! ...Но чёртово это шоу
Должно продолжаться... И, столько перелопатив
Земли под ногами, неба над головой,
Помни, что между всем этим и тобой —
Между тобой и пропастью лжи и боли,
Практически на грани небытия,
Допитого с вечера палёного алкоголя,
Карточного отбоя,
Всегда остаётся твоя
Последняя карта.
Последняя ложка мёда и капля йода. Последняя Катя.
Я.

Морн-луст

Номинация

«Проза: профессиональные авторы»

Александр Пантелин

Диплом Премии «За художественное исследование драматических коллизий современности в романе «Тяжёлая вода»».

Родился 30 января 1961 года в Оренбурге. Выпускник Севастопольского высшего военно-морского училища. Служил оператором атомной установки на тяжёлом подводном ракетном крейсере стратегического назначения «Акула». В 1993 году по сокращению уволен со службы в звании капитан-лейтенанта. Служба на флоте навела сюжет романа «Тяжёлая вода». По возвращении домой работал в энергетической отрасли, пробовал себя в качестве журналиста. В настоящее время — сотрудник вневедомственной охраны. Поэтические и прозаические произведения публикует в местных газетах, в сборниках. Четыре детективных романа отдельными книгами вышли в издательстве «ЭКМО» (Москва).

Тяжёлая вода

(отрывок)

Хорошо море с берега.

Пословица

И вечный бой...

А. Блок

Часть 1

Глава 1

Заполярье. Мшистые сопки. Проворные говорливые речушки. Ветрами выстуженный край. Миллионы лет назад мощно, неудержимо прополз здесь с севера на юг вековой ледниковый панцирь. Шёл, истекая слоистыми наледями; неумело громоздил — камень на камень — возвышен-

ности; взрыхлял ледяными лемехами мёрзлую землю. Корёжил, буравил, сдавливал, грыз, пока вконец снизошёл последней каплей, щедро напоив вымоины и котловины водой.

Заполярье. Длинные, колючие зимы. Короткие лета. Низкое небо. Полгода — день, полгода — ночь. Дикая фригидная природа.

Не расшевелить, не обласкать её вечно холодному северному солнцу. Грибы да ягода, рыба да нерпиный жир — нехитрый, скудный промысел поморов. Кто бы думал, что станет этот глухой метельный край пристанищем атомоходам.

В окружении сонных, белых сопок — бухта. Чёрные густые, будто кипящая смола, студёные воды лениво трутся об их каменные подножья. Белые пологие склоны — в редкой поросли северных низеньких деревьев. Здесь-то и бросила якорь дивизия подлодок. На крохотном пятаке — три пятиэтажки — штаб, казармы. От него — дорога к пирсам.

Пост радиохимического контроля. Матрос-первогодка с густым засевом оранжево-жёлтых веснушек недоумённо осматривает вошедшего человека в демисезонном пальто, натянутой на уши кожаной фуражке — сверяет лицо с фото на пропуске. Деловито подставляет журнал, в котором, в обмен на дозиметр, продрогший полнолицый мужчина немощно ставит закорючку. Ревностно фиксирующий гамма-нейтронные излучения прибор, размером с медальон, командированный прячет в карман: дальше радиоактивная зона.

Длинные стальные, перпендикулярно берегу, ребристые коробки пирсов. На один из них ступает лакированный ботиночек. На тяжёлый торопливый шаг гулко отозвалась пустотеля покачивающаяся махина.

Вдоль пирса — стальное обтекаемое акулье тело субмарины,

удерживаемое туго сплетёнными косами канатов. Огромным плавником — рубка. На её срезе — воспалённое око прожектора. Скупое высвечивает ракетную палубу, двухшереножный строй. Звонкие короткие эха команд:

— Награждается медалью... Капитан-лейтенант Львов!.. Бугаев!..

Командированный прячет от ветра лицо, одеревеневшими ногами немощно выстукивает грустную частую дробь полярной чётки.

— По отсекам разойдись!

Чёрношинельная змея, вытянувшаяся от носа корабля до рубочного люка, медленно вползает внутрь прочного корпуса, туда, где свет и тепло. Люди на ходу курят, перекидываются новостями.

— А, Валерьян Степанович! Прибыли?

— Так точно, — неизвестно почему по-уставному отвечает прибывший крупному мощному офицеру, круглые плечи которого украшают погоны с золотыми просветами и большими звёздами.

— Залевский, замполит, — протягивает офицер руку.

— Соловейко.

— Рад, очень рад, — выпуклые шоколадные глаза замполита сияют довольством. — А я уж, так сказать, думал вас на другой экипаж. Ну, пойдёмте, пойдёмте.

Замполит первым ступает на брошенный с ракетной палубы трап и бочком-бочком (перекидной мостик узок его габаритам) наверх. Соловейко — следом. У рубочной двери Валерьян Степанович переводит дух — с

новой высоты всматривается в чернеющие деревьями склоны сопок.

Нутро рубки. Здесь уже не так ветрено. Металлическая труба со стальной лестницей внутри приветливо манит светом, желанным уютom. Ступенька... одна, другая — и Соловейко в центральном посту.

Напичканное электронными коробами помещение — мозг корабля. Сюда по многочисленным сосудам и венам — электрокабелям и проводам — стекается информация о состоянии всего массивного тела — отсеков, командных пунктов, боевых постов. Информация о температурах, давлениях, кислородосодержании воздуха, о работе двух сердец — ядерных реакторов, о двух металлических конечностях — линиях валов с винтами, плавников — горизонтальных рулей и многом другом, чем живёт этот огромный морской монстр.

От назойливо и деловито гудящих электронных приборов, панелей пультов управления с жёлтыми, синими, оранжевыми зигзагами мнемосхем, от трескучих самописцев у Соловейко — лёгкий шок. В двух шагах — по-удавьи длинно вытянувшееся стальное тело с круглой зеркальной головой — перископ. В центральном пустынно. Лишь дежурный офицер в кресле. Но вот тишину нарушает тихий смешок из угла. Вот он растёт, пухнет, превращаясь в распахнутый, безудержный хохот.

— Ой, какая мадам... — слышится сквозь хохот.

— Новосёлов! — с лёгким озлоблением осаждает это беспричинное веселье замполит.

Смех обрывается. Из-за сейфа появляется молодой смуглолицый офицер с тонкой скобою чёрных усиков; в его неостывших от смеха глазах — не смолкнувшее озорство.

— Как я понял, товарищ капитан-лейтенант, — иглистым начальствующим взглядом поглядывает Марк Захарович ненавистное ему цыгановатое лицо, — вы, так сказать, игнорируете партийное собрание?

— Я, так сказать, беспартийный, — слетает с розовых губ.

— А собрание — открытое! — не замечает явного передразнивания замполит. Намётанный писательский глаз Соловейко остро подмечает, как багровый раздражительный окрас, проступивший от приплюснутых ушных раковин до выпирающего кадыка, разительнее и белее выделяет белоснежный шарф замполита. Залевский усталым движением снимает фуражку, — от скрытого негодования лоснится потом волнистый каракуль облагороженных мягкой приличествующей сединой волос. — Неужели вас не волнует ситуация в стране, так сказать?..

— Так Ельцин вроде партсобрания отменяет и органы... — легко и весело подтрунивает одетый в робу офицер.

— Ельцин нам не указ! — вскакивает с кресла Залевский. — У нас ещё пока Горбачёв президент! — от жуткого неистового волнения Марк Захарович долго

путается в рукавах шинели. — Значит, не пойдёте?

— В отсеке работёнка имеется, — с вызовом бросает ни перед кем не гнушийся каплей.

«Да за такие слова я мог бы ещё полгода назад отстранить этого выскочку от боевой службы, — отправить на берег, — в сердцах возмущается Марк Захарович. — А теперь... перестройка — захлела, гласность — совсем совесть потеряла. Дошли! Уже и партсобрания игнорируют...»

— Тогда вот что, — грустно оглядывает пустой центральный пост Залевский, — убавляя пыл, не приказывает — просит: — Покажите нашему гостю лодку, каюту. Ему как писателю... А меня в кают-компании ждут... — Марк Захарович выходит.

— А вы писатель?! — восторгом взблескивают голубые Санькины глаза. Как ценный экспонат осматривает он невысокую, с оттопыривающим пальто животиком, фигуру. — Что ж, прошу.

Новосёлов и Соловейко спускаются в отсек. Здесь больше пространства, но тот же спёртый, вялый, утомлённый, наэлектризованный воздух.

— Ваша каюта, Валерьян Степанович, — распаивает Санька полированную дверь. — Роба — на кровати. Кстати, дозиметром Вас обеспечили?

— Так точно, — вновь без отчёта себе, по-военному рапортует московский гость.

* * *

Экскурсия. Что ни отсек — своё название. Торпедный. Жи-

лой. В ракетном Соловейко долго и старательно осматривает стальную обечайку, за которой — изделие морского базирования, а попросту — ракета с ядерной боеголовкой.

— А вы, Александр, с замполитом, я смотрю, не очень?

— Пропади они все, — отмывается Новосёлов. — Сколько я этих пассажиров на своём веку перевидал... О...

— Пассажиров? — недоумённо помаргивают короткие белёсые ресницы на одутловатом гладком, как у младенца, лице.

Жёсткий взгляд капитан-лейтенанта источает пренебрежение.

— Пассажиры и есть. И замполит, и особист. Вахт не несут, так шарахаются от безделья. Да вы сами скоро сориентируетесь — кто есть кто.

Неумело, глухо хлопнул стальной блин переборочной двери, — экскурсант сконфузился.

— Извините, не удержал, тяжёлая.

— При командире не советую так резко отпускать. Для него вы хоть писатель, хоть трижды герой, — так отымеет. Знаете, какая у него кличка? — И — в любопытствующие глаза, открытый рот: — Милитарист.

— Странное прозвище. А основание?

— Э, какие там основания, — Санька вглядывается в круглое оконце аппаратной выгородки, за которой — сияющее в скупом свете стальное темя реактора, стержни аварийной защиты. — Дай ему волю, он все бы ракеты, которые на борту, по назначению

использовал. Мы тут на днях на учениях были, в торпедную атаку выходили на авианосец. Преодолели противолодочный рубеж, ну, и пальнули. Условно, конечно. Кэп после стрельбы поблагодарил всех по громкоговорящей связи, а в конце с обидой такой: «Авианосец “Интерпрайс” поражён. Но, к сожалению, условно».

Наслышанный, как все дилетанты, о коварстве реакторных отсеков, нейтронных и изотопных потоках, незаметно бьющих по мужской потенции, Соловейко бегло осматривает помещение — торопит экскурсовода.

— От телевизора излучения больше, — успокаивает его Санька.

— Хорошо, хорошо, но, может быть, пройдем дальше?

Водно-химическая лаборатория — колбы, склянки, резиновые трубки. Свежесть и чистота. Стерильность и белизна. Склонённая над столом черноволосая голова с искривлённым гнутым носом, тонкой каймой свежих молодых шепчущих что-то губ.

— Как инструкция, Гейдар? — обращается к матросу Новоселов.

Сухопарый юноша с восточным смуглым лицом нехотя встает — от сдерживаемого возмущения часто дёргается ямочка на его синем щетинистом подбородке, зелёные миндалевидные глаза в густой опуши длинных ресниц взбрыкивают недовольством.

— Замполит сказал... э... нада... как это... обязательства учится. Я ему... как это... сначала инструкция. А он — нэт! Кого слушать? Тебя? Его?

— Вот дьявол! Достал с этой партработой, — с пренебрежением Санька берёт со стола лист, протягивает Соловейко. — Вот, посмотрите, может для вашей работы сгодится?

Внизу листа, после арабских и русских слов, Валерьян внимательно вчитывается в аккуратно наложенные чьей-то чужой рукой строки: «Боевой номер 5-10-85 на боевую вахту заступил. Вахту под девизом: Перестройка — продолжение дела Великого октября...»

Глава 2

Прошла неделя пребывания на корабле. Ближе всех, с кем сблизился Валерьян Степанович, — Новосёлов. После ужина, он в который уже раз идёт за «детальками» — Санька в курсе всех экипажных дел, интриг, охоч до рассказов и историй.

Пульт управления атомной энергетической установки. Через открытую дверь до писателя доносятся знакомые насмешливо-сатирические интонации Новосёлова:

— Суббота сегодня или как? Семь вечера, а я ещё в прочном корпусе!

Соловейко тихо входит. Заметив его, Санька ещё больше распыляется:

— Ресторан уже зажёг огни! Столы уже крыты! А мы прозябаем. Валерьян Степанович, — учтиво обращается он к писателю, изобразив на лице нарочито горькую мину. — Если можно, отобразите в вашем романе эти неприятные издевательские кол-

лизии, так сказать, нашей суровой военно-морской действительности. Где поэзия? Одна проза жизни.

Соловейко почёсывает лысую розовую плешь затылка; толстые губы его — в застенчивой, покорной улыбке. Он уже свыкся с Санькиными угрозами и жалобами — оттого и молчит. Его больше интересует, как всплывает и погружается лодка, какова загрузка урана в реакторах, как чувствует себя человек в замкнутом пространстве. Ответы на эти и подобного рода вопросы, лихо закрученные сюжетной спиралью, должны родить его новый роман, фантастический. С его слов — сногшибательный. Пятый по счёту.

Прежде чем стать писателем-фантастом, Валерьян поработал журналистом-международником. Поездил по миру. Выпустил документальную повесть. Но что-то не устраивало его. «Как знать, — как-то обмолвился он, — а вдруг одним из романов попаду в точку: всё, о чём написал, — сбудется». Работоспособности его можно позавидовать. Он облазил почти весь корабль, пообщался с половиной экипажа. Но, несмотря на то, что подводники научили его разводить спирт с дистиллированной водой, поделились своими тяготами и проблемами службы, патриотического пафоса в нём не убавилось.

— Вы любите свой корабль? — обращается он не только к Саньке, но и к его товарищу. Но тот, как всегда, молчалив, отрешён и безучастен ко всему происходящему.

Мельком Валерьян Степанович слышал, что он единственный из экипажа, кто не оставил перед боевой службой адрес — куда перевести трёхмесячное денежное содержание в случае гибели.

— Лодка не женщина, чтоб её любить, — поддерживает разговор Санька. Он сидит за «пианино» — так подводники окрестили пульт управления: горизонтальные и вертикальные панели, на которых — десятки тумблеров и переключателей, информационных табло.

— А почему вы служите на Севере? — не унимается писатель.

— Платят хорошо. Я, конечно, желал бы бороздить море Чёрное, где на пляжах загорелые дамы, в кафе — густое пиво с креветками. Но... лапы волосатой не имею.

— А сокращение, — вновь с огромным желанием выяснить что-то обращается Соловейко к офицерам. — Ведь ваш экипаж скоро... в общем, конец «холодной» войне... Разоружение. Куда пойдёте? Я слышал о серийном выпуске батискафов.

— Какие ещё батискафы, — презрительно осекает писателя рыжешетинистый каплей с серыми конопинами на хмурном помятом лице. Кроме презрения в брошенной фразе чувствуется и спиртовой перегар.

— Как — какие? Я слышал, — год, два, и все лодки на утиль. А средства от разоружения отправят на исследование океанов.

— Чуть.

Соловейко, недоумённо помаргивая, смотрит на Новосёлова.

— Меня сейчас, Валерьян Степанович, больше интересует, так сказать, когда на корабль прибудет высокий воинский чин, — о своём, наболевшем, жалуется Санька, — какие там ещё батискафы! — и опробует с моими коллегами компрессор, после чего я благополучно убуду в ресторацию. Водка стынет! Новые звания и награждения требуют обмытия.

Из динамиков наконец-то доносится желанная для всех команда:

— На лодку прибыл заместитель командира дивизии...

— Виктор, — за плечо Санька трясёт товарища, — тебе лучше удалиться — кэп может зайти. От тебя разит, как от севшего на мель капитана.

Тот нехотя выходит.

— Скажите, — подсаживается писатель к Новосёлову. — Почему ваш товарищ постоянно огрызается? И почему в глаза боится смотреть? И что у него за прозвище такое — Мавр?

— Зачем вам это? Ведь вы фантастику пишете, — отбрыкивается Санька.

— И что же, образы у меня живые. Ну, Александр, — заискивающе заглядывает Соловейко в искривившееся сморщившееся лицо.

Новосёлов поводит головой, протяжно стонет, глубоко вздыхает.

— Ладно. Но только между нами.

Из блокнота Валерьяна Соловейко

История Виктора Львова

Червонец

Было три часа ночи, когда пустынными заснеженными улицами спящего городка Виктор пробирался домой. В аспидно-чёрной небесной вышине, извиваясь, вытягивалось бледно-зелёной лентой северное сияние.

«Она, верно, и не знает о моём приходе, — лелеял тайную злобу Виктор. — Ну и отлично! Если это не наговоры, если всё подтвердится...» Страшные картины в разгорячённом сознании высекали ревность и самолюбие. Лишь на мгновения, когда скользил он вниз по ледяным, сизым, перевиваемым крупитчатой порошей дорожкам сопок, ослепительно ярко вспыхивали в памяти воспоминания супружеской жизни — от этого почему-то становилось одиноко и тоскиво.

Виктор вошёл в подъезд... Своим ключом отпер дверь. Включил в коридоре свет. Презрение к собственной персоне — как шпион проник! — кровью ударило в виски.

Дверь спальни неожиданно отворилась, и в жидком свете приглушенной абажуром лампы пред Виктором предстали огромные, полные страха глаза на каменно-меловом лице. По их надрывному испуганному блеску он понял всё.

Светлана как-то по-детски всхлипнула, бросила к лицу ла-

дони, — запричитала: — Господи, что же будет?.. Что же будет?..

Муж вошёл в спальню. На спинке стула — брюки. Спиной к нему в кровати — его кровати! — мужчина. Очертания подоконника, стола, лампы затуманились. Радостью отозвалась в сердце мысль: «Убью обоих!»

Незнакомец почувствовал раскалённый воздух нависшего скандала, его удушливое смятение. Открыл глаза. Повернул голову. И, увидев хозяина квартиры, зазыркал хориными остекленевшими глазками по потолку. Виктор усёк страх в ненавистных глазках. И, как резвится и беснуется с пойманной мышкой успокоившийся кот, — так Львову захотелось поиздеваться, покуражиться над непрошенным гостем. Он подошёл к кровати и, вглядываясь в смятенные притухшие глазки, спросил:

— Поди утомился?

Разразившийся плач жены разрядил скованную, гнетущую обмороченную, рассыпавшуюся осколками молчания тишину. От жениного плача Виктор почувствовал странное облегчение и чёрное бесовское удовлетворение — он даже улыбнулся. С конопущек, рассыпанных по красно-жаркому, будто угоревшему, лицу, схлынула багровость.

— Сколько я вам должен? — злой иронией прозвучал вопрос.

— Виктор! Прекрати! — сорвался голос жены (так обычно кричат по потерянным близким).

Муж с малой долей сочувствия, безразличия и затухающего отчаянья, отразившихся в его серых

жёстких неподвижных зрачках, повернул голову в сторону жены.

— Виктор, — на шёпот перешла жена; её тело, белёдые завитки на лбу задрожали от частых приглушённых рыданий, — я прошу тебя, умоляю...

Плач жены не смутил мужа, раньше срока вернувшегося из автономки, — он методично продолжал с издёвкой:

— А впрочем, почему я — вам, скорее вы мне должны, вернее ей. — Ткнул, прямо и цинично, указательным пальцем в сторону жены. — Короче, с вас червонец, дорогой товарищ. Без оплаты не отпущу... живым.

И жена, и незнакомец вздрогнули от разразившегося перекачивающегося смеха, вызванного злобой жёсткого мужского начала.

— Я пью до дна, — оборвал смех Виктор, — а муж мой в море. И пусть его любит волна, а я, — тягостно вздохнул он, — кому повезёт.

Незнакомец резко встал, кутаясь одеялом, потянулся за брюками.

— Пожалуйста, — ближе пододвинул к нему стул Виктор.

— Может быть, прекратим, — в примирительном тоне глухо буркнул тот.

— Гони червонец!

— Забыл кошелёк, извините, попытался отшутиться толстячок.

Виктор нагло сунул руку в карман чужого пиджака, извлёк портмоне, из него — десятирублёвую купюру. Изучающее рассмотрел бумагу на свет.

— Настоящая.

— Надеюсь, я могу идти? — с обидой — зачем же так сразу в карман — по-мышьиному пискнул ночной гость.

— Валяй, — усмехнулся Львов. — Хотя, если не торопитесь, можно чайку организовать. Можно? — брезгливым взглядом ощупал стоящую рядом жену.

— Не стоит.

Хлопнула дверь...

— Невысок, лысоват, — как бы невзначай бросал слова Виктор, глубоко затягиваясь сигаретой, — могла бы и посимпатичнее найти. Что ж, торжественную встречу в связи с приходом мужа из морей считаю открытой.

...На следующий день Львов пригласил в гости друзей с жёнами. Пригласил намеренно. Когда веселье уже не знало мер и границ: один танец сменял другой, тесно было в кругу танцующих, а в тостах уже изошрялись и женщины, неожиданно для всех Виктор нажал клавишу магнитофона «Стоп».

Недоумённые гости заволновались.

— А сейчас — конкурс! — Улыбнулись его усталые, будто пеплом посыпанные глаза. Он снял со стены деревянную рамку. Вместо фото — он и Светлана в обнимку — вставил десятирублевую купюру. — Кто желает узнать, касается только мужчин, жёнушку мою... в интимном плане, прошу делать ставки... Начальная цена — червонец!

На лицах гостей отразился испуг. Светлана выбежала в коридор, сорвала с вешалки пальто... Когда сбегала по ступень-

кам, скопившиеся слёзы горького унижения и ненависти хлынули обильным майским дождём.

Лёгкая уличная позёмка свежим морозным дыханием охладилла отчаянье, высушила застывшие на щеках капли.

В омуте чёрного неба ещё ярче, размашистее и вольготнее в столь поздний час бесновалась неутомимая подруга Полярной ночи — Северное сияние.

...На лодке — готовность № 1. На пульт управления атомной установки вбегают скуластый сутулый мичман. Белки его дико расширенных глаз от давящего беспокорства в красных прожилках.

— Дай центральный! — кричит он Новосёлову.

На приборе связи Санька нажимает клавишу «Центральный пост». Мичман хватается микрофон.

— Товарищ команди... — выпаливает он быстрые, нервные, без окончаний слова — то ли сбивчивого доклада, то ли экстренной помощи, — тут зам комди... приказал... предохранительные клапаны... отключить. А по инструкции...

— Семён, — слышится в ответ грозное напутствие, — ты в вахтенном журнале это обязательно отрази. Напиши, итит твою налево, так, мол, и так... в общем, задницу нашу прикрой писулькой. Понял?

— Да.

— Не понял.

— Так точно.

— Так-то лучше.

Новосёлов как всегда шутилив и беспечен: юмор в любой об-

становке — форма его существования; это своего рода реакция организма на непредвиденные перипетии службы. Он деловито-насмешливо похлопывает мичмана по плечу:

— Приказ Милитариста ясен? Исполняйте. Хотя без тормозов только дураки ездят. Компрессор, конечно, пустите. Но смотрите — в космос ненароком не запустите.

— Типун вам на язык, — отмахиваясь, покидает пульт мичман.

Внизу, с нижней палубы, через открытую дверь, доносится сначала чьё-то ругательство, затем — гул набирающего обороты двигателя. Валерьян Степанович что-то скрупулёзно записывает в блокнот. Но вот его карандаш дёрнулся — неведомый глухой толчок снизу сотрясает переборку. С полок летят вахтенная документация, книги. Гаснет свет. Через секунду тревожно вспыхивает рубиновым цветом лампа аварийного освещения, и череда коротких торопливых звонков оглушает корабль.

— Взрыв в седьмом отсеке! — до предела прогибается от страшной информации центральный ткань динамика.

Страх — первое, что овладевает всеми. Новосёлов — не исключение. На миг нерешительность сковывает его. Он суетится. Но вот в нём срабатывает чётко и прямолинейно, будто микросхема в сложном механизме, доведённое до автоматизма действие — самозащита. Пальцы его судорожно срывают футляр портативно-дыхательного устройства. «Загерметизировать

отсек», — диктует ему робот, глубоко и прочно сидящий в клетках мозга, робот, созданный, вскормленный им самим, сотнями тренировок и учений.

— Сколько в отсеке человек? — голос командира, такой громкий, неистовый, что кажется, вот-вот лопнет тонкая прозрачная ткань динамика.

Мозг Новосёлова с трудом перерабатывает информацию, страх уползает — в работу полностью включается сознание. Робот смолкает. Санька докладывает:

— В отсеке семь человек.

— А мне... мне, что мне делать?

Новосёлов оборачивается: в нерешительности мечется Соловейко — то робко встаёт, то скованно садится; в его толстых мясистых пальцах подрагивает блокнот и карандаш.

— Убери этот чертов блокнот! — срывается Санька.

Валерьян Степанович засовывает блокнот за ремень дыхательного устройства — в глазах все та же нерешительность. Новосёлову хочется обматерить, принизить этого интеллигентика. Но при виде его по-детски растерянные глаза холодная жалость просыпается к этому сорокалетнему толстяку, быть может, впервые в жизни оказавшемуся в такой обстановке.

— Ничего, Валерьян Степанович, только спокойствие, — успокаивает он писателя, — я сейчас отлучусь, а вы тут за меня поручите. Ясно?

Соловейко часто, будто провинившийся школьник, кивает головой.

Провалившись вниз по трапу, Новосёлов — на нижней палубе. Дым здесь почти рассеялся, но едковатый запах ещё чувствителен. Санька бежит на доносящиеся в углу стоны. Пробегает между электрическими щитами, берёт влево и, споткнувшись об увесистую болванку, падает посреди прохода. Он не чувствует боли. Открывает глаза. То, что он видит в метре, ошарашивает настолько, что немеет язык, затуманивается взор. Человеческая рука... Она оторвана по локоть, её волосатое запястье сжимает тугой сияющий серебряной огранки браслет часов. Секундная стрелка! Она ещё отсчитывает уже, быть может, и не существующее для кого-то время.

— Ну, чего разлётся?! — осыпаются сверху на Саньку чьи-то грозные слова. — Вставай!

Новосёлов хочет привстать, — нет сил: страх сковал тело, ужас ключьями не растаявшего дыма мутит сознание. «А не моя ли это рука?» Он щупает локти, кисти — целы. Глупо улыбается.

— Вставай! — вновь обрушивается на него приказ.

Санька медленно приподнимает гудящую голову, смотрит по сторонам. В метре от него — Львов. От дыма он чёрен и страшен, в глазах — бешенство Мавра. Он стоит в луже крови, такой обширной, что кажется, кто-то пролил ведро с алой краской. С руки его свисает кипенно-белое, накрахмаленное полотенце с чёрным трафаретом букв — ВМФ. Виктор над кем-то склоняется, зовущим, стонущим.

Слышится нервный треск рвущейся материи.

— Долго собираешься лежать?

Санька вскакивает, как матрос-первогодка на побудке. Склоняется над стонущим. Львов, не спеша, виток за витком, бережно накладывает бинт на ногу лежащего, чуть выше колена. Нога уже разбухла от витков, но бурые пятна не становятся меньше. Другая нога мичмана кровоточит не меньше.

— Помогай!

Новосёлов хватается за бинты.

— Ног, ног совсем не чувствую, — скороговоркой выпаливает раненый. — Почему? Почему ног не чувствую? — спрашивает он и слезящимися, от дыма ли, от слёз, глазами; зрачки его, будто в предчувствии неведомого открытия, бешено сияют.

— Потерпи, потерпи, Семён, почувствуешь, — туго стягивает марлевую ткань Санька.

— Но почему, почему ног не чувствую?

— Где раненый? — Склоняется над лежащим курносый очкарик — корабельный Айболит. Он хватает бледное запястье мичмана, считает пульс, ошупывает ноги. Редкие, едва приметные, бровки его увлажняются каплями пота; выпуклые стёкла очков мутнеют.

— На носилки! Быстро!

Санька осторожно берёт мичмана за плечи, доктор у пояса, Львов — за ноги. Тело укладывают на брезент носилок. Уложены голова, тело, руки... остаются — ноги. С перебитыми бедренными костями они заметно удлин-

лись — далеко вытянулись за край брезента. Мичмана пытаются продвинуть вперед... но любое движение для него — адская, непереносимая боль.

— Понесли, время дорого, — берётся за чёрные резиновые ручки носилок капитан медслужбы.

Тело поднимают. Несут. Нещему сзади Новосёлову кажется, что при очередной встряске — голени бьются о срез носилок — конечности переломятся — так ненадёжна и непрочна бедренная кожа, на которых они ещё держатся.

— Ноги, ноги не потеряйте! — будто предчувствуя это, в безумии кричит мичман, глубоко вздыхает, будто перед погружением в уже увиденную им глубину, теряет сознание.

* * *

В полночь в полную людьми каюту с сумками входит приземистый крепыш в чёрной распахнутой шинели. Он только что из

ресторана, но обо всём уже слышан: командир седьмого отсека мичман Василенко час назад, после ампутации ног, умер в госпитале, заместитель командира дивизии, присутствовавший при пуске и последующем взрыве компрессора, скончался на месте. Осторожно, виновато он опорожняет сумки.

— Не оставлять же всё это... — На установленный стаканом стол он выкладывает бутылки с коньяком, завёрнутые в белые салфетки бутерброды. Снимает шинель. Из парадной с медалями на груди тужурки безразлично вынимает чёрные конверты погон с двумя продольными, золотистыми просветами, жёлтым сургучом в центре — большой звездой.

— Да, заказал места... обмыли называется... сидел там ждал... а тут такое... — Он кривит курносое, широко поставленными глазами широкое лицо — обида гложет его. Поднимает стакан со спиртом — пьёт, как и все, не чокаясь.

Татьяна Рыжкова

Диплом Премии «За историческое повествование об освоении новых земель в повести “Новая Отчина, или Быль о том, как новгородцы поюжанами стали”».

Родилась 14 мая 1954 года в Пласте Челябинской области. С 1966 по 1978 год жила в Челябинске, где окончила естественно-географический факультет Челябинского государственного педагогического университета. Затем вместе с мужем, офицером, жила в военных гарнизонах необъятного Советского Союза. Воспитала двоих сыновей. С 1994 года проживает в Миассе, где прошла путь от простого педагога до директора школы.

Без отрыва от работы получила второе высшее образование в Уральском госуниверситете (Екатеринбург) по специальности «Олигофренопедагогика и логопедия».

*Новая Отчина,
или Быль о том, как новгородцы
поюжанами стали*

(отрывок)

Решались тяжело, долго. Почасту собирались вместе, пересказывали услышанное на торгу или пристани, что кто-то ещё снялся с родного подворья на новые земли. Прикидывали маршруты, по которому пойдут беглецы. Рядили, каким путём легче дойти до Нижнего или Костромы. Вспоминали волоки и рядки, ставленные на речных путях, на которых приходилось бывать. Но никто первым не решался подступиться к тому потаённому, что было у всех на уме и что пугало

своей почти осязаемой неотвратимостью.

Судача о чужом, в смущении почёсывали бородатые кадыки и досадливо крякали, запивая свою нерешительность ядрёным, настоянным на редьке квасом.

Так, ничего не решив, расходились восвояси. А дома опять скребли под бородой, ворочались без сна, выходили под звёзды, и в ночной тиши, подставляя ветру лицо, прислушивались и принюхивались, словно он мог дать ответ на главный вопрос: «Куда?»

Подходила весна, но на этот раз её приближение вызывало у всех лишь тревожное душевное метание. Заходили в подклети, оглядывали сошники и колодки, перекладывали с места на место обжи и отрезы и без мыслей о себе выходили прочь.

С горы, что круглилась позадь их Плетнихи, хорошо был виден большой, богатый город, разрезанный извивами Волхова на две стороны. На левом его берегу пламенел Детинец, переложенный по примеру Московского кремля из того же красного кирпича. В центре его величался своей красой Софийский собор, высоко и гордо взметнувшийся в небо свои крутые маковки. Здесь жила новгородская «господа» и находился двор архиепископа Никона. К Детинцу примыкали три конца: Гончарный, Неревский и Загородский — всё вместе это называлось Софийской стороной по храму Святой Софии.

Правобережье Волхова именовали Торговой стороной. Сердцем её было Ярославово дворище, в седые времена ставленное самим князем Ярославом, сыном Владимировым, за учёность и деяния свои званого народом Мудрым. Будучи ещё в юных летах, призван был князь Великим городом для служения ему. Тогда-то и воздвиг он хоромы, что до сей поры стоят такими же крепкими, как крепка оказалась в народе память о самом мудром князе. С горы хорошо виднелись стоящие здесь высокое строение Канцелярии посадника и приземистое — Приказной избы. Сюда, к Ярославу дворищу,

ещё в памятные времена вечевого колокол собирал народ для решения важных вопросов.

Прямо за воротами дворища вольно раскинулся новгородский торг, уходящий рядами вниз к самой пристани. Соединяясь с двумя концами — Словенским и Плотницким, он служил местом для мастерового да торгового люда. По дальним границам всех пяти концов поднимался городской вал, охватывая город мощным кольцом. А за ним, чуть поодаль, в двух верстах на юг, при истоке Волхова из Ильменя виднелось древнее Рюриково городище, названное так по имени своего первого хозяина — князя Рюрика, и светился меж лесистых холмов белокаменный Юрьев монастырь.

Но всё это великолепиие уже не веселило душу, как прежде, и мощь некогда Великого города казалась теперь призрачной. Времена были беспокойные. После разоблачения и убийства первого Лжедмитрия на московский престол воссел боярин Василий Иванович Шуйский (Василий IV), избранный на царствование всенародно Земским собранием. Но объявился ещё один, якобы чудом спасшийся в Угличе «истинный» сын царя Фёдора. И этого непонятно откуда взявшегося второго Дмитрия привели к Москве всё те же ненавистные ляхи.

Оттуда, из беспокойной и слабеющей в царственных распрях Московии, слали гонцов от Василия с приказами о сборе ополчения, а недолгое время спустя из другого лагеря прискакал боярин

Салтыков с угрозами расправы с новгородцами, если не возьмут сторону новоявленного «истинного» царя Дмитрия. Этот сидел пока в Тушино и собирал там силы, чтобы вернуть себе «свой» престол.

Испугавшись угроз, но не спеша присягать «тушинскому вору», воевода князь Скопин-Шумский вместе с боярином Татищевым и первым дьяком Ефимом Телепневым спасали свои головы убогом, оставив город на вторых дьячков приказной избы и стрельцов.

Город с посадами и окрестными деревнями замер в ожидании какой-то беды, что в скором времени неизбежно должна произойти. Замер и торг, теперь здесь продавалось самое необходимое и втридорога. А в былые времена даже сюда, в Плетниху, долетал мощный гул с торговых рядов.

Как только весть об убоге воеводы распространилась по городу, на Торговой стороне застучали молотки, заколачивая окна в домах. Первые уходили недалеко, обыкновенно со скотом и скарбом, к родичам в окрестные деревни, надеясь там переждать лихие времена. Из Плетнихи, находящейся в нескольких верстах от города, никто не тронулся. Да и куда идти от хозяйства? Выжидали.

Всё изменилось в одночасье. Как-то в засиневших вечерних сумерках со стороны города слышался цокот копыт скоро мчавшегося всадника. Им оказался Трифон Сошиловых, держатель скобяной лавки на Торговой стороне, брат Мирона Сошило-

вых. Вскоре с их подворья выбежали сыновья Мирона и быстро понеслись по селу, скликаая к ним мужиков.

Собрались быстро, понимая, что просто так не позовут. По встревоженному лицу гостя было видно — произошло что-то нештучное. Не мешкая, Трофим сообщил, что от знакомого дьяка приказной избы узнал, будто Корела, а с ней и весь уезд поднялись против царя Василия и уже присягают на верность второму Дмитрию. А причина того бунта неслыханная и донельзя позорная, ещё раз подтверждавшая слабость царя Василия. Чтобы удержать власть, зовёт он свеев в помощь и отдаёт им по договору всю Корелу с уездом в вечное пользование. И послы уже ездили к Карлу свейскому — стольник Семён Головин с дьяком Зеновьевым, и будто бы договор уже состряпан. Многих услышанное повергло в ещё большее уныние. Чего греха таить, в последнее время в мыслях почти все склонялись к тому, что ежели уж припрёт невоготу, метнуться на время на север, в недалёкую крепостицу Корелу, что на Кольском перешейке, или чуть за неё, на Терский берег, ближе к Белому морю. Места почти свои, и путь туда известен: по Волхову до Ладоги, из неё по Свири до Онеги, а там по нескончаемым озёрам недалече и до места. Понимали — путь туда теперь заказан.

Понимали и то, что принять решение надо не мешкая, тут и сейчас. В каждой семье ещё не отболели раны по отошедшим к

Господу родным в страшные три года, с которых начался этот злосчастный век. Тогда, от неурожаев и последовавших за ними голода и болезней вымирали целыми селениями. Потому и не было ни у кого из собравшихся уверенности, что удастся в нынешнее лихое время сохранить и себя, и то, что наживалось долго и тяжко. И уж вовсе невыносимой была мысль о том, что и на них, вольных людей новгородских, как на Корелу, могут накинуть свейское ярмо. В народе ещё жили предания о Марфе-посаднице, желавшей вместе с местной знатью отложиться от Москвы в пользу Литвы, за что и был наказан Великий город снятием вечевого колокола и утратой вольницы. Помнили и недавнюю расправу за ослушание Москвы грозным Иоанном Васильевичем. Баяют, неделю шла резня, руководимая самим царём московским, беспощадным к изменникам. А что если и сейчас новгородская «господа», утеснённая в правах Московскойей, пойдёт на стовор всё с тем же Карлом?

После тягостного молчания селян точно прорвало. Заговорили, зашумели, перебивая один другого, и в общем шуме всё чаще слышалось: «Заволочье». Тяжело, точно медведь в берлоге, ворохнулся и привстал, подперев крепким затылком притолоку, Семён Рыжковых — старший из трёх братьев. Семён пользовался особым уважением у селян и за то, что силушкой обладал не меньшей, чем былинные богатыри, да к тому же рассудка был

трезвого. Семён на пару со своим младшим братом Иваном, также не обделённым силой, держали кузню. В свободное от полевых работ время для всей округи делали многое, необходимое для крестьянского труда: наконецники для сошек, бороны, острые косы-горбуши и серпы, лудили прохудившуюся посудину, ковали лошадей, а при надобности и острый меч могли выковать. Говор стих, все ждали слов кузнеца. Шумно выдохнув, Семён изрёк густым, трубным голосом:

— На восход солнца надо, к чуди заволочской, в Вологодские леса. Прадеды наши те земли давно уж знавали. Старики баяли: «До сей поры, тамо, в лесах, народ живёт без бояр да воевод». Опять зашумели: «Как так — без наряда?» Не верилось особо. Но и то, что высказал Семён, не было новостью ни для кого. Слыхивали и не по раз от торговых людей, что жизнь в тех краях была и впрямь вольнее.

И вслед за тем как наконец вслух была сказана мысль об отъезде, ясно пришло понимание: если за волюки, то это навсегда. И оно, это понимание, на какое-то время придавило собравшихся своей беспощадной неизбежностью. Тяжко и горько было сознавать, что, возможно, уже никогда не видать им вольных разливов Волхова в половодье, мерного покачивания судов и барок на его серой спине, что по-над пристанью до самых осенних дождей дивили своей пёстрой разномастностью, не слушать серебряного перезвона колоколов Софии,

не пройти по рядам шумного и многоликого, знаменитого новгородского торгового рынка их...

Заговорил молчавший до сей поры Ефим Слепухиных:

— А помните Зубова, у коего лавка рыбная на торгу да ещё сын старшой в подьячих ходит, так вот, снялись молодшие — от его сыны два — и по слухам туда же, на Устюг отплыли.

И об этом знали, но, сказанное ко времени, это прозвучало особенно убедительно, ещё крепче утверждая в правоте слова кузнеца. И уже разговор иначе. По-деловому, спокойно принялись обсуждать детали как бы уже решённого дела. И отпустило — всё встало на свои места.

Задумали сниматься сразу, как пройдёт ледоход на Волхове и вскрыется ото льда Ладога, а по-сему выходило, что времени на сборы оставалось чуть больше месяца. О севе нынешней весной думать было нечего. Дай Бог с удачей пройти весь путь да место найти, где починок ставить будут. На этом и разошлись по дворам. Но долго ещё в эту ночь в Плетнихе, в глубине домов, угадывался неяркий отблеск лучин: обсуждали и привыкали к мысли о необходимости отъезда.

Спустя несколько дней до Плетнихи дошла весть о том, что и Псков с Орешком взяли руку Дмитрия, а к Новгороду идёт свейское войско и, будто бы, ведёт его сбежавший новгородский воевода, князь Скопин-Шуйский. Это известие заставило окончательно определиться тех, кто в глубине души

ещё имел малую надежду — авось обойдётся.

Собрались тремя родами: двое Слепухиных — Терентий и Ефим, три брата Рыжковых — Семён, Ермола да Иван — и немолодой уже Ермолай Сошиловых с двумя сыновьями — Мироном и Трифоном. У всех были семьи.

До отъезда надо было ещё раз провеять и просушить зерно. Его, как самую большую ценность, решено было брать с собой и по возможности сохранить до следующего сева уже там, на новых землях.

Бабы не по разу перебирали домашнюю рухлядь, понимая, что всё взять не удастся, а как бросить-то? Мужики занимались тем же в подклетьях. Правда, здесь, почти всё годилось для новой жизни. Отбрасывались только деревянные черенки с лопат, кос, деревянное переплетье борон, а всё остальное бережно укладывалось в ивовое коромысло. Разговоры об отъезде велись вполголоса, без детей — знать об этом чужим до времени было ни к чему.

Все три семейства были многочисленны. Не считая баб, мужиков набиралось немалое число. У Мирона Сошиловых три сына в юнцах — Иван, Алексей и Елизар. Все трое уже работники в поле. У Трифона, старшего Миронова брата, того, что торговал в Новгороде, сыновья более того были в возрасте. Старший Анфимий недавно оженен и пока бездетен, а младший, Юрий, на пару годков всего-то его помолодше. Возглавлял их немалое семейство дед Ермолай. В голодные годы по-

хоронил он жену свою Матрёну Акуличну, и теперь доживал свой век в семье младшего — Мирона. С ним и на новые земли собрался, поговаривая, что пригодится молодым в дороге ещё не раз.

Семейство Слепухиных было самым многочисленным, но не за счёт молодцев, а за счёт бабьего рода. Особенно страдал от этого младший из братьев — Терентий. За восемь годков, что был он оженен, принесла его благоверная шестерых деток, и только один из них, Василий, был мужик. У другого из братьев — Ефима — семья была и того больше, правда и сыны в ней водились. Двое старших — Мирон и Семён — уже женихавшиеся мужики, двое других, помолодше, Иван с Никодимом — юнцы, и довеском к ним — четыре сестрицы.

У старшего из Рыжковых — Семёна — дочь, жившая своей семьёй, а потому уже отрезанный ломоть, оставалась в Новогороде. С ним отъезжали два сына: Алексей и Василий, двое из пятерых сыновей, пережившие голод. Алексей, средний, любимец и гордость отца, вышел в его породу — русоволос, голубоглаз и, несмотря на крупное и сильное тело, быстр и проворен в любом деле. Потому и закрывал отец глаза на его молодецкие утехы, когда сходились на кулачках на мосту через Волхов левая сторона с правой. Как ни причитала и ни срамила Марена мужа и сына, отговорить ей не удалось ни разу. Бывало, что после таких боёв тащили Алёшку домой под руки, но после, с немалым удовольствием,

слушали от других, как метал он с моста недругов по два, а то и поболее зараз. В кузне отец часто отдавал ему главный молот, сам становясь за малый, и, подсобляя сыну советами, готовил Алёшку на смену себе.

И селянские девки, почитай что все, сохли по нему, да только зазнобушка у него уже имелась. Акулинка, дочь стрельца Прохора Морозовых, зеленоглазая хохотушка, на острый язычок которой он и попался однажды. Как-то привезли они на торг зерно, и, выгружая кули с телеги, один ухватил он в руку, а другой закидывал на спину. От молодецкого рывка не сдюжила рубаха, треснула на спине. С досады Алексей быстро сдёрнул тяжёлый куль на землю и, потеряв равновесие, почти упал на него. Вот тут-то и услышал он насмешливый, в задорных переливах голосок:

— Большой молодец, да не удалец!

Поднялся, чтобы увидеть, кто это осмел так о нём, и прилип, словно приклеился глазами, к её глазам, зелёным и лучистым, с вызовом и без деланного девичьего смущения глядевшим на него...

Годок миновал с той встречи, и давно уж втайне от всех миловались они под высокими кручами у реки. Как сказать милой ладе своей об отцовом решении, если в мыслях давно уж видел их вместе? Понимал, конечно, что не так-то просто будет заполучить стрелецкую дочь, но жаркие Акулинины поцелуи отводили прочь все сомнения, не давая повода серьёзно подумать над этим. И вот

теперь, он это понимал, расставание стало неизбежным. Идти против отца не посмел, да и как объяснишь, что не хочет уезжать из-за девки, — засмеют, не примут всерьёз. Хотел было сунуться в ополчение, но вовремя опомнился — пошлют «тушинского вора» воевать в далёкую Московию, там недолго и пропасть ни за что, ни про что.

Прощанье вышло совсем не таким, как ему виделось. Она, не прерывая, слушала его путаную речь с обещаниями вернуться за ней, как только обустроятся на новом месте, и, отвернувшись в сторону, будто старалась что-то рассмотреть на другом берегу. Потом подошла к нему совсем близко, обхватила руками его голову, и в широко раскрытых глазах не увидел Алексей привычных озорных лучиков. Боль тёмно-зелёным потоком лилась из любимых глаз — уж лучше бы ревела. Подняла руку, перекрестила, ткнулась затвердевшими губами в его, а затем отшатнулась в полупоклоне и точно поставила невидимый заслон между ними... Сердце рвало на части, когда она осторожно, словно боясь упасть, пошла прочь. Обернулась ещё раз, и он услышал тихий, точно шелест ветра по посеревшему льду, без знакомых переливов голосок её:

— Лихом не помни, а я не забуду.

Жизнь испытает его ещё не единожды, впереди много боли и утрат, но эта Акулинка, первая молодецкая радость его, застрянет в сердце самым светлым воспоминанием, навсегда.

Василий, рождённый пятью годками позже, был послушен старшему брату, но достать Алексея ему было нелегко. Уже сейчас было видно, что не заиграет в нём богатырская силушка отца и брата. То ли оттого, что родился он аккурат в те страшные неурожайные годы, когда из-за недоеда молока у Марены было чуть, то ли таким Господь его сотворил, но только был Василий хлипок телом и «бледен лицом своим, аки девица». Да и нраву он был не мужского, кроткого, и больше времени проводил, помогая матери в домашних делах. Марена баловала своего младшенького и рада была, что он у неё на глазах, — так-то оно спокойнее. Как только Василий подрос, стали замечать за ним такую странность: отойдёт на гумно ли или ещё куда подальше, усядется так, чтобы не виден был, остановит взгляд, на чём — не понять, и замрёт на долгое время. Как будто и нет никого и ничего вокруг. А если окликнуть его, подойдя близко и нежданно, то не в раз обернётся, с неохотой возвращаясь из какого-то своего, ведомого только ему одному мира. А ещё был Василий конопат и рыжеват волосьями в деда своего, отца Семёнова, за что и дразнила его селянская ребятня «чижик — рыжик». Зато монастырский дячок, обучавший селянских детей грамоте, не мог нарадоваться своим учеником, потому как древнюю кириллицу тот хватал на лету, а в запоминании псалмов и молитв ему и вовсе не было равных. И что уж совсем подкупало строгого учи-

теля, так это то, что Василий не только выучивал наизусть, но и мог правильно толковать многое из выученного.

— Не по годам мудр отрок твой, Семён, — говаривал он при встрече с отцом, — хлопотать перед стольником Никона надо, чтобы к себе его определил. Учёность — его стезя.

Семёну и лестно было слышать подобное о сыне, но как-то не складывалось у него, простого селянина в голове, что возможно с «их-то печи, да в калашные ряды». Потому, за нескончаемыми заботами своими, наставления дьячка скоро забывал.

Ермола, средний из братьев Рыжковых, был знатным рыба-рем. И зимой и летом, как только позволяли полевые работы, проводил он за любимым занятием, которое знал до тонкостей. На его подворье, в заветной клетушке, хранилось всё его рыбальное добро. Со стен аккуратными полотнищами спадали снасти: чёрная с крупными ячейками — на осетра и белугу, шашковая (мелкая) — для стерляди. Перегораживая клетушку надвое, провисала под тяжестью крючков хребтина — верёвка с кованцами. Здесь же, вдоль стен и на них, стояли и висели многочисленные пучки, чурбаны, трёх- и шестисаженные багры, ивовые мережи, морды и уды.

«Отец — рыбак, и дети в воду смотрят», — так баяли в народе, так и было у Ермолы. Флорко и Сидорко — два его сорванца — только и ждали, как кликнет отец живо собираться на реку. А потом, груженные снастями, наперегон-

ки скатывались они с горки к деревянному причалу, и через малое время все трое уже привычно качались на крутой волховской волне в осиновой долбуше.

Рыбистые места у них были свои, особые. Гольца, красноперку, ерша брали по затонам, окуная с карасём, щуку и налима на полуводе. На осетра хаживали реже, в особое время, и готовились основательно. Растягивали крупноячеистую сеть по надворью, проверяли её крепость в узлах, на месте ли пованцы и кованцы, не прогнила ли, часом, где хребтина, заменяли на новые пучки. Правда такая добыча, как правило, была не для своего стола, а для рыбацкого ряда, потому как стоила хороших денег.

В отличие от своих братьев-молчунов Семёна и Ивана Ермола был нрава весёлого и лёгкого, и по этой причине мир виделся ему гораздо радостней и добрей. Любое дело старался представить он с лучшей стороны, потому и не унывал по каждому пустяку. Так, возвращаясь с незадавшейся рыбалки, приободрял сынов прибаутками, которых знал великое множество:

— Не всё с рыбкою, ино и с репкою.

Видя, что не «пронял» невезучих рыба-рей, весело добавлял:

— И маленькая рыбка лучше большого таракана!

При этом он делил бороду пополам, закручивая её наверх, выпучивал глаза, и его сорванцы покатывались со смеху — отец и впрямь в этот момент был похож на огромного таракана.

А в удачливые дни, сидя где-нибудь в укромном затончике и потаскивая из воды рыбку за рыбкой, любил Ермола приговаривать:

— Всякая рыбка хороша, коль на уду пошла!

И посматривая, как отчаянно она колотит хвостом о днище долблёнки, со знанием дела уточнял:

— Спела б рыбка песенку, коль голос бы был!

Любил он и местную ребятню подразнить загадками на любимую тему. С лукавой смешинкой выговаривал им:

— Есть крылья, а не летает, ног нет, а не догонишь, чтё сие есть?

Ребятня наперебой кричит отгадку, а дядька Ермола не унижается:

— Кину я не палку, убью не галку, ощиплю не перья, съем не мясо, а чтё сие есть?

— И сие есть рыба! — весёлым хором кричат пострелята и получают награду — вяленого щурёнка. Ох и вкуснота!

Ермола и жил по рыбьим приметам. Так, если рыба не клюёт — быть дождю. А сенокосную пору определял и вовсе чудно — ждал, когда рыба белужина хвостом завилает, — значит, росы спали, пора косить.

Он и теперь в первую голову принялся перебирать своё добро. Рыбацкая душа не могла смириться с тем, что среди его сокровищ что-то могло оказаться ненужным и без чего можно было бы обойтись там, в неведомых краях. Долго мучился Ермола, выходил из клетуши, возвращался вновь и, наконец решившись, торопливо

заполнил два огромных коробья, приготовленные для домашней утвари. Ульяну, жену, начавшую подвывать от увиденного, окоротил резко для обоих:

— Ведомо тебе, чтё ждёт там-от? То-то же, а воешь, сдуру, без оглядки. Может статься, сим тамо кормиться будем.

При этом он с сердцем ткнул пальцем в направлении коробьев, уточняя, на что надеялся в первую очередь на новом месте. Ульяна, враз уразумев, что здесь муж не уступит, горько всхлипывая от непривычно строгого мужнина выговора, пошла в дом, чтобы наново переложить уже не по разу пересмотренное и отобранное.

Иван был младшим в семье Рыжковых. Он только-только входил в молодецкую пору, когда грянуло то страшное, несколько лет кряду, неурожайное лихо. Тогда, в голод, ели болотную ягоду, сосновую кору и мох, и братья потеряли обоих родителей. Но именно тогда Господь одарил его счастьем в лице первой красавицы на всю округу — Любавы. Она была дочерью местной знахарки, часто помогая матери выхаживать ослабевших селян.

Многие парни засматривались ей вслед, когда она, хорошо понимая свою над ними силу, гордо и неприступно проплывала мимо. Иван тоже, издали, любовался Любавою, не подозревая, что и она с некоторых пор из-под опущенных долу пушистых ресниц своих незаметно посматривала на ладного да статного младшего Рыжка. По всему было видно, что

как войдёт он в года, так покрепче самого Семёна стать будет.

Когда родители переселились на погост, Иван, к тому времени один из братьев живший в родном доме, затужил не на шутку, и заходили в голову его мыслишки податься в ушкуйники. В поисках зерна и другого провианта лихими ватагами промышляли те где по чести, а где и грабежом, по Волге сплавляясь вниз, до Нижнего и дальше. Голодный живот был плохим советчиком Ивану, молодому и здоровому, ему всё время хотелось есть. Окончательно решив вступить в ушкуйную ватагу, куда был зван за свою силушку, отправился он проститься с родительскими могилами и, поднявшись на взгорок, с грустью подивился тому, как совсем за малое время разросся их погост. Вот и сейчас, у наполовину зарытой могилы, горевала небольшая группка людей, среди которых углядел он рыдающую Любаву. Не помогли знахарке её познания, и она вслед за многими, кого исцеляла в жизни, убралась в иной мир.

Иван переждал, когда над могилой поднимется холмик, а люди потянутся к селу, и подошёл к заплаканной девушке. Вот так на сельском погосте встретились два осиротевших сердца, чтобы больше не расставаться в этой жизни.

Их первенец не прожил и дня. Слабым голоском сообщив миру о своём приходе, он также тихо ушёл из него, без имени, без осо-

бого сожаления родителей, не оставив по себе никакого следа. Любава, отдавшая дитю последние силы, слегла, и только знахарские умения, полученные от матери, помогли ей вернуться к жизни. Она просила мужа заварить то трав каких, то выкопать корешок заветный и упарить его в чугушке, пила сама и заставляла Ивана делать то же — так и спаслись и пережили лихолетье. А теперь по их подворью, точно привязанные друг за дружку, носились два синеглазых белобрысых крепыша осьми годков, одинаковых ростом и лицом — не различишь. Их двойня: Пашка и Мокша. И за подол материного сарафана, не упасть чтоб, держалась двухлетняя Мотя — отцова любимица, с таким же писанным, как у матери, лицом.

Ладно зажили Иван с Любавою. Оба были не ленивого десятка и расторопны в делах, а потому и прибыток в доме завёлся не только детьми. В кузне почасту Иван полновесно мог заменить Семёна — усерден был в ковальном искусстве, переняв все тонкости мастерства от отца и старшего брата. Да и в любой другой работе — в поле ли, хаживая за сошкой, или на пожнях сенокосной порой — опережал Иван селян, легко, словно игручи разрезая лемешком матушку-землицу или поддевая на вилы по целой копне сена и метая его на стог. К зависти многих, к Любавиной радости и гордости.

Александр Чиненков

Диплом Премии «За создание эпопеи о судьбе уральского казачества в эпоху Гражданской войны в романе “Салмышская трагедия”».

Родился 2 декабря 1961 года в г. Медногорске Оренбургской области. После окончания школы милиции был направлен на службу в райцентр Сакмара, где им и были написаны романы и повести, которые издавались не только в Оренбурге, но и в Москве: трилогия «Территория зла» (1998, «Вагриус»), роман «Слово атамана Арапова» (2007, Оренбург), сборник повестей «Наказание» (2010, Оренбург), диалогия о дважды Герое Социалистического Труда Василии Чердинцеве (2011, Оренбург) и другие.

Член Союза российских писателей; победитель 8-го регионального фестиваля Оренбургской области «Стеклошар» в номинации «Персона года» (2010); лауреат литературной премии имени П. И. Рычкова (2011) и Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2013).

Салмышская трагедия

Книга 1

Чёрные дни хутора Майорский

(отрывок)

Предисловие

Вечер был тих, заходящее солнце ласково озаряло избу, подворье и собравшихся у крыльца казаков. Всё было спокойно и, казалось бы, мирно.

Казак Крускин читал написанное в станицу Сакмарскую письмо, а остальные внимательно его слушали: «Дорогие станичники, это вот письмо, што вы прочтёте, донесёт вам о бурных собы-

тиях, што настигли нас нежданно-негаданно. А описали мы о постигшем нас горе потому, што вы, Сакмарцы, люди достойные, богопослушные, и штоб вы знали, как всё произошло на хуторе нашем. Могёт быть, над головами казаков из других станиц и хуторов витает благодать Божья, но только не над нами... Уже щас гнёт большевиков маненько потух, и мы ждём, кады настанет

тот день, каковой после долгих, тягостных месяцев исправит всё, што большевики сотворили нехорошева, и кады казаки сызнава подымут свои головы эдак же гордо, как бывалочи. И мы не забудем, и вы не забывайте, што мы все люди, што лишь те настоящие казаки, в ком бьются горячие сердца! Заслуги дедов и отцов наших не могут быть оправданием пороков внуков. Краток путь от чрева матери до могилы на кладбище, а праведная стезя едина как для казака, так и для большевика-музлана и перед ликом Хоспода завсегда рядышком преклоним перед ним колени. Эдак мыслим мы, казаки майорские, но комиссары-супостаты мыслят иначе...»

Крускин прервал чтение и посмотрел на притихших казаков. Все слушали внимательно. У некоторых на глазах блестели слёзы.

— Что скажете, казаки? — спросил он. — Ежели что не эдак написано, дык не молчите, а поправляйте.

— Дальше чты, Степан, — загудели мужики. — А мы, ежели что не эдак, зараз сообча укажем! Пушай станичники доподлинно прочухают, что и как быть могёт, да и деткам своим на сеё укажут.

«А стряслося у нас вот што, сакмарцы, — продолжил Крускин, — 20 марта года тыща девятьсот восемнадцатова приказной хутора объявил нам распоряжение Сакмарской станицы о выборах членов в станичный совет. А в энто время в Губернии, как вам и нам об том ведомо, уже вовсю господствовали супостаты-большевики...»

1.

Утром 21 марта 1918 года на хуторе появился приказной. Казаки встретили его настороженно. Жители чувствовали: что-то произошло — и оказались правы. Люди собрались без приглашения у школы, чтобы выслушать приказного и поделиться друг с другом своими опасениями.

Иван Куприянов стоял рядом с женой Груней и смотрел на говорившего, но не слушал его. Казак был встревожен вестями о бурных событиях, развернувшихся в губернии. А приказной тем временем, сорвав для убедительности с головы шапку, «вразумлял» хуторян.

— Казаки! — вещал он громко. — Начальник Сакмарской дружины Бурлин повеленье даёт — всем вам, от восемнадцати годков и до пятидесяти шести, с вооружённым запасом, организоваться всем хутором под начальством Федьки Бочкарёва. Опосля посты в Майорском выставить...

— А для чего энто, милай? — выкрикнул пожилой казак Проконий Суровцев.

— Чтоб останавливать проезжающих по большой дороге! — ответил, растерявшись, приказной.

— Мы что, тати разбойные? — загудели люди. — Это надо же: проезжих останавливать. А для чё? Для какого ляду?

— Да чтоб документы их осматривать, а не разбой чинить, дураки! — нашёл более подходящий ответ оратор. — А ещё багаж, что везут, досматривать. Особливо у большевиков!

— А как большевиков от всех остальных отличать? — выкрикнули из толпы. — У них что, на лбах сеё намалёвано?

— А ты, Кондрат, шапки с них скидывай и лбы разглядывай! — пошутил кто-то. — У большевиков, говорят, рожки на лбах прорезались, что у козлят новорождённых! Они же с Сатаной побратались, супостаты проклятые!

— Ещё портки со всех проезжих стягивайте и зады разглядывайте! — поддержал шутника ещё кто-то. — Ежели у большевиков рога лезут, знать зараз и хвосты произрастают, как у тётчи моей, Глафиры Карповны!

Получив затрещину от стоявшей рядом благоверной супружницы, замолчал и второй шутник, а приказной тем временем продолжил:

— Большевиков велено представлять в станицу к начальнику дружины: одним словом, держать самостоятельный фронт на Уфимско-Казанском тракте!

После выступления приказной испил поднесённого казачками молока, вскочил на коня и был таков. А хуторяне собрались в школе.

— Что делать будем, казаки? — спросил Бочкарёв, нервно теребя шапку.

Бледное, заросшее бородой лицо Фёдора Бочкарёва с орлиным носом было мужественно и красиво. Из-под густых бровей смотрели холодные внимательные глаза. Крепкую, крупную фигуру тесно облегал мундир. На ногах начищенные до блеска сапоги. На боку сабля, в кобуре маузер. Боч-

карёву не больше тридцати лет, но выглядел он старше и мудрее.

— Это ты у нас спрашиваешь, что делать? — крикнул сидевший у двери Степан Крускин. — Тебя верховодить поставили над нами, вот и кумекай!

— Тогда эдак вот поступим, — сказал, нахмурившись, Бочкарёв. — Несите всё оружие в моё распоряжение. Раз к службе нас призывают, так быть посему! Сидите покуда по избам, а в случае тревоги — ноги в руки и махом сбегаться старому и малому кто с чем! А сейчас перекликнемся зараз все да и посты выставим, как велено было. Кто первый хочет, назовись?

Спустя час выставили посты на мосту через реку Каргалка со стороны Оренбурга и за хутором со стороны города Уфы, также организовали патрули для наблюдения по хутору. Бочкарёв, как начальник отряда, тут же назначил себе помощников, которые составили список мужчин от восемнадцати до пятидесяти шести лет. Казаков, вступивших в отряд, оказалось не так уж и мало — около ста человек!

* * *

В предрассветном тумане к мосту приближался всадник на вороном коне. Широкая тёплая бурка на плечах опускалась на круп коня. Впереди седла, у правой ноги всадника выглядывал из кожаного чехла приклад кавалерийского карабина. На левом боку на ремешке висела сабля.

Всадник ехал из Оренбурга один. Сообщение, которое он вёз

в отряд, было очень срочным. Вестовой был спокоен: ехать оставалось немного, да и хуторские казаки, как ему сказали, были людьми смирными.

— А ну тпру! — прозвучал вдруг грозный окрик.

Всадник вздрогнул от неожиданности и натянул уздечку.

— Куда коня правишь, мил человек? — поинтересовался вынырнувший, как призрак, из тумана бородатый казак, беря коня под уздцы.

— В отряд на Кумысное, — нехотя пояснил всадник, покосившись на приклад своего карабина.

— Это к большевикам значит? — спросил второй казак, появившийся с другой стороны.

— Да, я к ним скачу.

— А для чего?

— Так велено мне было.

— А нам велено было никого через мост не пущать. Так что не брыкайся, мил человек, и слезай с коня наземь.

Говоривший с ним казак тем временем выхватил из чехла карабин и повесил его себе на плечо. А второй снял с плеч всадника бурку, саблю и кобуру с маузером.

— Ничего, не замёрзнешь, — сказал он спокойно. — Сейчас в штаб тебя сведём, обспросим, что и как, выясним, что ты за птица, и отпустим, коли начальство на то своё дозволение даст.

Задержанный всадник решил не спорить с казаками. Мало ли чего взбредёт в их бородатые головы? Зарубят и в реку сбросят... А потом ищи-свищи виновных. Да и толку с того? Даже если таковых и найдут, он-то от этого

не оживёт и не воскреснет. Зябко ёжась, вестовой последовал за казаками, надеясь, что всё обойдётся и они окажутся мирными, как ему говорили перед отправкой в городе.

* * *

Минувшей ночью задержали несколько большевиков и, написав рапорта, готовили их к отправке в Сакмарскую станицу к начальнику дружины. Проведший ночь на ногах Фёдор Бочкарёв был зол. Он отхлёбывал из чашки горячий чай, обжигал губы и не замечал этого.

— А вы кого притащили? — недобро посмотрел он на казаков, которые вошли в школу с пленным.

— Как это кого? Большевика сцапали, — ответил тот, который первым остановил всадника у моста. — Мы вон с Костькой Кулигиным зараз приказанье справно исполнили.

— Как велено было, — поддакнул второй.

— А куда он ехал, Степан? — спросил Фёдор у первого казака.

— На бывшую кумысную лечебницу рассказывает, — ответил тот и кивнул пленнику. — Ну, ты что, воды в рот набрал? А ну сказывай, куда конягу правил!

Чутко уловив настроение Бочкарёва и то, что начальник сомневается в правильности действий своего отряда, пленный позволил себе расслабиться и даже улыбнуться.

— Можете не сомневаться, я ехал именно на Кумысное к своему отряду, — сказал он. — Я ко-

миссар, если это вам знать так уж важно.

— Цельный комиссар?! — округлил глаза Кулигин. — Ты слышал, Степан, какую мы рыби-ну закличили?

— А кто комиссар будет? — бестолково спросил тот. — Это вроде атамана али выше ещё?

— Это вроде попа у больше-виков, — объяснил, морщась, Фёдор, не зная, огорчаться или радоваться такому «богатому улову».

— Вот как значить, — вздохнул озадаченно Кулигин. — А я слышал, что комиссары — это вроде как смутьяны, коим место только на каторге или на погосте!

— Не извольте сомневаться, на каторге и в острогах я уже побывал, — недобро ухмыльнулся пленник. — Правда, до погоста пока дело не дошло, рано мне ещё на кладбище. А вы совершили большую оплошность, задержав меня и отобрав оружие. Жили себе спокойно, так бы и жили. Но сейчас... — Он прервал себя на полуслове и медленно перевёл тяжёлый взгляд на притихшего Бочкарёва. — Что вы собираетесь со мною делать?

— Да ничего, — пожал плечами Фёдор. — Отправим в станицу, как велено, а там пускай сами с тобой разбираются.

Комиссар занервничал. Его не устраивала перспектива оказаться в руках сакмарских казаков, враждебно настроенных против Красной армии. Если здесь, на хуторе, он ещё рассчитывал как-то извернуться и уцелеть, то в станице всё может быть гораздо хуже.

— Не делайте ещё одной непоправимой глупости и отпустите меня, — сказал он громко, придав своему голосу побольше уверенности. — Если мой отряд узнает, как вы со мной поступили, пощады не ждите!

— Эка ты загнул, комиссар! — возмутился Степан, произнося название должности пленника как ругательство. — Ежели вы эдакие страшные, то чего на бывшей кумысной торчите, а не воюете?

— Мой отряд дислоцируется там, где приказано, — сдержанно возразил комиссар. — Уже скоро мы начнём действовать, и вы в этом убедитесь! А известно ли вам, господа белоказаки, что ваши казацьи войска отступили из Оренбурга?

Все трое, Бочкарёв, Кулигин и Крускин, недоумённо переглянулись.

— Ей-богу брешет паскудник — не слишком-то уверенно высказал своё мнение Кулигин. — Разве это могёт быть?

— Ещё как «могёт», олух царя небесного, — слегка надавил комиссар. — В Оренбурге уже советская власть! Самая народная, справедливая и... беспощадная к тем, кто решится с оружием в руках выступить против неё!

— Вот тебе и здрастье, а мы ни сном ни духом? — всполошился Степан и растерянно посмотрел на молчавшего Бочкарёва.

— А я мыслю, что этот антихрист испужать нас норовит! — неожиданно разъярился обычно спокойный Константин Кулигин. Он вскочил с табурета, сгрёб пленника за грудки и встряхнул

так, что голова того едва не отделилась от туловища. — А ну говори, краснозадый, почто бошки нам морочишь, или...

С улицы кто-то заглянул в окно. Затем раздался стук, да такой, что стёкла затряслись.

— Эй, чего заперлись? А ну откройте.

Кулигин от неожиданности отпустил комиссара и с удивлением посмотрел на окно. Бочкарёв глянул на дверь и вскинул брови:

— Кто это там? А вы когда закрыться успели?

— Да это я невзначай, — глупо ухмыльнулся Степан Крускин. — Когда вошли, я зараз и заперся...

Фёдор поспешил к двери и отодвинул задвижку. Кулигин прибавил в лампе огонь, и она осветила лицо вошедшего, его блестящие глаза и включенную бороду. Узнав его, Константин с удивлением воскликнул:

— Прохор, ты?!

— Я, а кто ж ещё, — ответил тот, присаживаясь на табурет у стола.

— А ты что, уже из станицы возвратился? — удивился Бочкарёв.

— Да, возвратился и весть хреновую привёз, — ответил Прохор, разглядывая пленного комиссара.

— Небось об том, что казаки из Оренбурга отступили? — догадался Фёдор.

— Да, об том самом, — удивился Прохор. — А вам какая сорока весть эту на хвосте принесла?

— Вот эта, — указал рукой на притихшего пленника Кули-

гин. — Этот вот комиссар нам обо всём уже поведал.

Прохор широко раскрыл глаза и вопросительно взглянул на Бочкарёва:

— Фёдка, я ещё распоряжение из станицы привёз. Снимай посты и не задерживай проезжающих!

— Что, прямо так и приказали?

— Слово в слово.

— И что делать теперь?

— Отпускайте задержанных, возвращайте им коней и оружие. Пускай катятся восвояси козе в задницу.

Получив своё оружие, бурку и коня, комиссар вскочил в седло и с высоты посмотрел на казаков.

— Ну, что я могу вам сказать на прощание, вражьи морды, — выкрикнул он, с трудом сдерживая гарцующее животное. — Вы меня крепко обидели и разозлили! А обид я не прощаю никому. Об этом уже скоро вы сами узнаете!

Пришпорив коня, он ускакал прочь из хутора, оставив казаков раздумывать над брошенными, как плевков, словами.

2.

Спустя час после описанных событий все жители хутора собрались в школе для обсуждения своего положения, которое было одним из худших. На кумысно-лечебном заведении в десяти верстах от Майорского находился отряд Красной армии с двумя пулемётами, который мог напасть в любую минуту. К вечеру поступило новое распоряжение из Сакмарской станицы — занять посты через реку. Тогда Фёдор Бочкарёв решил сам съездить к

начальнику дружины, чтобы выяснить истинное положение дел и, если будет возможность, получить от него оружие и боеприпасы для отражения нападения отряда большевиков.

Вместе с Бочкарёвым в станицу поехал и Прокопий Суровцев. Он вызвался «сопроводить мальчика», дабы наставить Фёдора «на путь истинный». Как только увлекаемая парой лошадей телега выехала за околицу хутора, между Бочкарёвым и старым казаком завязалась непринуждённая беседа.

Прокопий Суровцев говорил о наступивших временах с горечью, жаловался, что исчезла благодать Божья, высказывал Фёдору немало назиданий.

— В толк не возьму, чем мы это Хоспода так прогневили? — сетовал, вздыхая, казак. — Большевики-антихристы откель повывлазили, ей-богу, не пойму. Быть того не могёт, чтоб бабы супостатов эдаких рожали!

Он помолчал, думая о чём-то, а Бочкарёв, правя лошадыми, тоже не произнёс ни слова.

— Прежде все казаки ладно жили, не жалились, — продолжал Суровцев. — Государю справно служили, да и он не оставлял нас своей заботушкой и вниманием. — Он причмокнул губами и, грустно вздохнув, пожаловался: — Дык не ценили мы времён минувших! Нет, не ценили, не вразумляли, что жизнь та, почитай, райскою была. Казаки за всегда зажиточно жили и не тужили ни о чём. В походы на ханов ордынских хаживали, хоть в саму Орду, хоть в земли Хивинские.

А сейчас что? Сидим сиднями на хуторе и тележного скрипа пугаемся! Дожили, мать твою... Какие-то забуддыги и каторжане безродные власть отнимают, а казаков с говном смешивают!

Старик крепко выругался и замолчал. Он шмыгал носом и водил высохшими ладонями по морщинистому, заросшему седой бородой и усами лицу. Фёдор покосился на него и догадался, что Прокопий снова собирается говорить.

— А кады в походы хаживали, без победы и добычи богатой не вертались. Никто супротив казаков устоять не мог. Избы наши ломились от добра разного, а скот в хлева не вмещался! — Суровцев огорчённо вздохнул и сплюнул на обочину дороги. — Теперь всё раз преобразилось. Не жисть настала, а преисподняя. Кончилась благодать нашенская. Жить невыносимо становится. Нет боля сил моих эдак жить и зрить под старость, что в губерне творится.

— Ничего, выдюжим, — процедил сквозь зубы Фёдор. — И хуже ещё бывало, однако... Батюшка сказывал в церкви, что отчаяние — от Сатаны это. В Хоспода шибче верить надо и терпеть. А когда терпение лопнет, тогда...

— Теперь терпением надолго запасайся и не жди, кады лопнет оно!

Старик сказал это жёстко. Было видно, что он твёрдо верит в то, о чём говорит. Но до сегодняшнего разговора он скрывал это от всех. И только теперь, трясясь в телеге по ухабистой дороге,

когда приближение беды настолько очевидно и неотвратимо, он раскрыл перед молодым попутчиком свои страхи и сомнения.

— Супостаты крепко берут нас за горло, сынок, — сказал он, очередной раз шмыгнув носом. — Сдаётся мне, что уж скоро они нас всех вывернут наизнанку. Помяни опосля слово моё, Федя... Всех казаков изничтожат, а нашенское, горбом и потом нажитое, голытьбе безродной отдадут.

Бочкарёв правил лошадьми в раздумье. Что он мог сказать старому казаку? Чем мог его утешить? Доводы Прокопия Суровцева прозвучали как приговор всему казачеству. Неужели его слова могут оказаться пророческими?..

Когда они прибыли в станицу Сакмарскую, начальника дружины на месте не оказалось. Фёдор остановил телегу у атамановой избы. На крыльцо вышел средних лет казак, одетый по форме и с револьвером в руке.

— А-а-а, это вы, — кивнул он угрюмо хуторянам. — Чего снова пожаловали?

— К начальнику мы, — объяснил Бочкарёв. — Обспросить кое о чём надобность приспичила.

— До ветру сходи, коли приспичило, — не очень-то дружелюбно отозвался казак. — А Прохора нынче не будет, зря приехали.

— Не будет? А где он? — останавливаясь рядом с Фёдором, спросил Суровцев.

— На Гребенскую гору уехал для отвода войска с позиций, — нехотя пояснил казак, убирая пистолет в кобуру. — Войска наши

из Оренбурга ушли, и наше дело казачье проиграно.

— Многое ты ведаешь, Кузька, — прикрикнул на него Суровцев. — А какого ляда казаки из города ушли?

— Откель мне знать, дядька Прокопий, — нахмурился казак. — Спозаранку вестовой приискал из Оренбурга и весть сию лихую привёз. Тогда казаки и ускакали на гору, чтоб, ежели что, своих выручать.

— А нам что с караулами делать? — спросил, сам не зная для чего, обескураженный плохой новостью Фёдор.

— Что хотите, то и воротите, — отмахнулся Кузьма. — Сейчас сам чёрт не разберёт, что округ творится, а он про караулы обспрашивает...

— А у вас в станице чего тихо так? — спросил Суровцев. — Али все на Гребенскую гору ускакали?

— Все по избам сидят и носа не высовывают, — сокрушённо вздохнул Кузьма. — Большевики ждут, будто свору ордынскую. Да и вы поезжайте-ка к себе на хутор да затайтесь. Кто знает, может, и проскочит мимо вас лихо великое...

В это время на церковной колокольне вдруг ударил набат. Вскоре к площади начали стекаться сакмарские казаки. Мужики разговаривали горячо, то споря и перебраниваясь, то горячо и единодушно соглашаясь друг с другом. Их перебивали казачки, которые сочли обязательным своё участие на стихийно собравшемся станичном круге.

Встретивший Бочкарёва и Суровцева Кузьма Переплётчиков пригладил на себе мундир и, сбежав с крыльца, поспешил к церкви. Взойдя на ступеньки, он повернулся грудью к народу и изо всех сил крикнул:

— Казаки! Чего дома не сидится? Всем же сказано было, что когда наши возвернутся с Гребеней, так зараз всех и оповестим!

— Тогда для чего в колокол звонили? — крикнул кто-то из толпы. — Чего зазря станицу баламутите?

— Так то не я. Кто-то без разрешения сам управился, — ответил Кузьма и покосился на давно уже молчавший колокол.

В это время сзади него скрипнула дверь, и из церкви вышел худощавый мужичок с лихо заломленной на затылок шапкой.

— Я это трезвонил, станичники! — выкрикнул он противным писклявым голоском. — Иначе не по дворам же мне бегать, чтобы созвать вас на собрание.

— Кто это, Фёдор, не признаю никак? — спросил заинтересованно Суровцев, ткнув локтем в бок Бочкарёва. — Слаб глазами стал, не разгляжу никак энтотог балабола.

— Да здешний он, сакмарский, — ответил, поморщившись, тот. — Голодранец, бездельник и лоботряс Сидор Чумаков. Его отец и дед знатными казаками были, а этот не знай в кого уродился.

— Знавал я отца и деда этого образины, — вздохнул Проконий. — И про него, выродка, наслыхан. Только вот чего он в

колокол трезвонил? Кто его на колокольню допустил?

Тем временем, стараясь привлечь к себе внимание гудящей толпы, Чумаков поднял вверх правую руку и закричал:

— Дозвольте сказать, станичники, чего ради созвал я вас сюды на собрание!

Толпа постепенно затихла. Видимо, всем стало интересно, что им скажет этот прохвост, которого и за человека никто не считал.

— Да чего ты можешь сказать, пустомеля? — выкрикнула какая-то казачка. — Да ты мозги давно уже пропил. Все мы ведаем, что ничего путного ты не обскажешь!

— Эх вы, станичники, — обиженно поджал губы Чумаков. — Почто недоверие эдакое мне высказываете?

— Так непутёвый же ты и брехун к тому ж! — выкрикнули из толпы.

— Кто? Я? — Сидор гордо выпятил свою далеко не геройскую грудь и окинул притихших казаков высокомерным взглядом. — Это вы меня эдаким считали, а теперь вот... теперь я уполномоченный штаба Красной армии! Что, съели, казачки дремучие?

Расправляя плечи, Чумаков даже покраснел от умиления, видя, как вытянулись лица слушавших его людей.

— Глядите, а пыжится как! — хохотнула одна острая на язычок казачка. — Ни рожи, ни кожи, сухостой один, а всё туда же. Поди все задницы большевикам вылизал, чтоб его, как это... упал-намоченным назначили!

— А что, энто он могёт, знамо дело! — под общий смех поддержал её кто-то из казаков. — А может, большевики все эдакие, раз Сидора нашего гнилого заприметили и к себе допустили?

— Да будя вам глотки драть, станичники! — побледнев от ярости, завизжал Чумаков. — Я пришёл, чтоб жизни вашенские никудышные спасти, а вы на посмешнице меня выставяете.

— Ишь ты, Иисус Христос выискался! — вставил своё слово Переплётчиков. — Да тебя на ветру, как былинку, шатает, слизняк навозный!

— Обожди, Кузьма, пушай Сидор сбрехнёт, с чем пожаловал! — гоготали казаки. — А то, может, он опосля икону Николы Чудотворца нам в церкви заменит.

Чумаков сразу же перешёл к делу. Он, на удивление, красноречиво увещевал земляков «не супротивляться» больше советской власти и выбрать делегацию в штаб большевиков. Сам он пообещал лично возглавить выборных и замолвить где надо словечко за сакмарцев.

— Ваше дело проиграно, казаки! — убеждал людей Сидор. — Вашего брата белоказака отовсюду гонят и лупят в хвост и гриву! Из Оренбурга, и того вышибли с треском! Вот всей станицей примем власть советскую, а там сам чёрт не сват!

— Убил бы гада, — зло прошептал стоявший слева от Фёдора Бочкарёва казак своему соседу. — Попадись он мне где в другом месте, я не пожалею его пустой башки, откручу, как бутылку, откупорю.

— Да, хитёр паскудник, — согласился так же шёпотом сосед. — Но ничего, он ещё добрешется, супостат никчemuшный.

Казаки замолчали, а Фёдор тронул за руку Прокопия:

— Ну что, айда отсель... Чую, того, для чего сюды пожаловали, мы нынче не вызнаем.

— Да погодь, обожди, — неожиданно заупрямился Суровцев. — Хочу поглядеть, как за сранцу энтому башку сворачивать будут.

— Айда, не будет этого, — схватив Прокопия за руку, потянул его из толпы Бочкарёв. — Чуть раньше, и Сидор бы не вякнул эдак вот у церкви, а сейчас... Видать, силу за собою чует, прихвостень большевистский.

— Что, думаешь, не тронут его? Побоятся казаки сакмарские? — спрашивал угрюмо Суровцев, следуя за Фёдором к телеге. — Да за такое...

— Садись вон и поехали, — прикрикнул Бочкарёв, беря в руки вожжи. — Ежели и свернут ему нынче шею, то не прилюдно, а втихаря. Где-нибудь подстерегут в сторонке и воздадут по заслугам...

* * *

Весь обратный путь от станицы до хутора Фёдор и Прокопий активно обсуждали события, свидетелями которых невольно стали. Вернулись они в Майорский только поздно вечером. Но хуторяне терпеливо дожидались их у школы. Каждый из них переживал, какие вести привезут Бочкарёв и Суровцев — добрые или худые.

— Поступим так, казаки, — встав на школьное крыльцо, обратился к людям Фёдор. — Снимаем все посты, а оставляем лишь скрытое наблюдение. То, что видели мы с Прокопием в станице, велит полагать, что положение хутора нашего хуже некуда. Боюсь, что слухи о задержании нами большевиков и их комиссара уже далеко разнеслись по округе и следует ждать нам кару за это с минуты на минуту!

До полуночи обсуждали своё незавидное положение майорские казаки и обливающимися кровью сердцами и затуманенными умами пришли к заключению, что им необходимо послать делегацию в штаб большевиков по примеру сакмарской станицы. Они осознавали, что этим поступком грешат перед памятью своих героических предков, ибо те никогда и никого не просили о пощаде, но пришлось, утешая себя тем, что врагу «сбрыхнуть» не грех. Ну а когда настанет час общего казачьего восстания и свержения ига большевизма, хуторяне с чистой совестью применят своё оружие «супротив» врага. А вот сейчас, по глупости навлекая на себя гнев комиссаров, казаки могут просто погибнуть под их пулями, не принеся «опосля» пользы обществу.

Ночью избрали делегатов: доверие было оказано Ивану Чердинцеву, Тархею и Василию Чеботарёвым. Никто не хотел ехать к большевикам добровольно: во-первых, тяжело было гордым казакам унижаться перед проходимцами, захватившими власть, хотя бы

и за общество; во-вторых, опасно ввиду поголовного истребления казаков в Оренбурге; в-третьих, впоследствии, быть может, будут карать за это как зачинщиков, хотя выполняли наказ народа.

Этой же ночью делегаты уехали из родного хутора в пугающую неизвестность...

3.

Молодой казак Матвей Горелов возвращался домой. На пробуждающемся небе уже серебрился рассвет. Вокруг лаяли хуторские собаки. Когда он подходил к избе, лёгкая тень скользнула к нему навстречу из-за росшего у ворот вяза. Матвей вздрогнул от неожиданности, но тут же радостно улыбнулся, узнав дочь Ивана Белова Евдокию.

— А ты чего ещё не спишь, милая? — обняв девушку, спросил он. — Во дурёха-то!

Матвей прижимал к груди любимую, а сам чувствовал, как счастливо бьётся в груди сердце, а душа поёт, будто церковный хор на масленицу.

— Как же я могу дрыхнуть преспокойненько, когда вокруг невесь что творится, — зашептала ему в ухо Евдокия. — То ли живы будем, а то ли прискачут большевики с Кумысного да и перерубят нас всех в куски. Матушка не пустила меня из избы, а я вот убегла, чтоб тебя увидеть да и обспросить, об чём сердечко горюется.

— Пускай только сунутся, собаки! — воскликнул юноша, вдруг почувствовав огромную ответственность за ту, которую сейчас прижимал к груди. — Да я кость-

ми лягу, но не позволю супостатам хозяйничать на хуторе!

Услышав это, девушка вскрикнула:

— Хосподь с тобой, Матюша! Да разве мыслимо это — одному супротив войска выпираться?

Юноша с нежностью погладил её по голове:

— Айда до избы сопровожу. Ужо скоро солнце засияет...

Он повёл Евдокию через хутор к её дому на окраине. Рука об руку, счастливые, они шли молча по улице, облаиваемые собаками, овеваемые прохладным ветерком. Казалось, что жизнь прекрасна, но...

— Ты гляди, ежели большевики на хутор явятся, в избе сиди и не высовывайся, — предупредил Матвей. — Я сейчас на сходке такого наслушался, не допусти Хосподи...

— Я тоже слыхала, — призналась девушка, радуясь, что темнота мешает юноше увидеть густую краску на её лице. — Я зараз под оконцем сидела и всё слыхала.

— Ежели бы я увидел там тебя, то немедля домой бы спровадил, — пожурил её Матвей. — Не бабье это дело в дела казаков носы свои совать.

— Так мне ж интересно было!

— А вот любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

— Ну зачем ты эдак, Матюша?

— Что, осерчала?

— Нет, — Евдокия покачала головой. — И домой бы ты меня не спровадил, я покудова не жена тебе ещё.

— Так будешь, — рассмеялся юноша. — Не пошла бы сама до дому, так взял бы тебя на руки да и отнёс!

— А я бы согласилась. Можешь прямо сейчас взять и отнести!

Евдокия весело рассмеялась и заколотила кулачками в крепкую грудь юноши, когда он попытался подхватить её на руки.

— Ну? Чего ты, ладушка моя? — удивился Матвей. — Всё одно сватов к тебе засылать собираюся, а ты...

— Вот когда засватаешь, тогда и лапать себя дозволю, — хохотнула девушка. — А сейчас...

— Евдоха! Где шляешься, кобыляка?! — слышался сердитый окрик отца. — Не погляжу, что невестишься, задеру подол и отхожу вожжами!

— Я побёгла, — отстранившись от Матвея, поспешила к дому девушка. — Ой, Хосподи, что будет сейчас...

«И я тоже пошёл, — улыбнувшись ей вслед, подумал юноша — Отрадно одно, что меня хоть родители хулить не будут...»

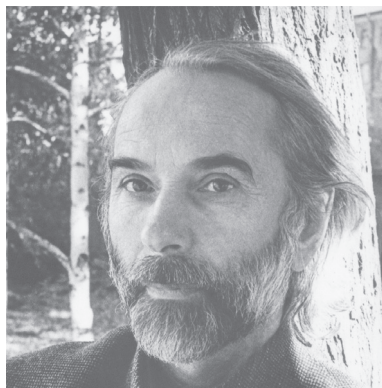
Номинация

«Поэзия: профессиональные авторы»

Николай Болдырев

Диплом Премии «За поэтическую философию в книге стихов “Мост”».

Родился в 1944 году в г. Серове Свердловской области. Окончил филологический факультет Уральского госуниверситета, заочную аспирантуру Московского педагогического института. Работал учителем, журналистом, руководителем философской студии, инженером. Редактировал журналы «Шанс», «Имидж», альманах «Остров». Был главным редактором книжных издательств «Урал», «Урал-ЛТД».

Автор 21 книги, в том числе пяти поэтических. Стихи Николая Болдырева публиковались в литературных журналах и антологиях, в частности в «Антологии русского лиризма XX века» (2000, Москва), в трёх выпусках «Антологии уральской поэзии».

Из книги «Мост»

* * *

Зачем поём? Зачем фонем весло?
Неужто пение однажды нас спасло
когда-то в отдалённой пурге,
и оттого так тянет нас спасительно к строке?

Какой-то странный в пенье фимиам,
приятный для усталых нежных дам
и всё-таки понятный лишь полям,
заброшенности склепов или лам.

Устройство есть в гудящем веществе,
где что-то остаётся в большинстве,
хотя не видно никого вокруг:
лишь цапля совершает важно круг.

Ручей журчит, и глубина поёт,
поёт подсолнух, даже корнеплод.

«Уральская линия», № 3

И даже то, что тихо словно смерть.
Ничто не может взять и онеметь.

Всё властно хоровод вздымает мантр.
И будто бы расходится туман,
который застилают суммы встреч,
где так безудержна отчаянная речь.

* * *

Поэзия гнушается обмана.
И каждая строка в стихе — как манна
тем беглецам: и странна, и желанна.
А может быть, и ветрена, изволь.
Во всяком случае, она туманна:
поэт ступил на землю очень рано —
в руинах рун струилась чья-то боль.

Поэзия игруча, безусловно.
И всё-таки она не безосновна.
На дне морском есть голубой песок.
В него уходят мощные колонны,
в которых разговор ведут эоны
и светятся источники эклог.

Поэзия отточена как бритва.
Хотя она не скальпель, а молитва
к тем небесам, которых больше нет.
Мелодия вот-вот во тьму сорвётся,
и выплеснется солнце из колодца,
в котором помутился божий свет.

* * *

Сочинённое слово не выше креста.
Потому и слова — не значительней жизни.
Краски могут пылать на поляне холста,
но основа холста — в бессловесной белизне.

Маг речей собирает вокруг хоровод
жадных жриц и гурманов изысканных слуха.
Но пустынна душа, воду медленно пьёт
и дрожит от любого шуршанья и стука.

Страх, громаден как ночь, наполняет кристалл.
Просквоженным вниманием дышит в нас око.

Ты не выше креста, ты — ещё не уста,
чтобы что-то глаголать в экстазах потока.

* * *

Россия, Лета, Лорелея...

Кто в речи был заведомо рождён,
тот обречён священником быть звуков.
И вслушиваться в шорох, ропот, звон,
как будто храм — шептатель зги и слухов,
которыми ты полон просто так,
не понимая ничего, не отвергая.
Так столяр потом заливает свой верстак.
Так мчится в небе ласточка нагая.

4 июня 2012

* * *

Ещё чуть-чуть пошевелим крылами,
ещё чуть-чуть цветы потрогаем рукой,
потом взлетим над деревьями
и ощутим неслыханный покой.

Но защежит вдруг боль тоски по краю песен,
по речке недолюбленной в утайных берегах.
И ворот новой жизни станет тяжко-тесен,
и ты уснёшь в слезах.

Когда проснёшься поутру ты этою рекою,
всё встанет на свои места.
Ты будешь в центре течь великого покоя,
чья музыка — с листа.

* * *

Жизнь — не игра ли снов сквозь звёзд дремучий дым,
когда бесстыдно, ненасытимо бежим?
Когда заведомо не ведая поём
и пьём дождей похмельный окоём?
Что плач бессовестный, когда сомнений нет,
когда в глазах той, что любил, не свет,
но пепла горсть в ладошке, что мертва.
Стрела ушла, дрожит лишь тетива,
ничуть не притворяясь в отзвук-страсть.
Всё попрощалось, и явилась власть
осуществлений зовов в никуда.
Так мы летим ещё. Но с кем, зачем, куда?
Пыльца межкрыльная кропит твой слезный лёт.

Кто ждал тебя, давно здесь не живёт.
Кто мог любить, смешался с шумом рек,
пургой над озером, где блещет синий снег,
и с посвистом травы между деревьев.

Жизнь разгадаешь, только умерев.

* * *

Баллада дерева. Окно задето светом.
Ещё одна стремительно упала ночь.
Куда? зачем? что значит слово «прочь»
и кем оно нечаянно задето?

Отваги нет, есть белый фон креста.
Сознание твоё разматывает лентой
какой-то дуралей, он белый маг моста
меж сладкой ночью той и беглой ночью этой.

* * *

Что музыка в душе, которой нет?
Что этот шум, глаголящий о знаках,
и эти образы, чей очерк одинаков?
Ведь смыслов нет, когда идёт рассвет.

Огромный айсберг прошлого встаёт
недосягаем, как фантомный город,
чей приворот как душный чёрный ворот.
Но как блаженно этот град поёт!

* * *

Чем ночи опыляются? Тоской.
Чем ночи растворяются? Рекой.
Небесною, но той, что нам чужда,
словно под током сверхвысоким провода.
И всё-таки: и мы опылены.
Ведь мы — растенья, видящие сны.
Хоть бродим и летаем — то пустяк,
лишь сладостен пыльцы в нас звёздный мрак.
Она одна даёт нам тайный шарм,
многозначительность пустот в словарный дар.
И некий отсвет чуда в пустяках.
«О, мы — нездешни! мы — в чужих руках...», —
мы как сомнамбулы лепечем в строгий час,
не веря сами, что глядит в нас Спас.

* * *

Когда ты сагой просквожён насквозь,
как рыба океаном,
каким путём бы обнаружить удалось
её тебе в круженье предбуранном,

в котором ты замешен, как мука,
что через тесто стала вкусной вещью?
Нас здесь съедают: в нас пыльца сладка.
Что мним мы тщетностью, то наполняет вечность.

Мы сквозняком продуты вечных снов:
в касаньях воздуха иль толстой старой книги;
и входим в озеро — нездешних тайн альков —
лишь в жизни раз; кто дарит эти миги?

В огне неотвратимостей: вот боль,
а может, жуть от скорости сгорания.
Пусть мы пыльца, пусть дымка, даже — моль:
в нас длится смысл неведомый страданья.

* * *

Что остаётся? Только камни и трава.
А между ними знаков стёртых краткость.
Стихи не остаются — чёрта с два.
В них много жизни — вот в чём, вот в чём шаткость
подробностей, чья так жалка тщета.
Нам остаётся *бытие* в нагрузку,
где nihil — в почве каждого холста;
вот почему нас движет кость, не мускул.
Вот почему мы входим в суть, когда
в фрагменте ощущаем целость зданья.
И может быть, хранит нас не звезда,
а лишь обломков и руин касанье.

Александр Кожейкин

Диплом Премии «За поэтический прорыв к ощущению времени в сборнике «У озера»».

Родился в 1955 году в Тверской (тогда Калининской) области. Имеет два высших образования: инженер-металлург и журналист-политолог (с правом преподавания в вузах). Член Союза российских писателей. Работал мастером, заместителем начальника цеха, корреспондентом, редактором, главным редактором, директором издательства. Дважды лауреат международной премии «Янтарный слог» (2005), лауреат Всероссийского конкурса «Национальное достояние» (2006), лауреат премии «Интерпроза»

(2007), лауреат международного литературного конкурса «Перекрытие» (2009, 2010) и ряда других. Публиковался в центральных изданиях, сборниках. Выпустил более десяти книг стихов и прозы.

Из книги «У озера»

Спой мне песню, слепой музыкант

В час, когда прогорает закат,
мысль меня обожжёт, как медуза:
сердце — это слепой музыкант,
вспоминающий старые блюзы.

Так бывает, завянут венки,
и замёрзнет источник горячий.
Вот и я... превратился в стихи,
не ослеп, но ты стала незрячей.

Ты не видишь меня, и пока
жизнь, как буря сосну, не сломала,
спой мне песню, слепой музыкант!
Всё, что вспомнишь — а это немало.

Звуки песни летят в облака,
фонари погружаются в лужи.

В час, когда прогорает закат,
тихо плачут замёрзшие души.

Ожидание

В темноте лучше быть вместе с ней,
потому что не видно из окон,
как проскочит серебряный окунь
через сеть разноцветных огней.

Я застыл часовым на посту.
Семь утра. Самолёт уже скоро.
Он всегда приносил в сонный город
этим рейсом любовь и мечту.

Голос диктора звоном монет.
Вот и встретил я борт из столицы.
Смех, улыбки, весёлые лица,
только в этой толпе тебя нет.

Листья тихо по свету летят,
время сердце не лечит, а ранит.
Не тебя здесь встречаю, а память.
Ты погибла три года назад.

Так бывает...

В портах так бывает: от бриза пьянея,
дом сходит тихонько с ума.
Желая добраться скорей до Гвинеи,
он движется к морю впотьмах.
Чердачные голуби в панике! Мыши
со страху бегут и пищат.
Качая антенной, как мачтой, на крыше,
дом выйдет затем на причал.
Пусть это опять не покажется странным —
на пристани нет ни души,
у нас так бывает: пропала охрана —
лишь ветер бумагой шуршит.
Жильцы тоже дрыхнут, не ведая горя, —
умаялся бедный народ.
Дом спустится в тёплое, лунное море
и, фыркнув, как морж, поплывёт
к вулканам, тайфунам, горам, водопадам,
в лагуны далёких морей.

Дом станет корветом, а может, фрегатом...

...решил пятилетний Андрей.

VLM

Римский фонтан

Я ворошить ушедшее не стану,
хотя, быть может, вспомню эпизод,
как в Риме пили воду из фонтана —
он был для тихой площади как зонт
от зноя и забот, от всякой скверны
и гнал любовь подальше от зимы...
Тебе теперь покажется, наверно,
что в Риме кто угодно был — не мы.
И, может быть, в Венеции — не в Риме,
не важно где поймав кураж строки,
твоё писал я на салфетке имя,
однако рвал потом свои стихи...

...Осколки снов способны душу ранить,
но могут быть теплы другие сны.
Смотри, как занавеска, словно память,
волнуется дыханием весны.

Русь деревянная

Небо кровавым рассветом расколото.
Холодно. Холодно. Холодно. Холодно.

Поле. Деревня. Дома, как напуганы.
Жмутся друг к другу и курятся трубами.

Тоже Россия, совсем не столичная.
Сплошь деревянная, а не кирпичная.

Как говорят здесь: «Далёко от города».
Восемь старух, старичок. Ох, немолоды!

С каждым рассветом всё уже отдушина,
Крестятся в сторону церкви разрушенной.

А на погосте, за старой околицей,
Сотни любимых и близких покоятся.

Вьюга снежок подняла над могилами.
С нами Господь — вместе с крестною силою!

Ночь отступает мучительно медленно.
Ветрено. Ветрено. Ветрено. Ветрено.

У озера

Если радугу нот я увидеть могу,
значит, песня рассвета не спета.
Яхты спят у причалов на том берегу,
а костёр догорает на этом.

Искры тают в воде, как волшебные сны.
Снова это покажется странным:
тишина гладит крону могучей сосны,
умываясь прохладным туманом.

Память — берег сильнейших магнитных полей,
а лагуна мечты по соседству,
оттого Тургояк с каждым годом милей,
но загадочно озеро детства.

Заискрилась сильнее на пляже слюда,
На крыло встали вольные птицы.
Есть у времени тоже живая вода,
в ней хочу я душой исцелиться.

Лилия Кулешова

Диплом Премии «За создание поэтического образа родного края в сборнике «Солнечное озеро»».

Родилась в 1948 году в Ленинградской области; в Челябинске с 1956 года. Писать стихи начала в раннем возрасте. По окончании в 1970 году ЧГПИ некоторое время работала учителем русского языка и литературы. В настоящее время возглавляет сектор культурно-просветительской работы со студентами в научной библиотеке ЮУрГУ. Организатор и руководитель студенческого литературного объединения «Студенческий Парнас». В 1980-х годах занималась в поэтическом клубе «Светунец» при Челябинском отделении Союза писателей России. Участник Всероссийского совещания молодых писателей в Москве (1994). Победитель ряда конкурсов и фестивалей; лауреат Пушкинского фестиваля искусств «С веком наравне» (2004, Москва). Автор десяти книг.

ского совещания молодых писателей в Москве (1994). Победитель ряда конкурсов и фестивалей; лауреат Пушкинского фестиваля искусств «С веком наравне» (2004, Москва). Автор десяти книг.

Из книги «Солнечное озеро»

Молодой лес

Лес отрастил себе
Длинные волосы,
Так он стеснялся
И роста, и возраста...
Будто бы юноша
В первой любви —
Не признавал перемены свои.

Нежно-неловок,
Стоит в отдалении...
Самый высокий
В своём поколении.
Ночью не спит,
Что-то зреет внутри.
Тише!

Не спрашивай,
Не торопи...

Радуга

От слепого дождика прозрела
Каждая травинка на лугу,
Счастье, потерявшее размеры,
Светит на озёрном берегу.

Радуга дугою изогнулась,
Облака, как белые бадьи,
В озеро лесное окунулись,
Капельки роняя на пути.

В каждом сердце чистые колодцы
Плещутся небесною рекой,
Эту жизнь, пронизанную
солнцем,
Достаю я радугой-дугой.

Сентиментальные лягушки

Ты слышишь, как падают яблоки,
Шумят над озёрной осокой...
И я протяну тебе радугу,
Пьянящую яблочным соком.

Пусть радует всё, что случается,
Приливы любви и отливы,
Душа из обычной молчаливицы
Вдруг стала водой говорливой.

Меж нами и облаком — озеро
Стоит чистой вертикальной
И слушает в омутах розовых
Лягушек сентиментальных.

Взрослое озеро

С улыбкой посмотрю на озеро
И поцелую в губы влажные...
Живое, солнечное, взрослое,
Оно в мои цвета окрашено.

В мои — сиреневые, сонные,
Жемчужные, отдохновенные.
Струится лилией несорванной
Моя душа, моя вселенная.

Когда плыву — оно ласкается,
А выйду —
Обнимает бережком,
Как будто всё сказать пытается,
Как мы друг друга
Любим бережно!

Парное утро

Серебряные волосы дождя
Струятся по клубничному
пригорку,
Парное молоко в моей кошёлке
И лилия — подарок от тебя.

Ты воздух над цветком поцеловал,
Смотрел в него,

«Уральская линия», № 3

Как из другой вселенной,
И он расцвёл во мне
Так вдохновенно,
Как никакой цветок не расцветал.

А стихнет дождь —
И к нам придут грибы.
Нагнёмся мы над маленькой
волнушкой,
Ты скажешь, что срывать её
не нужно,
Пусть всех волнует прихотью
судьбы.

На лесной тропе

Запутанной тропы мытарства,
Гриб, выросший за четверть дня,
И от деревьев — постоянство
Любви, сошедшей на меня.

Все мысли положить на блики,
Себя к цветам присочинить,
Найти студёный куст черники,
Мир не способный очернить.

А из воды летит смешинка
И лепит ямочки в песке,
И разыгралась камышинка,
Как мальчик с прутиком в руке...

Непряхино

Не прями в деревне Непряхино,
Не ткали белёных холстов.
Летает небесною птахою
Она среди вольных лесов.

Люблю её взгляд созерцательный,
Ленивый, задумчивый вид,
И вечный вопрос
сострадательный
— О чём моё сердце болит?

И правда — о чём беспокоиться,
Когда земляника в бору,

Трава на лугах выше пояса
И птицы поют поуутру.

Подобно евангельским лилиям
Она не прядёт свой наряд,
Глаза у Непряхино синие,
А косы по ветру летят.

Ах, что за деревня Непряхино!
Приеду сюда на житъё,
Учиться вот так же талантливо
Оправдывать имя своё.

Утешение

Сизое, розовое, сиреневое —
Озеро дарит душе исцеление.
Небо, задумчивое, камышовое —
Это моя тишина отрешённая.

Я оживаю с озёрными чайками,
Тает в душе моё время печальное,
Тает, проходит его наваждение,
Сизое, розовое, сиреневое...

Костёр у озера

По озеру порхает катерок,
Как облачко из алого заката...
А мы с тобой затеплим костерок,
Он знает, что огня в нас маловато.

Поэтому пылает за троих
С особенным усердьем

и талантом,

Он нашу жизнь
Преображает в миф,
Подсвечивая озером, как лампой.

А впрочем, у огня твои глаза,
И то, что я пока в них не сгорела,
Нас заставляет верить в чудеса,
Которым во вселенной
нет предела!

Озеро Сунукуль

Серебряный день-бессеребряник
Себя не таит про запас,
Лесной паутинки вселенную
Колышет на уровне глаз.

Сунукуль — уральское озеро
Шагнуло из горных светлиц
И замерло в чаще берёзовой
На нитке серебряной птиц.

Не озеро — лампа зажжённая
Горит на лесном этаже,
Где нет ничего отражённого,
Но истину видно душе.

На тропинке чаек

Взглянуть на мир глазами рыбы
Или кувшинки —
Вы могли бы?
Тогда бежим сюда,
Где озеро мостки качает,
Где можно на тропинке чаек
Остаться навсегда.

Шмели и осы, и стрекозы
Не задают тебе вопросы,
У них иной язык...
Крылом найдут сердцебиенье,
Сотрут неясные сомненья,
Сведут на шёпот — крик.

Уйдём от будущей ошибки,
Напьёмся из одной кувшинки!
Отныне ты — мой друг.
Смотри, как в середине лилий
Созрело совершенство линий
Для наших глаз и губ...

Номинация
«Литература для детей»

Татьяна Корецкая

Диплом Премии «За попытку создания истории Урала для подростков в книге «История Урала в рассказах для детей»».

Родилась в 1951 году в Челябинске. По окончании школы работала пионервожатой, преподавала историю и географию в школе железнодорожной станции Дубровка ЮУЖД, затем перешла в челябинскую школу и заочно окончила исторический факультет ЧГПИ. С 1998 года активно занималась общественной работой; с 2000 года — в областном обществе краеведов. Организовала три школьных краеведческих музея.

Автор учебных программ, пособий, методических сборников, статей. Лауреат Всероссийского конкурса методических материалов по краеведению (2000), областной литературно-педагогической премии имени М. М. Клайна, дипломант литературного конкурса имени П. П. Бажова.

История Урала в рассказах для детей
(отрывок)

Открытие Северного Урала

Наиболее ранние сведения об Уральских горах в русских письменных источниках относятся к XI (11) веку. Древнерусские летописи рассказывают о походах новгородцев — известных путешественников — в далёкие земли Северного Приуралья за пушницей, «мягкой рухлядью» — драгоценными чёрными соболями. В погоне за ними смельчаки-охотники проникали в неведомые лесные дебри.

Урал в те времена представлял собой нехоженный край, где редко можно было встретить челове-

ка или его жильё. Лишь изредка встречались охотничьи избушки (зимовья), брошенные углежогами шалаши и вогульские (вогулы — устаревшее название народов манси) юрты или землянки.

Век за веком новгородцы шли всё дальше и дальше на земли Северного и Среднего Приуралья. К XV (15) веку весь Северный Урал под названием «земли Югорской» принадлежал новгородцам. Когда московские князья завоевали Новгород, Северный Урал перешёл во владение к великим московским князьям. Во второй половине XV (15) века при

царе Иване III состоялся первый поход московских князей на Урал. Московитам даже удалось пересечь Уральский хребет, выйти на сибирские земли.

Но сведений о горах Среднего и Южного Урала старые летописи не хранят. Горы Северного и Среднего Урала русским были известны под названием Камень, Каменный Пояс. Поход отряда казаков под предводительством атамана Ермака в сибирские земли — за Камень — в конце XVI (16) века открыл русским новые неизведанные просторы. Теперь они становились хозяевами огромных территорий Урала и Сибири, получали возможность пройти с севера в глубь Среднего Урала. По царской жалованной грамоте эти земли стали принадлежать Якову Строганову, который «наладил» торговый путь из России в Сибирь через Уральский хребет по реке Чусовой.

В XVI (16) веке, чтобы остановить тайный вывоз уральских и сибирских мехов, были закрыты все пути через горы, кроме Великого Сибирского, где установлена была таможня, осматривался товар и бралась пошлина. Северный Урал получил название «Пустого» и «Каменного».

Земли Южного Урала

О территориях Южного Урала московским князьям стало известно со времён присоединения к России земель Башкирии в середине XVI (16) века, но о существовании гор Южного Урала они ещё долго не знали.

Первые русские начали заселять башкирские земли постепенно, проникая всё глубже на новые территории. Дойдя до гор, ни переселенцы, ни представители власти не связывали их с известными горами на севере, не соединяли их в единый хребет, протянувшийся с севера на юг, часто называли их «башкирскими горами». Сами же башкиры называли горы Уралом.

Постепенно Урал начал открывать свои богатства пришельцам: лес, земли, пушнину и вскоре — полезные ископаемые.

Из топонимического словаря

УРАЛ, горная страна на границе Европы и Азии. В современной записи упоминается с XVII (17) века на территории современной Свердловской области в зоне контактов в прошлом северных иранцев, предков восточных манси и пришедших тюрок. В языках имеется несколько вариантов названий, совершенно не похожих на слово *Урал*; например, русское название с XI (11) века — *Камень*. Консервативные пуштуны знают слово *Урал*. И сохранили вариант названия *Йура*, которое не известно у других народов. Но история арийской ветви индоевропейских языков позволяет его сблизить с названием загадочной страны *Харали*, *Арали* в шумерской записи. Находилась она за семью хребтами к северо-востоку, и Урал вписывается в эту местность. Контакты с Уралом имелись со времён неолита: изделия из яшмы нашли в Шумерии (Ираке). В яшмовый

пояс вписывается хребет *Урал-Тау* и загадочная *Аралтова гора*. Все попытки объяснить слово *Урал* через урало-алтайские языки (манси, тюркские) имеют различные языковые изъяны; и все версии считаются сомнительными. Шумерское же название в дословном переводе с языка древних иранцев означает «горная складка», где *хара* — «гора», суффикс относительного прилагательного *ла, ли* — «складка, излом, изгиб, внутри».

ЧУСОВАЯ, река. Один из вариантов перевода с удмуртского *чус* значит «бойкий», «проворный»; *ва* — «вода».

В. В. Поздеев

* * *

Чудесный пояс

Из башкирского эпоса

Давно это было. Жил в наших лесах удалой башкир Егет. Почти весь Урал он объездил на своём коне. Знал все лучшие пастбища и бортевые деревья. Много диковинных камней привозил. А когда стал жениться, то подарила ему невеста необыкновенный пояс, шитый шёлком, серебром и золотом искусными рукодельницами, подругами невесты. А вышли они Уральские горы и показали, где какие богатства в них лежат. Сверкал и переливался этот пояс всеми цветами радуги. Только недолго пришлось жениху любоваться подарком. Исчез вдруг этот пояс. Сколько ни искали, не могли найти. Долго горевал жених, да невеста успокоила, пообещав ему вышить другой

пояс. Так бы и забыли о нём, да вот только зачастили вдруг русские купцы в наши края, землю скупать начали. Камни какие-то нашли на горе Атас. Вот и подумали тогда все, кто знал о пропаже пояса Егета: не нашли ли этот пояс русские купцы.

Топонимика Урала

Слово «топонимика» произошло от греческих слов «*топос*» — место, местность и «*онома*» — имя. Топонимика — наука о географических названиях, входит в раздел языкознания и тесно связана с историей, географией, этнографией и археологией. Она объясняет, как возникли географические названия, какой заключён в них смысл и как они изменяются.

Географические названия отличаются большой устойчивостью, некоторые из них живут тысячелетиями, дошли до нас, жителей XX (20) века, из глубокой древности, появившись на нашей территории задолго до современного населения.

Топонимия Урала давно привлекла внимание учёных. Ещё в XVIII (18) веке учёные-исследователи Василий Никитич Татищев и Пётр Симон Паллас пытались проникнуть в происхождение названий нашего края, записывая их заинтересовавшие. Однако понадобилось более двух столетий, чтобы появились первые уральские топонимические словари.

Необыкновенно пестра и сложна топонимия Урала. Коми, ненцы, обские угры — манси и ханты, русские, тюркские наро-

ды — башкиры и татары, неизвестные древние племена создавали её в течение многих столетий. Ученым сложно разобраться в этом смешении народов и языков.

Большое количество топонимов до сих пор необъяснимо. В них спорен, загадочен корень, неясен языковой состав. Они не поддаются переводу и пониманию на основе языков современных народов. Разгадка этих топонимов затерялась в глубине веков и скрыта в языках древнейших племён и народов. Неясные топонимы могут принадлежать языкам соседних народов, как следствие культурных и торговых связей и контактов.

Часть топонимов дошла до наших дней в искажённом виде, ведь при переходе слов из одного языка в другой они изменяются. На местные тюркские топонимы оказал влияние русский язык. Стараясь сделать иноязычное название доступным для произношения, русские поселенцы их переделывали.

Топонимия — это один из элементов духовного творчества народа. В названия вложены мысли, знания, наблюдения. Это богатый источник знаний о крае.

Большинство названий географических мест Южного Урала образованы словами тюркского языка. Многие из них состоят из сочетания двух, иногда трёх слов (Кара-Су, Сары-Елга, Олы-Кзыл-Таш), одно из которых — географический термин (*елга* — «река», *кул* — «озеро», *тау* — «гора» и т. д.), а другое — прилагательное или числительное, указываю-

щее на качество, признак объекта (*кара* — «чёрный», *сары* — «жёлтый», *бер* — «один»), а также собственное имя.

Топонимы Урала можно объединить в несколько групп. Большое число названий рек, гор, озер, урочищ содержит их характеристику, отражает особенности: *Ача-Куль* — «горькое озеро», *Биш-Куль* — «пять озёр», *Кайны-Елга* — «кипящая река», река Сухая, гора Круглая и т. д.

В названиях широко отражены флора и фауна Урала: *Каны* — «берёзовая», *Агач-Куль* — «лесное озеро», *Тырна-Куль* — «журавлиное озеро», гора Медвежья, село Степное, село Луговое и т. д.

Некоторые названия рассказывают об особенностях данной местности: Береговой, Озёрный, Придорожный, Скалистый, Хребет, Европейская, Азиатская. Различные полезные ископаемые дали названия целому ряду гор и селений: Асбест, Бокситы, Гранитный, Золотая, Магнитогорск, Мраморная, Пирит.

В 30-е годы XIX (19) века «новолинейные» поселения казаков на Южном Урале (на юге современной территории Челябинской области) получали названия: Императорское, Павловское, Наследницкое, Княженское, Татищево. При оренбургском генерал-губернаторе В. А. Обручеве вышло «положение», которое предписывало новым казачьим поселениям присваивать названия в память о событиях из военной истории страны, военных сражениях. Так появились на карте Южного Урала Париж, Бер-

лин, Бородино, Лейпциг, Фершампенуаз и т. д.

Самая многочисленная группа уральских топонимов — имена собственные, имена первопоселенцев: Потапово, Смолино, Ларино, Васькино. К именным относятся многие названия башкирских и казахских деревень, возникших на месте кочевий и зимовий: Кунакбаево, Саргазы, Картак.

Топонимика — язык земли, зеркало истории, жизни. В ней нашли отражение названия, связанные и с различными событиями XX (20) века: Новый Мир, Рассвет, Чапаевский, Кировский, Мирный, Лазурный, Целинный и т. д. Названия гор, рек, озёр, селений рассказывают о природе края, о народах, живущих здесь, о их прошлом и настоящем.

Не все топонимы «расшифрованы», так как в них ещё много неясного, спорного, и нередко вопрос о происхождении того или иного названия остаётся открытым, но учёные старательно пытаются раскрыть тайны.

* * *

Название «Урал»

Е. М. Поспелов

Как следует из летописи, эти горы были известны новгородцам уже в XI (11) веке, однако ни тогда, ни в документах следующих четырёх веков их собственное название не указывается. И только в описании похода москвитян под руководством воеводы Курбского, который состоялся в 1499—1500 годах, упоминается название Камень. В

источнике середины XVI (16) века встречаются также названия Большой Камень, Пояс, Большой Пояс, Каменный Пояс и другие, что свидетельствовало об отсутствии единого общепринятого наименования. Однако вплоть до конца XVIII (18) века чаще всего употреблялись названия Камень и Пояс. В замечательном памятнике русской географии и картографии XVII (18) века «Книга Большому чертежу» (1677) впервые упоминается название «Оралтова гора», представлявшее собой искажение тюркского названия Уралтау, сохранившегося и до настоящего времени для одного из хребтов Южного Урала. Название в форме Урал или Уральские горы постепенно распространялось всё дальше и дальше к северу, пока не стало к концу XVIII (18) века относиться уже ко всему хребту, вытеснив из обихода название Камень.

Антропоним — любое собственное имя человека: личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка и т. д. От антропонима образуются многие географические названия, особенно часто — названия населённых пунктов.

Гидроним — собственное название любого объекта гидрографии: моря, реки, озера, колодца, водохранилища, канала и т. п.

Микротопоним — географическое название, относящееся к небольшому по размерам и значению объекту (поле, покос, урочище, родник и т. п.) и имеющее ограниченную известность среди узкого круга местных жителей.

Народный географический термин — слово, определяющее характер объекта, его род (гора, лес и т. д.) или вид (голец, белок, сопка и др.; бор, роща, гай, дубрава, елец и др.). Народные географические термины активно участвуют в образовании географических названий.

Ойконим — собственное название любого поселения: города, посёлка городского типа, рабочего или дачного посёлка, села, деревни, отдельного двора и т. п.

Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена: географические названия, имена людей (см. антропоним), клички животных, названия планет, звёзд и т. д.

Ороним — собственное название любого объекта орогра-

фии: хребта, горы, холма, долины, ущелья, оврага и т. п.

Топоним (географическое название) — название любого географического объекта: океана, материка, страны, города, реки, оврага, поляны и т. д. Разновидности топонима: гидроним, ойконим, ороним, микротопоним и т. д.

Топонимика — раздел ономастики, изучающий географические названия.

Топонимия — совокупность топонимов, выделенная по какому-либо признаку, чаще всего по территориальному (к примеру, топонимия Челябинской области), языковому (русская топонимия) или хронологическому (топонимия XIX (19) века).

Этимология — происхождение географического названия.

Елена Сыз

Диплом Премии «За создание детской игровой стихии в книге “День рождения Носорога”».

Родилась в деревне Нижняя Кунашакского района Челябинской области в 1962 году. По окончании педагогического училища работала в детском саду воспитателем и заочно училась в педагогическом институте на филологическом факультете. Ныне преподаёт гуманитарные дисциплины в монтажном колледже.

В 2004 году вышла первая книжка детских стихотворений «Замечательный день». В 2006 году вторая — «Зелёная свинка». В последующие годы — «Большой портрет», «Пирамидка» (обучающая книжечка для самых маленьких читателей), «Дары небесные» — книжечка для женщин (переиздавалась трижды), «Я сижу на облаке» и другие.

Из книги «День рождения Носорога»

День рождения

На свой день рождения
Большой Носорог
Гостей пригласил
На клубничный пирог.

Пришли Носорога
Поздравить друзья:
Слонёнок из цирка,
Певица Свинья,
Болтушка Сорока,
Застенчивый Жук
И даже какой-то
Заморский Паук!
Был очень доволен
Большой Носорог:
Понравился всем
Именинный пирог!

А сколько подарков!
Звучат поздравленья!
Какой замечательный день —
День рождения!

Свинья спела песенку
Для Носорога,
Смешной анекдот
Рассказала Сорока,
Слонёнок на шаре
Крутился умело,
И все восхищались:
— Какой же он смелый!

Заморский Паук
Танцевал краковяк,
А Жук целый вечер
Сидел просто так!

Зелёная свинка

Стоит на комодѣ
Зелёная свинка —
Тугие бока
И дырявая спинка.

Штук семь или восемь
Блестящих монет
Привычно съедает
Она на обед.

А если добавка
Найдётся к обеду,
За новой игрушкой
Я завтра поеду!

Повездо

— Вот было бы счастье!
Вот было б везенье! —
Нырнуть в трёхлитровую
Банку с вареньем! —

Мечтательно думала
Муха, жужжа,
Над целью заветной,
Как лайнер, кружа.

Булты-ы-ых! И нырнула!
Да так постаралась,
Что в банке
Почти ничего не осталось.

И, еле дыша, прошептала:
— Тону-у-у!
Я брюшком тяжёлым
Прилипла ко дну!

Спасли сладкоежку!
И в знак утешенья
Вручили... ещё одну
Банку варенья!

Литература для детей

Про Серёжу Смирнова

Нырлящика даже не видно:
Лишь пятки из ванны торчат...

— Уже затопило полдома!
Спасите! — соседи кричат.

Какая беда приключилась?
Прорвало трубу? Или шланг?

Напрасно Серёже Смирнову
Отец подарил акваланг.

Нет слуха

Учитель пения сказал,
Что у меня нет слуха,
Что, видно, наступил медведь
Когда-то мне на ухо,
Что музыкантом мне не быть,
О нотах лучше позабыть.

От этой новости три дня
В расстройстве вся моя родня:

— Какой кошмар! — вздыхает
дед, —
Ребёнок есть, а слуха нет!?

— Исключено! Его отец —
Известный оперный певец! —
Твердит упорно мама.

И бабушка упряма:
— Смеяться некому! Ха-ха!
Нет слуха! Вот уж чепуха!
Наш мальчик — Моцарт! Гений!
Не правда ли, Евгений?

И только я все дни молчу.
Я футболистом стать хочу.

Рукава

Наш портной,
Иван Иванович,
Дошивая мне
Пиджак,
На итоговой
Примерке
Удивлялся:

— Как же так?
Воротник
Сидит на месте,
Вот карманы —
Целых два!..
Но куда же,
Интересно,
Поддевались
Рукава?

— Дорогой
Иван Иванович!
Это вовсе
Не секрет.
Вы, наверное,
Забыли?
Я заказывал
Жилет!

Хорошая книжка

— Какая
Хорошая
Книжка! —
Сказала,
Обедая,
Мышка. —
Она так
Полезна.
Она так
Питательна!
На ужин
Вторую
Куплю
Обязательно!

Ириски

В зоопарке
Слон индийский
Целый день
Жевал ириски:
И на завтрак,
И в обед,
Вместо каши
И котлет.

Даже самый
Вкусный ужин
Сладкоежке
Был не нужен,
Если не было
Ирисок
Вместо булок
И сосисок.

Почему же
Тёмной ночью
Слон жевать
Совсем не хочет?

Чуть обёрткой
Зашуршишь —
Прибежит
Из норки
Мышь.

Если б

Был бы я ужасно рад,
Если б с неба вместо снега,
Если б с неба вместо снега...
Повалил бы шоколад!

Я бы рот открыл от счастья
И стоял бы два часа,
И стоял бы два часа,
Глядя прямо в небеса!..

Если б не сестрёнка Настя:
— Про уроки не забыл?

Снова что-нибудь придумал?
Почему ты рот открыл?

Не везёт

Мышка спряталась в норе,
Пёс укрылся в конуре,
Под навес ушла Овечка,
Кот забрался под крылечко,
А я в комнате сижу
И на улицу гляжу.

Всем сегодня не везёт —
На прогулку дождь идёт.

Диета

Ужасно голодная Жаба
На кочке болотной сидела.
Весь вечер, о чём-то мечтая,
На мух отрешённо глядела
И всё повторяла зачем-то:
— Диета! Диета! Диета!

Хотелось мечтательной Жабе
К утру стать артисткой балета!

Новоселье

У Ондатры — новоселье!
Ждёт гостей она с утра.
У неё теперь есть домик!
Домик — это не нора:

Светлый зал с большой кладовкой,
Крыша с белою трубой!..
Ни к чему Ондатре мокнуть
В тесной ямке под водой!

Собрались к обеду гости:
Выдра, шестеро Мышат,

Литература для детей

Два Бобра, четыре Цапли,
Тридцать восемь Лягушат!

Новоселье — вот веселье!
Кто стихи читал, кто пел!..
Самый резвый Лягушонок
Прыгал так, что полетел!

Хорошо в просторном доме!
Не придёт в нём скучать!
Проводив гостей, Ондатра...
Пригласила их опять!

Рубашка из листьев

В лесном ателье,
Под высокой сосной,
Рубашку из листьев
Шил Ёжик-портной.

Осталось к обновке
Пришить рукава,
Когда в ателье
Заглянула Сова:

— Зачем же ты, Ёжик,
Стараешься зря?
Рубашку из листьев
Примерить нельзя.
Она же по швам
Расползётся, поди.
Какая в ней польза?
Ну, сам посуди!
Признайся,
Чего добиваешься ты?

Ответил портной:
— Исполненья мечты!

Номинация

«Литературное краеведение и публицистика»

Вячеслав Лютов, Олег Вепрев

Диплом Премии «За исследование и представление истории банковского дела на Южном Урале в книге «Человек из банка»».

Вячеслав Лютов родился в 1979 году в Челябинске. Окончил филологический факультет ЧелГУ. В течение шести лет работал учителем в сельской школе. Автор книги «Русские писатели в жизни» (1999). В 2001 году совместно с О. Вепревым организовал литературную группу «Раритет». Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Мамина-Сибиряка (2007).

Олег Вепрев родился в 1961 году в Копейске. С ранних школьных лет увлёкся краеведением; участвовал в создании школьных и заводских музеев, в частности музея танковых двигателей ЧТЗ. Был лектором Всесоюзного общества «Знание». Владелец богатого личного архива по различным темам истории области и Южного Урала.

Человек из банка

(отрывок)

Михаил Крашенинников

Среди исторических параллелей, которые связывают современный день Южного Урала с его историей, особенно интересна мысль о том, что мы, нынешние, гораздо ближе стоим к своим предшественникам времён пореформенной доре-

волюционной России, чем это было бы три-четыре десятилетия назад. Реформа 1861 года с отменой крепостного права, последующие экономические преобразования и административные перемены выпустили, как пар, энергию деловой инициативы. 1870—1880-е годы в полной

мере можно назвать временем self-made man — эпохой людей, сделавших самих себя с чистого листа. Затем, окрепнув и сколотив капиталы, они начали широкое жизнестроительство — по всем фронтам. Банковское дело не было здесь исключением, и велось оно основательно, крепко, чему доказательством является полувековая история Челябинского городского общественного банка, а затем и история Челябинского отделения Госбанка.

Мы долго искали «человека из прошлого», который смог бы преодолеть парадоксальную безымянность этой истории. Пока не перешли на уровень заместителей — «товарищей директора банка». «Умный, развитый, интеллигентный человек, очень энергичный и деловой, пользующийся общим уважением и большим доверием в торгово-промышленных кругах», — так отзывались современники о Михаиле Николаевиче Крашенинникове. Успешный предприниматель, купец, потомственный почётный гражданин Челябинска, он включил банковское дело в сферу своих деловых интересов и, оставаясь на вторых ролях, «опекал» его до самой революционной смуты 1917 года...

Отцовские гены

Сложился ряд стереотипов, которые массовое сознание всякий раз вытаскивает на поверку, едва речь заходит об истории старого Челябинска, ещё не разбуженного паровозным гудком. Сонная уездная провинция, глухой сибирский

городок, невообразимо пыльный в жаркую пору и вязнувший в грязи по осенней распутице — ничего интересного...

Да, Челябинск был маленький городишко, непричёсанный, тривиальный, символически уездный. Вот только в пореформенную эпоху Александра II в нём зарождались совсем непростые начинания, словно здесь решили доказать уральскому миру мысль Ф. М. Достоевского, что «мы маленькие, но мы не ничтожества». Была в этом своя особая гордость, а главное — неперемное желание расти.

Тому примером стал Челябинский городской общественный банк, не пожелавший остаться в истории маленькой, пыльной, захолустной, убогой «сберкассой» с покосившимися окнами на сельской завалинке. Как раз у истоков этого банка и стоял отец Михаила Крашенинникова Николай Петрович.

Челябинский взлёт Крашенинниковых начинался весьма скромно — мещанское сословие, крепкие торговые середнячки. Николай Петрович Крашенинников, в отличие от сына, имел в Челябинске один небольшой деревянный дом — собственно, другими архитектурными изысками Челябинск на пороге александровских реформ вряд ли мог похвастаться.

Николай Петрович родился в 1816 году — сразу после русского триумфа в наполеоновских войнах. Хотя где родился и куда уходили его корни, установить не удалось. Образование получил

домашнее, был женат на вдове поручика Олимпиаде Егоровой, растил сына Михаила, который родился в 1848 году, и двух дочерей: Анну (1849) и Евдокию (1855).

Гильдейский капитал также был небольшим — 2400 рублей, — но и не незаметным. Войти в купечество было далеко не просто. В середине XIX века купеческую иерархию определяла «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». До 1863 года купечество делилось на три гильдии по размеру объявленного капитала, освобождалось от ряда прямых налогов (подушной подати), рекрутской повинности, опеки посадской общины. Закон предоставлял право купечеству демонстрировать и внешние признаки привилегированности. К примеру, купцам 1-й гильдии надлежало ездить в карете, 2-й — в коляске, запряжённой парой лошадей, 3-й — в экипаже, запряжённом одной лошадью.

Такой экипаж и был у Николая Петровича Крашенинникова...

В исторические страницы Челябинска его имя будет вписано осенью 1856 года — Н. П. Крашенинникова выберут челябинским городским головой. Выберут, несмотря на то, что Николай Петрович «состоял под взысканием» якобы за растрату опекунских средств и теперь ждал апелляции; выберут, несмотря на то, что у него было весьма слабое здоровье и ему приходилось часто брать отпуска по болезни.

Конечно, это изменило «вес» Крашенинникова в челябинском

деловом мире. Но уездный характер города всё равно сказывался. Николай Петрович весьма туманно оценивал перспективы роста — как свои собственные, так и сына Михаила. Успех или неудача дела во многом зависели от купцов 1-й гильдии и их желания «терпеть конкурентов». В те годы в Челябинске заправляли купцы 1-й гильдии С. И. Ахматов и его сын Максим, купцы Мотовиловы, Плотниковы, Смолины, Шиховы. Да и самая богатая и влиятельная купеческая династия Боровинских, ставшая на ноги ещё во времена Екатерины Великой, не собиралась уступать своих завоёванных позиций и «законного» места в купеческой иерархии.

Впрочем, дело было за «малым» — за временем...

Рождение городского банка

И оно подходило — медленно, но верно, со своим новым миропорядком и отношением к делу. В середине XIX века челябинскому купечеству и городскому руководству — шестигласной городской думе — уже было очевидно, что без дополнительных финансовых инструментов справиться с возраставшим торговым оборотом будет крайне трудно, а каждый раз в «губернские столицы» не наездишься. Челябинцам приходилось занимать у ростовщиков, в ломбардах — за крайне высокие проценты. Иногда городская общественность (в лице городской думы) шла купцам навстречу и выделяла незначительные средства из городского «за-

пасного 30-тысячного капитала», который, естественно, не мог удовлетворить всех желающих.

Идея своего — челябинского — банка буквально вызревала, наливалась соком, как яблоко. Аргументов в его пользу было более чем предостаточно: возможность на месте получать ссуды под залог процентных бумаг, товаров, драгоценностей и недвижимости, вести учёт векселей, открывать вклады. К тому же разрешение открывать в России городские банки содержалось ещё в «Жалованной грамоте городам» 1785 года, в которой определялась и роль местного самоуправления.

Поэтому Челябинская дума, чтобы избавить население от «кабалы ростовщиков» и дать благонадёжным горожанам близкий, доступный кредит, в апреле 1866 года обратилась с «общественным приговором» в губернский адрес с просьбой «возбудить через Оренбургского генерал-губернатора ходатайство об открытии в Челябинске городского общественного банка». В качестве начального капитала по решению думы было «зафрахтовано» 15 тысяч рублей.

С этим губернским разрешением выйдет своя история — да такая, что в Челябинске зазвучат нотки «административного бунта» и неподчинения Оренбургу.

5 октября 1866 года Челябинская дума на правах соучредителя общественного банка внесла предложения по списку руководителей банка. Согласно ему, директором банка предла-

галось избрать купца 1-й гильдии Петра Ивановича Перцева, кандидатом директора был заявлен Н. П. Крашенинников, товарищами директора — Н. А. Мотовилов и А. Д. Рылов, а кандидатами к ним — Я. А. Смолин и Д. П. Никулин. Список для утверждения отправили в Оренбургское губернское правление.

26 ноября 1866 года руководящий список был «губернски утверждён», за исключением одного человека. «Камнем преткновения» стала кандидатура директора банка П. И. Перцева. Выходец из ярославских купцов, потомственный почётный гражданин, имевший «посередные» связи и с Москвой, и с Петербургом, он, скорее всего, не слишком жаловал оренбургское начальство и вряд ли скрывал своё отношение. Он и в Челябинске был словно наособицу, в силу природного нрава не принимая некоторые сложившиеся «уездные» правила. Но именно такой человек и должен был «толкнуть банк к развитию». Челябинская дума единогласно избрала его директором общественного банка — в противовес губернскому решению.

Чем завершился этот конфликт уезда с губернией — не принципиально важно. Главное, что Челябинский городской общественный банк ещё накануне своего появления получил хорошую «прививку» самостоятельности и избежал впоследствии «излишнего административного давления». Банк торжественно открыл всё тот же П. И. Перцев

8 февраля 1867 года — в общественном городском доме, известном как дом купца Ефима Сапожникова (здание располагалось за магазином «Военная книга» по ул. Кирова).

И всё же справедливости ради заметим: будущее городского общественного банка не будет безоблачным. Невозможно всё время находиться на подъёме, и финансовые сложности банк испытает не раз, в принципе, повторяя судьбу любой коммерческой организации. Тем не менее, когда в 1893 году в Челябинске открывалось отделение Государственного банка, обучать горожан азам банковского дела уже не пришлось — они имели свой опыт, и в целом достаточно успешный.

Золотой самородок

Был ли молодой двадцатилетний Михаил Крашенинников на банкете в доме купца Сапожникова по случаю открытия первого в Челябинске банка — не известно. Хотя вполне мог быть. Свои первые крупные торговые операции хлебом Михаил провёл ещё в 1865 году, когда ему едва исполнилось 17 лет — благо, было у кого учиться предпринимательству.

Многое в судьбе Михаила Крашенинникова искренне удивляет. Даже личное дело, формулярные списки, предоставляемые в банк, вызывают неподдельный интерес. К примеру, один из богатейших людей Челябинска не имел, как мы сказали бы сейчас, высшего образования. Это тоже один из стереотипов, который

часто затеняет исторические обстоятельства или характер эпохи.

У Михаила Николаевича образование было домашним, и в истории Челябинска середины XIX века найдётся немало имён тех, кто такое образование смог бы предоставить на самом высоком уровне. Возможно, сказалась позиция отца, Николая Петровича, который не стал настаивать на университетском образовании — «сын сам прекрасно знает, что ему нужно».

Михаил, действительно, знал. Будучи ещё молодым человеком, он включился в коммерческую промышленную добычу золота и самостоятельно изучал, в том числе и на практике, основы банковского дела — пусть пока в качестве заёмщика.

Золотодобыча требовала оборотных средств, да и благородный металл легко в руки не давался. О Васильевском прииске, который разрабатывал Михаил Крашенинников, расскажет позднее писатель и путешественник Даниил Лукич Мордовцев: «Добывание из скупых недр земли драгоценного металла — это действительно каторга. При мне огромными ушатами, при помощи воротов выкачивали воду, и в этой глубине словно заживо погребённые, работали вольные каторжники. Затем нагруженные рудой телеги одна за другою тянулись к промывочному зданию, где стоял невообразимый грохот. Это толчея, наподобие тех, которые на мельницах толкут просо. Ещё ниже идут желоба, выложенные войлоками. Сюда стекает та вода, кото-

рая уносит с собой легчайшие частицы золота, золотую пыль, и эта пыль в силу своего удельного веса цепляется за шероховатости войлока и остаётся на нём... Ад, чистый ад — решил я, уходя из этого чистилища...»

Однако из этого «ада», который был повсеместно на Южном Урале, писатель ушёл не с пустыми руками: Михаил Крашенинников преподнёс ему в подарок небольшой самородок со свидетельством на специальном бланке главного начальника уральских горных заводов: «Дано челябинскому купцу Михаилу Николаевичу Крашенинникову в том, что на арендуемых им у купца Андрея Шихова Васильевском прииске, находящемся на землях Оренбургского казачьего войска, в числе прочего золота... получен камень с золотом весом Пятьдесят семь золотников и шестьдесят долей...»

Крашенинников мог позволить себе такие «статусные» подарки, хотя о «пыльной роскоши в глаза» здесь речи не идёт. Во всём был чёткий расчёт: люди что тогда, что сейчас тяготеют к внешнему проявлению состоятельности и видят в этом доказательство своих деловых качеств.

Предпринимательские и торговые возможности оцениваются по-разному: например, по той же недвижимости, её качеству и функциональности. У Михаила Крашенинникова было четыре дома, в том числе на улице Большой (ныне Цвиллинга) общей стоимостью в 100 тысяч рублей.

Дома по тем временам добротные, с хорошим подворьем и выездом. Они не пустовали и приносили вполне реальный доход. К примеру, один из домов Крашенинников сдал в аренду городской думе — «под тюремную больницу сроком на 6 лет за 500 рублей». К сожалению, ни один его дом до настоящего времени не сохранился.

В качестве оценки возможностей выступало и наличие паев в том или ином товариществе. Во второй половине XIX века это была одна из самых распространённых форм собственности в предприятии и ведения бизнеса. В частности, за Крашенинниковым значились треть паев в Челябинском мукомольном товариществе (189 тысяч рублей), половина паев в дачах посёлка Полетаевского (20 тысяч рублей) и многое другое.

Средства позволяли заниматься благотворительностью, а главное — войти в «золотое сечение» городского сообщества, которое отличалось высоким уровнем самосознания. Так, челябинский учитель М. Н. Ястребов писал: «Вряд ли в здешней губернии найдётся другой город, где было бы больше единодушия или согласия между членами общества, где бы чаще запросто, как и должно быть в уездных городках, сходились и делили между собою досуги...»

Здесь, «на досуге», и принимались ключевые для города решения. А Челябинский городской общественный банк изыскивал средства для их исполнения...

Рашид Жакимов

Диплом Премии «За ответственное отношение к исторической правде в книге “Табын аулы — моя малая родина”».

Родился 24 апреля 1951 года в деревне Туктубаево Кулуевского района Челябинской области. Окончил исторический факультет Челябинского педагогического института.

Работал вторым секретарём райкома комсомола, заведующим отделом районной газеты «Восход», редактором городской газеты города Касли, заместителем редактора областной газеты «Возрождение Урала», директором Аргаяшского

центра занятости населения, заместителем главы Аргаяшского муниципального района по социальной политике.

Кандидат исторических наук. Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан. Автор более тридцати публицистических работ в СМИ, в том числе журналах и альманахах, а также шести книг историко-краеведческого характера.

Табын аулы — моя малая родина (отрывок)

В данной книге в основном рассматривается история деревни Туктубаево, но одновременно по ходу затрагиваются и факты из истории соседних, близко расположенных деревень, ибо они были тесно связаны с деревней Туктубаево, где был центр Алишевского сельского Совета, правление объединённого колхоза и где была семилетняя, а затем средняя школа. А также даются отдельные сведения по другим башкирским деревням Сосновского района.

Рассмотрим, в каких административно-территориальных образованиях находилась деревня Туктубаево. После присоединения Башкирии к России в 1557 году для управления башкирскими землями были образованы 4 дороги: Ногайская, Казанская, Осинская, Сибирская. Башкиры нашей округи входили в Кара-Табынскую волость Сибирской дороги. По сведениям, собранным в 1725–1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым, в Кара-Табынской волости было 325

дворов, число душ «мужского пола, которые могут воевать», составляло 975 человек. Но эти сведения являются приблизительными ввиду трудности учёта башкир, которые в большинстве своём тогда вели кочевой образ жизни. С середины XVII века мои предки находилась в составе Исетской провинции с центром в Челябинске с вхождением в состав Оренбургской губернии. С 1798 по 1863 год, когда у башкир уже появилась оседлость и была образована деревня, она входила в состав четвёртого, пятого, шестого, девятого кантона, куда входили башкирские поселения, (нумерация кантонов менялась трижды в первой половине XIX века). По состоянию на 1843 год пятый башкирский кантон включал 15 юртов, юрты делились на деревни. В первый юрт пятого кантона входили деревни: Исянгильдино, Куйсарино, Ишкинино, Мухаметкулуево, Мустафино, Казырово. Во второй юрт входили деревни Туктыбаево, Серюсинино, Мамаево, Альмеево, Акбашево, Тупашево, Аджитарово, Ижбулатово. В третий юрт входили деревни Байгазино, Левашево, Алишево, Туйгуново, Сотюково, Давлетбаево, Усманово, Курамышино, Малое Исянгильдино, Кулукаево, Тляукаево, Имапгулово, Хаметево. После ликвидации кантонной системы в 1863 году деревня Туктубаево входила в Мухаметкулуевскую волость Челябинского уезда Оренбургской губернии (кроме этого были Мавлютовская,

Сызгинская, Метелевская, Черлинская, Султаевская волости). В ноябре 1917 года был образован Аргаяшский кантон, который вошёл в состав Башкирской автономии и объединял 18 волостей, 157 сельских советов. В двадцатые годы было проведено укрупнение волостей. Туктубаево входила в Мухаметкулуевскую волость. На первое августа 1924 года в Аргаяшском кантоне осталось шесть волостей и 35 сельских советов. 20 августа 1930 года кантон делится на два района: Аргаяшский и Кунашакский, продолжая оставаться в составе Башкирской АССР. И всё это время Туктубаево входит в Аргаяшский кантон, затем в Аргаяшский район.

В 1934 году Аргаяшский район вошёл в состав образованной Челябинской области. 13 февраля 1945 года за счёт разукрупнения Аргаяшского района был образован Кулуевский район, куда вошёл и Алишевский сельский совет. 24 мая 1956 года Кулуевский район был упразднён и его территория была передана в состав Аргаяшского района. 1 февраля 1963 года Аргаяшский район был упразднён и его территория была передана в состав образованного Сосновского сельского района. 12 января 1965 года Аргаяшский район вновь был образован за счёт разукрупнения бывшего Сосновского сельского района, но Алишевский сельский совет остался в составе Сосновского района, где продолжает находиться и в настоящее время. Сосновский район примы-

кает с запада и севера к Челябинску, является экономически развитой и наиболее густонаселённой сельской территорией области. На сегодня Алишевское сельское поселение включает в себя посёлок Трубный, деревню Туктубаево, деревню Алишево, деревню Трифоново, село Кайгородово. Административный центр – посёлок Трубный. На территории поселения проживает 2414 человек. Общая площадь населённых пунктов поселения – 367 гектаров. Основные предприятия: КФХ Ибрагимова Фаниля, КФХ Новикова, ООО «Уральская каолиновая компания», ПО Трубненское, Челябинский завод автомобильных фильтров. Имеется 2 средние школы, 2 детсада, Дом культуры, 3 ФАПа и один офис врача общей практики.

Истоки и корни.

Жизнь до революции

Первые документально упомянутые народности, которые проживали на территории Южного Урала, – это аргиппеи и исседоны, о которых упоминает в V веке до нашей эры «отец истории», древнегреческий историк Геродот. Он писал, что к востоку от скифов у подножья высоких гор живут аргиппеи. Аргиппеи были плосконосыми, с широкими подбородками; у них и мужчины и женщины брили волосы. Отметим, что башкиры до недавнего времени тоже брили как детей, так и взрослых мужчин. По мнению Д. Ж. Валеева, аргиппеи были прототюрками и, соответ-

ственно, были предками башкир. В доказательство своего утверждения Д. Ж. Валеев приводит сходные по звучанию и смыслу слова у аргиппеев и у современных башкир и общую топонимику в названиях¹.

Следует отметить, что в этногенезе башкир участвовали различные тюркские этнические группы. Исследователи называют родоплеменные группы: упей, чирлинцы, мякотин, кипчаки, катайцы. Башкиры как народ, как этнополитическая общность, сложились на Южном Урале в X–XIII веках. К этому времени башкиры имели общий этноним «башкорт», общую территорию расселения, башкирские племена были достаточно едины, чтобы говорить на едином языке (об этом сообщает уйгурский учёный Махмуд Кашгари в составленном им словаре тюркских языков «Диван лу-гат-ат-Турк», изданном в 1074 году). Башкирские племена были объединены в военно-политические союзы во главе с ханами. Они исповедовали единую религию – сначала тенгризм, а в XIV веке начали переходить в ислам.

Башкиры испокон веков проживали на территории Южного Урала, в том числе и современного Аргаяшского, Сосновского районов. Видный челябинский археолог Г. Б. Зданович, описывая раскопки в районе озера Смолино, расположенного в черте Челябинска, отмечает: «С четвёртого века постепенно

¹ Валеев Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир. Уфа, 2002. С. 16–17.

Южный Урал заселяют тюрки. В смолинских захоронениях покоятся и представители сформировавшегося на Южном Урале башкирского народа, вся история которого связана с этим краем»¹.

Челябинский краевед Н. И. Шувалов также отмечает, что самые древние топонимы Челябинской области являются башкирскими². Это видно и на примере топонимики Аргаяшского и Сосновского районов. в названиях деревень, озёр, рек, урочищ: Чишма (родник), Карабалык (линеевое озеро), Теренкуль (глубокое озеро), Узун-Куль (продолговатое озеро), Кумкуль (песчаное озеро), Кара-Кульмяк (чёрное, тёмное озерцо), Таганай (подставка луны), Миасс (по одной версии наименование Миасс очень древнее, дотюркское, осталось от некогда живших и исчезнувших народов, и означает это слово — вода, а по другой версии — Мия-су — «река, вытекающая из болотистых, топких мест»), Ак-тубэ (белое урочище около Кулуево), Ахун-Ульган, (урочище близ западного берега озера Аргазы, место, где умер Ахун).

Таким образом, можно определённо утверждать, что башкиры являются автохтонным, коренным населением Южного Урала. Поселения башкир на Южном Урале имеют богатую

¹ Челябинск в разных измерениях. Челябинск, 1986. С. 54.

² Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Челябинск, 1982. С. 3—4.

историю. В начале они возникли как постоянные зимние поселения, куда башкиры возвращались после сезонных кочёвок. Первые башкирские деревни вначале были небольшие и в основном состояли из представителей одного рода, аймака.

Одними из самых первых деревень, исходя из исследования Ф. Г. Хисамитдиновой, можно считать Сеитова (Сызги, Иткулак, Этколак, Аджибаева), Уразбаева (Тогыз, Тукыс, Куйбаково) Сызгинской волости. Первое упоминание о них было в 1736 году, в 1737 году упомянута Яраткулова (Яраткулова 1-я, Абдрахимова), в 1760 году — Караси (Измайлово). Одной из старейших башкирских деревень является Аджитарово (до XVIII века она называлась Азаматово). Она была основана айлинскими башкирами во главе с походным старшиной Аджитаром Каранаевым, и деревню назвали его именем. На местном кладбище в Аджитарово сохранились несколько надгробных камней. Надписи, высеченные на них, указывают дату захоронения начала XVIII века. Все эти деревни входили в Каратабынскую волость.

После 1742 года была основана деревня Альмеево, в 1762 году упоминается деревня Байгазина, деревни Сутюкова, Курманова — в 1765 году, деревня Кузяшева появилась в 1775 году. Большое количество деревень появилось после Крестьянской войны 1773—1774 годов. Это объясняется тем, что в ходе войны многие деревни башкир были сожжены,

разорены, многие башкиры уходили на новые земли, основывали новые селения. Исходя из исследования Ф. Г. Хисамитдиновой, можно утверждать, что деревня Акбашева из десяти дворов была основана в 1776 году. В том же году появились деревни Айбатово (Сарзакты), Байрамгулово, Куйсарина, Ишалина (Улянды), Альмеева, Исянгильдина, Мамаева, Ялтырова, Мустафина (Мустафа-аул), в 1785 году — Ултраково, в 1795 году — Таш-аул (Курамшино), Кулкаева¹. В 1795 году в ревизских сказках впервые упоминается Этимганово, но основана она была во второй половине XVIII века башкирами Балакатайской волости во главе со старшиной Итимганом Ишказиным. До 1800 года были основаны башкирские деревни Саккулово и Султаево. Позднее все эти три последние деревни вошли в пятый башкирский кантон. Башкиры занимались кочевым скотоводством, охотой, рыболовством и бортничеством. Наряду с этим они умели добывать и плавить медные и железные руды, о чём свидетельствуют найденные в разное время во многих местах Южного Урала остатки (следы) рудокопных и плавильных ям и горнов. Причём, как писал заводовладелец XVIII века Иван Твердышев, «горная работа производилась с таким искусством, что и нынешние служители лучше того не делают». Из железа башкирские мастера изготавливали

¹ Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI—XIX вв. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1991. С. 134—212.

пики, наконечники стрел, предметы домашнего обихода, из меди — украшения для конской сбруи. Уральский писатель-сказочник Павел Бажов отмечал: «Про башкир тоже забывать не след. Эти и вовсе задолго наших в здешних местах поселились. Народ, конечно, не богатый, а конь да булат у них такой случались, что век не забудешь. Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится»². Каждая башкирская семья умела выделывать кожи, изготавливать одежду из шерсти.

Ещё в X—XIII веках у башкир началось разложение родовых отношений. Скотоводы стали кочевать уже не родами, а группами в 10—30 семей (ара, аймак) во главе с биями и аксакалами. Усиление хозяйственной самостоятельности отдельных семей сопровождалось ростом их экономического неравенства, возникновением феодальной собственности на пастбища и скот. Рядовые башкиры-общинники были обязаны поставлять биям и тарханам воинов и коней для дружин, продукты скотоводства, охоты и бортничества.

К этому времени у башкир складывается вотчинное право — система обязательных правил землепользования и землевладения. Обладателей вотчинного права называли вотчинниками. Башкиры-вотчинники (*асаба*) или «потомственные владельцы земли»

² Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М., 1954. С. 311.

имели исторически сложившиеся права владения, распоряжения и пользования своими землями. Чтобы быть вотчинником (*асаба*), необходимо было принадлежать к определённому башкирскому племени или роду, которые издревле жили на землях своих предков, иметь наследственные юридические права на вотчинное владение землей, а также вести собственное хозяйство. Башкиры, по тем или иным причинам лишённые вотчинного права на землю и вытесненные из своей общины, теряли право быть вотчинниками (*асаба*) и становились *тептярами* или *припущенниками* (пришлое население). *Тептяри* — особая группа в составе башкирского народа, которая по тем или иным причинам лишилась собственных земельных угодий и попала в категорию безземельного пришлого населения. Эта тептярская группа башкир с башкирами-вотчинниками составляла взаимные договоры на пользование или аренду земли. Эти документы назывались *дәфтәр*.

Условиями вотчинного права башкир были уплата ежегодного налога — ясак и несение военной службы. Эта система (ясак и военная повинность) сложилась ещё со времён Золотой Орды. Продолжалась и в период Казанского и Сибирского ханств, Ногайской Орды. Башкирские родоплеменные вожди получали от ханов грамоты на управление территориями, границы которых определялись по тамге (родовым знакам).

С давних пор важные вопросы у башкир решались на народных

Краеведение и публицистика

собраниях и советах старейшин (*йыйын*, или *курултай*). Завершались они празднествами с состязаниями по борьбе, скачками, джигитовкой, стрельбой из лука.

В 1557 году башкиры добровольно вошли в состав Русского государства. Царь Иоанн Грозный после присоединения башкир дал им грамоту на вечное пользование землями и водами, то есть подтвердил вотчинное право башкир, сохранил за ними их традиционные обычаи и религию. И при жизни Иоанна Грозного, которого башкиры называли «Ак бей батша» (Белый благородный царь), соглашение между Московским государством и башкирами не нарушалось.

В XVI веке Южный Урал начинают заселять русские. Территория, где жили башкирские племена, входит в состав Русского государства. На новых землях в XVII веке основываются первые русские крепости и поселения: монастырское Теченское поселенье (1667), Русская Теча (1682). В 1736 году закладываются Чебаркульская и Челябинская крепости. В 1744—1763 гг. основываются выходцами из Челябинской крепости русские деревни Малышево, Кайгородово, Кременкуль, Харлуши, Шигаева, ближайшие к Туктубаево.

В присоединении к сильному Русскому государству был положительный момент, который заключался в том, что башкиры были теперь защищены от нападения кочевых племён. Разъединённые племена стали сблизиться и составили башкирскую

народность. Окрепили торговые связи, башкиры больше стали вовлекаться в торговлю с русскими, быстрее стали перенимать высокую земледельческую культуру у русских крестьян. В свою очередь, русские перенимали у башкир некоторые приёмы ведения скотоводства, бортничества и охоты. Они, например, по примеру башкир весной, летом и осенью выгоняли скот на пастбище без пастуха. П. И. Рычков писал, что пчеловодство русские крестьяне «...исправляют по примеру башкир». И в XVII—XVIII веках башкиры стали постепенно переходить к оседлости и земледельческому хозяйству. Но переход башкир к оседлости занял длительный период — начался в XVII веке и продлился до тридцатых годов XX века. Исследователи отмечают: «Традиционный образ жизни продолжали вести скотоводы восточного Зауралья, например, д. Уразбаево Аргаяшского кантона БАССР (Челябинская область), тогда как большинство челябинских башкир перешло к полной оседлости уже в самом начале XX века»¹.

В то же время после присоединения к России усилился гнёт башкир со стороны государства, царским указом они были обложены ясаком (налог натурой или деньгами). Так, ясак башкир Кара-Табынской волости Сибирской дороги состоял из 300 кунниц. Следует отметить, что за-

уральские башкиры, в отличие от западных, ясак платили не с занимаемой родом или племенем (волостью) площади, а с каждого человека, то есть гнёт здесь был ещё тяжелее. На башкир налагали и другие повинности (за рыбную ловлю, оброк со свадьбы, с домовых ульев, за посещение мечети и т. д.). Служилые башкирские феодалы — тарханы — были освобождены от уплаты ясака, но они были обязаны нести военную службу.

С приходом к власти династии Романовых (с 1613 года) договор между московской властью и башкирами стал нарушаться. У башкирских племён стали захватывать их вотчинные земли. В 1736 году издаётся Указ об отмене запрета на продажу и покупку башкирских земель. Усиливаются попытки насильственно обратить башкир в христианство, до 1788 года им запрещали строить мечети. Было ослаблено местное самоуправление, прежние наследственные старосты заменялись назначенными царской администрацией старшинами.

Были и другие ограничения для башкир. Например, по Указу Сената от 1736 года они не имели права обзаводиться кузницами, ибо в случае восстаний они могли использоваться для производства оружия. Башкиры не имели права приобретать панцири, шлемы и сабли. Царской грамотой от 14 марта 1675 года им запрещалось продавать порох, свинец, пищали и другое оружие. Правда, в 1754 году была отменена уплата ясака, но вместо его уплаты

¹ Бикбулатов И. В., Юнусов Р. М., Шитова С. И., Фатыхов Ф. Ф. Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа : Башкир. энцикл., 2002. С. 60.

башкир обязали покупать соль из казны и не производить её самим.

Хотя при присоединении к России верховный собственник земель края — государство в лице русского царя — закрепило за башкирскими племенами и родами занимаемую ими территорию, что нашло выражение в выдаче жалованных грамот, то есть было утверждено вотчинное право башкирских общин на землю, однако в начале XVII века государство начало нарушать договор, и стало монопольно распоряжаться башкирскими землями.

Систематически изымались башкирские земли для основания крепостей, городов, слобод, заводов, для раздачи дворянству и другим категориям служилых людей. В 20-е годы XVIII века правительство ограничило башкир в пользовании лесами. Одновременно происходил процесс раздачи земельных привилегий башкирским феодалам — тарханам. Тарханы, принимая эти привилегии, становились верными слугами царских властей. В исторических документах XVIII века можно найти упоминание о тархане Таймаса Шаимове, старшине Кара-Табынской волости (родился в 1703 году), ныне его потомки живут в деревне Ялытрово. Отцом Таймаса был Шаим. От сына Таймаса — Юмагужи — Абдельхаир — Сиражетдин. Его сын Хисаметдин был указным муллой в деревне Ялытрово, а его сыновья — Жанахетдин (родился в 1883 году, дожил до 99 лет) и Галяйитдин (умер в 1935 году, тоже был муллой). Халима — дочь

Жанахетдина, 1932 года рождения. Жаузый — сын Галяйитдина, 1926 года рождения. Все Шаимовы учились в медресе «Расулия» в Троицке.

Таймас Шаимов в 1730 году был принят императрицей Анной Иоанновной, которой преподнёс в дар богатые шкурки лисиц и куниц. За такое почтение императрица вознаградила башкирского старшину землями вокруг будущего города Челябинска. Таймас Шаимов участвовал в русской дипломатической миссии при вхождении казахов Младшего Жуза в состав России в 1731 году. За заслуги в проведении этой миссии Таймасу Шаимову 27 апреля 1733 года было пожаловано звание тархана (дворянина) и он был награждён именной саблей. Шаимов был крупного телосложения, не раз побеждал в борцовских поединках, за это его называли Таймас-батыр, был храбрым воином, имел свои отряды. Таймас Шаимов в 1733 и 1734 году дважды наносил поражение казахскому хану по имени Шемяка.

Обладая огромной деспотической властью, тархан распорядился землями своей волости как собственными. Так, например, Челябинская крепость была построена на проданной Таймасом Шаимовым за бесценок земле башкир Кара-Табынской волости¹. Таймас Шаимов, стремясь сохранить свою власть, был верным слугой царской власти, уча-

¹ Валеев Д. Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 64.

ствовал в подавлении народных восстаний. Восставшие башкиры несколько раз устраивали на него засады, во время одной из них даже ранили его, но он всегда умел ускользнуть.

По одной легенде, собравшиеся башкиры приговорили Таймаса Шаимова к смерти. Но никак не представлялся случай исполнить приговор. Помог случай. Башкиры из племени сызги согласились исполнить приговор и пригласили Шаимова в гости к себе, как бы на совет. Но старшина приехал не один, а с помощником. Через некоторое время Таймаса Шаимова закрыли в доме, и в этом же доме находилась с грудным ребёнком молодая женщина, которая готовила обед. Старейшины за всё причинённое народу зло решили сжечь дом вместе с Шаимовым, но, поняв это намерение, Таймас Шаимов, не выпуская женщину с ребёнком, закрылся в доме изнутри, а его помощник, пользуясь возникшей растерянностью, вскочил на лошадь и поскакал за помощью. Его не смогли поймать, и скоро он явился вместе с воинами, которые и освободили Таймаса Шаимова.

Зауральские башкиры, а башкиры, живущие на территории Сосновского и Аргаяшского районов современной Челябинской области, относятся именно к зауральским, были несколько обособлены от основного массива башкирского народа. Во-первых, их отделяют естественные рубежи — Уральские горы; некоторая оторванность зауральских степей

пограничных районов ослабила существовавшие некогда тесные контакты башкир Исетской провинции с основной массой народа. Во-вторых, пребывание в течение нескольких столетий различных по происхождению родоплеменных групп башкир на обособленной территории, длительное взаимное общение, этническое и культурное взаимовлияние с окружающим татарским, русским, казахским населением выработало в культуре и быте аргаяшских башкир специфические черты, которые позволяют выделить башкирское Зауралье в особую историко-этнографическую область.

Аргаяшские башкиры включают в себя представителей древних племён табын, катый, айле, сальют, которые в свою очередь состояли из множества родов и аймаков.

Как отмечает известный учёный-этнограф Р. Г. Кузеев, Табын — одна из самых древних и крупных башкирских родоплеменных групп. По древним преданиям одним из далеких предков табынцев явился Майкы-бий, один из современников и военачальников Чингиз-хана. Правнуком Майкы-бия был Кара-табын-бий, который и положил начало табынскому роду. А родиной предков табынцев был Алтай, откуда табынцы пришли на Урал вместе с монголами. В табынском объединении шесть племён — табын, кувакан, сырзы, бишул, бадрак и кумрук, при этом само племя табын включает девять родов.

Зауралье населяли роды Кара-Табын, Барын, Теляу и Кубалык¹.

Башкиры рода Табын живут примерно в десяти деревнях, занимая главным образом левобережье реки Миасс — в верхнем и среднем её течении. Наиболее старые табынские деревни — Мавлютово (Маулит), Акбашево (Акбаш), Мамаево (Мамай), Мидияково (Мизийак), Сагитово (Сагит), Карасево (Караһыу), Мухамет-Кулуево (Кулуй), Байрамгулово (Байрамгул), Аргазин (Аргужа).

Кара-табынцы составляют основное население деревень Кузей (Альмеево), Нурбаково, Туктыбай, Сирюси, Сатлыково (Һаттык), Суфино (Алгазин), Бигарды (Бигерзе), Султаево (Һултай).

В художественной форме переселение большого рода кара-табынцев в 1521 году на Южный Урал, спасавшихся от притеснений Казанского ханства, изобразил башкирский писатель Кирей Мэргэн в своём романе «Крыло беркута».

Ещё в начале XVIII века кара-табынские башкиры владели

огромными земельными вотчинами от верховьев Миасса на западе до среднего течения реки Уй на востоке. В 1740 году старшина Кара-Табынской волости тархан Таймас Шаимов Сибирской дороги доносил начальнику Оренбургской комиссии князю Урусову, что «на их Кара-табынской волости вотчинных землях построены вновь крепости, а именно: Улутукская, Челябинская, Укльская, Чебаркульская, а взятые де под оные крепости земли с их землями не размежеваны...»

На кара-табынских землях в качестве припущенников поселялись также башкиры других племён и родов: айлинцы, сызгинцы и т. д. Так, например, айлинцы живут в Алишево (Алиш), Курамшино (Таш аулы), Байгазино (Байгазы), сызгинцы — в Саитово (Сайт, Этколак). В то же время размеры земельных вотчин близких к кара-табынцам родов барын-табынцев были значительно меньше. В XVIII веке в период строительства горных заводов и крепостей, и особенно в XIX веке, когда шло усиленное разграбление башкирских земель, табынские роды растеряли большую часть своих земель.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. С. 246, 247, 254.

Номинация

«Проза: талантливая молодёжь»

Сергей Васильченко

Диплом Премии «За раскрытие внутреннего мира молодого современника в сборнике рассказов “Кафе “Небеса”»».

Родился в 1988 году в Орске. Стихи и проза публиковались в альманахах «Дыхание земли» (Москва), «Башня» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), в журнале «Урал-транзит» (Челябинск), в альманахе «Белый ворон» (США). По итогам межрегионального семинара молодых писателей «Мы выросли в России!» (Оренбург) издан сборник рассказов «Падение». Участник 7-го Международного совещания молодых литературных дарований в Литературном институте

имени Горького (Москва), Всероссийского совещания молодых писателей в Каменске-Уральском (2011), поэтического фестиваля «На глубине» (2011, Челябинск), I Всероссийского форума спортивных журналистов в Сочи (2012). Книга «Кафе “Небеса”» отмечена почетным призом Литературной премии имени Рычкова.

Из книги «Кафе “Небеса”»

Завтра

— ...Это был настоящий разрыв шаблона... — сказал санитар Васечкин, некогда учившийся на философском факультете, своему коллеге.

Так Васечкин прокомментировал случай, произошедший с заведующим магазином «Продукты» Жорой Сидоровым.

У Жоры с утра не было предчувствия, что этот день закон-

чится плохо. Да у него вообще давно не было предчувствий, каких-то сложных чувств. Чувства атрофировались во время отсидки по малолетке. После этого, слава богу, правоохранители Жору больше не принимали, и вообще дела шли в гору.

Есть жизнь, есть магазин, есть неприятности, есть деньги. Всё остальное — чужья собачья. При-

мерно так глядел на мир Жора. А продавщицы уважительно называли его Григорием Михайловичем. А он был немногословен с ними, строго хмурился, держал коллектив, что называется, в ежовых рукавицах.

Он надел белую рубашку, надел серый пиджак и вышел из квартиры. Спустился во двор, сел в свою ласточку марки BMW, поехал на работу.

Вот его просторный кабинет. Жора сел на привычный стул, пухлыми пальцами вытащил из кармана мобильник. Мобильник надрылся какой-то простейшей мелодией без слов.

— Алло?

Пауза.

— Да, понял. А кто приедет?

Пауза.

— Понял. Ну спасибо, что не забыл сказать.

Жора положил трубку и в оцепенении устался на некую точку в противоположной стене.

Через несколько мгновений пришёл в себя и ругнулся в воздух:

— Вот чёрт!

Может быть, к дальнейшим событиям действительно приложил руку какой-то чёрт или бес, точно же никто не знает.

По мобильному Жоре позвонил осведомлённый источник и сообщил, что сегодня в магазин заявятся государственные люди с комплексной внеплановой проверкой. Комплексная — это значит, что и налоговая тоже будет.

Проблем в магазине было много. У шефа, владельца небольшой сети магазинов, многомиллионные долги, прове-

ряющие органы подают иски, зарплату продавщицам нечем платить. Они сидят без денег уже три месяца.

— Козлы! — ругнулся вновь Жора.

Так, что делать?

А что тут поделаешь? Надо договариваться. С пожарными, Роспотребнадзором, санэпидназором и, конечно, налоговой. Всю жизнь надо договариваться — с мытарями и ментами.

Жора вызвал к себе главбуха Наталью Ивановну, спросил, все ли в порядке с отчётностью. Та ответила утвердительно. Конечно, здесь действовала двойная бухгалтерия: один пишем, три в уме. А что делать?

Жора вновь остался один в кабинете. И тут случилось неожиданное.

Он вдруг почувствовал, как сильно он устал. Всегда держал жизнь за горло мёртвой хваткой, никому спуска не давал. А тут в один миг накатила невероятная усталость. А тут резко и стремительно Жора начал расклеиваться, раскисать. Он остро-остро почувствовал этот распад.

Вытащил белый платочек из кармана пиджака. Вытер пот со своего мясистого, красного лица. Пот лил ручьями. Отвратительный холодный пот.

— Уф! Жарко! — произнёс Жора вслух.

И включил на полную кондиционер. Будто так хотел противостать распаду. Будто в тепле он таял, как кусок масла. Но этот процесс уже было не остановить.

В сознании стало всплывать то, чего там давно не было. Далёкие-далёкие воспоминания детства.

Вот он едет на велике к озеру, что неподалеку от деревни. Вот он идёт по ржаному полю, ветер приятно овеивает его лицо. Гриша идёт, радостный, свободный, юный... Вот Яна — первая любовь, девочка с чёрными как смола волосами и тонкой шеей. Вот они с пацанами разжигают костёр в лесу. Вот он повязывает красный пионерский галстук себе на шею. Вот они воруют яблоки с друзьями. Вот они воруют аккумулятор из гаражного кооператива...

И другие, другие картинки из далёкого прошлого.

— Да что ж такое! — сказал сам себе Жора. Он хотел подавить в себе эти воспоминания, хотел их убрать куда подальше. Сейчас не получалось. Наоборот — воспоминания разрывали его на части.

Разрывали на части, били в голову, ломали привычные механизмы, так давно и без сбоев работавшие в сознании. Жоре, сорокалетнему мужику, нестерпимо захотелось заплакать. А ведь он не плакал, даже когда ехал в колонию.

Страх — сильнейший страх! — завладел им. Он испугался оставаться в этом кабинете, ему стало казаться, что его здесь заперли. Надели этот пиджак, итальянские туфли, посадили за стол. Оставили здесь одного, беззащитного, с этими документами, деньгами, большим коллективом в подчинении, вискарём в стеллаже. А он отчаянно хочет «по крышам бегать, голубей гонять»!

Он здесь в клетке, в тюрьме, он раб, его будут пытать, *обязательно будут пытать*, представитель Госпожнадзора будет бить его огнетушителем по голове, *конечно, конечно, огнетушителем по голове, сволочи, огнетушителем по голове!*

Он начал грызть ноготь большого пальца руки. Чтобы хоть как-то успокоиться. Но страх превращался в истерику, не было больше привычного Жоры.

Представители налоговой и санэпиднадзора (они приехали первыми) зашли в кабинет Григория Михайловича и очень удивились.

Жора лежал под столом на полу — в чистом пиджаке и брюках — и смотрел на них испуганными глазами.

Он явно хотел спрятаться.

— Григорий Михайлович, что-то ищете?

— Не доставайте меня, мне всего двенадцать лет, *не доставайте, не доставайте, не доставайте, меня здесь нет*, — запричитал Жора. Сложил пальцы пистолетом и направил на посетителей.

— Пиу! Пиу! Пиу! Попробуйте моё лазерное оружие!

— Что с вами, Григорий Ми...?

— Уходите. Не трогайте меня. Не трогайте. Я ни при чём. Я не начальник, я просто мальчик. *Не трогайте, не трогайте, пожалуйста, не трогайте.*

— Рехнулся, — тихо сказала женщина из налоговой.

— Ага, — согласилась гостья из санэпиднадзора.

А Жоре так хотелось оказать-ся в тёплой постельке. Выпить кружку молока на ночь, и чтобы мама потрогала лоб и рассказала какую-нибудь сказку...

Господи, как тепло, как хорошо! И никакой ответственности. Он ни о чём не должен заботиться. Наоборот — все заботятся и опекают его. Господи, как хорошо.

— Так. Лучше поговорить с бухгалтером... — сказала сотрудник налоговой, осознав, что с Жоры взять теперь нечего.

— Ты прикинь, сорокалетний мужик, а вообразил себя пацаном. Типа он мальчик и всё такое. А ещё на вид такой полноватый, и морда такая красная! Совсем не

мальчик. Завмагом был. Это был настоящий разрыв шаблона. Экзистенциальный звездац... — так это описывал своим коллегам санитар Васечкин, некогда учившийся на философском факультете, но, естественно, не нашедший работу по специальности.

И продолжал:

— Щас он во второй палате. Всем говорит, что его зовут Гриша, ему двенадцать и он хочет поиграть в футбол. Предложил ему курить, а он отказался. Сказал, что мама запретила. Вот тебе и «все мы родом из детства».

— Это ещё что! Я один раз Ленина привёз... — начал свою историю другой санитар.

Фактус

Я знаю, что нужно уметь брать ответственность за других. Нужно уметь заботиться о других. Для мужчины это чуть ли не самая главная вещь в жизни. А я не умею. Надо как-то учиться. Надо тренироваться.

Как там говорится? «Тренируйся на кошках»? Вот буду учиться заботиться — на кошках. Хотя нет, это очень плохой вариант. Плохой и грустный. Кошки, собачки, рыбки, птички. Ведь, скорее всего, они уйдут на тот свет РАНЬШЕ ТЕБЯ. И именно тогда, когда ты к ним уже прикипишь всей душой.

Эта трагедия может вообще отучить тебя о ком-то заботиться.

Однажды на кладбище я видел мальчика, который хоронил свою собаку. Печальней мальчика мне в жизни не попадалось.

Писатель Чак Паланик очень верно обрисовал ситуацию:

«Это рыбка номер шестьсот сорок один за всю жизнь. Родители купили мне первую рыбку, чтобы научить меня любить и заботиться о каком-то другом живом и дышащем создании господда. Шестьсот сорок рыбок спустя я знаю лишь одно: всё, что ты любишь, умрет».

Нет, нет, нет. Нужно придумать что-то другое.

— А смотрел ли ты фильм «Леон»?

— А смотрел.

— Помнишь главного героя, которого играл Жан Рено? Киллер-итальянец. У него было растение. Его единственный друг. Растение в горшке...

Растение — это прекрасно. Оно не двигается, оно не издаёт

звуков, но оно живое. Растение — это то, с чего надо начинать.

Я решил, я иду в цветочный магазин, я хочу купить себе кактус.

— Какой из них самый неприхотливый? — спрашиваю у продавщицы.

— Я думаю, вы можете взять гимнокалициум. Или зигокактус. Его ещё называют кактусом-декабристом.

Зигокактус. Кактус, кидающий зиги. Да ещё и декабрист. Кактус-экстремист, круто.

Я осмотрел оба растения. Гимнокалициум мне понравился больше.

— Беру гимнокалициум. Расскажите, как за ним ухаживать?

— Это несложно. Он неприхотлив...

Продавщица ударила в объяснения. Понятные, простые, доходчивые. Кое-какие её советы я записывал в блокнотик. Чтобы не забыть.

Неприхотлив. Это как раз для меня.

Возвращаясь домой, я думал, как же мне назвать этот гимнокалициум. Ведь он же теперь мой друг. Как у Леона.

Может, назвать его Цезарем в честь Цезаря? Или Македонским в честь Македонского?

— Привет, Македонский? Как поживаешь, Македонский?

Нет, глупость какая-то.

Пусть он будет просто Кактус. С большой буквы. Ведь он у меня пока один.

Я ставлю горшок с Кактусом на подоконник. Мне сказали, что он должен постоянно находиться на

свету. И что его надо поливать раз в неделю (желательно тёплой водичкой). И пересаживать раз в год в новый грунт. И много чего ещё.

Да, даже за ним, таким неприхотливым, нужен уход. Ну для того я его и взял.

Вообще растение — это классно. Оно меня никогда не предаст и всегда будет внимательно слушать. Да, я рассказываю ему о своих проблемах. Каждый день. И ещё успокаиваю его. Мол, всё у тебя, мой колючий угрюмый друг, будет хорошо.

Каждый день в шесть вечера я сажусь рядом с ним и начинаю общение.

— Ну как дела, милый Кактус?

Пауза.

— Всё так же, ничего не меняется?

Пауза.

— И у меня такая же беда. Но не будем опускать руки. То есть колючки. То есть... Вот блин.

Каждый день в шесть вечера.

О нём нельзя забывать. Я не забываю — я ведь действительно забочусь о нём. И это приятно. А ещё это дисциплинирует меня. Когда ты заботаешься о ком-то, ты всегда в тонусе, ты не даёшь себе распускаться. Не даёшь себе скулить и жаловаться на жизнь.

Кактус — это мой первый класс в персональной школе заботы. Скоро пора переходить во второй. Что это значит? Это значит, что я обязательно заведу кошечку или собачку. Но от Кактуса при этом, конечно, не откажусь. Буду ухаживать и за Кактусом, и, положим, за кошкой. Назову ее как-нибудь красиво. Например... Кошкой.

Я уже себе представляю идиллическую картинку: мы сидим вместе на холме, а на небе красиво закатывается солнце. Мы сидим вместе и наслаждаемся этим закатом. Трое неразлучных друзей: я, Кактус и Кошка.

Стоп! А не обидится ли Кактус, если у меня появится кто-то ещё? Нет, он должен понять. Это же нормально, это естественно. Сначала у тебя появляется жена, а потом дети. Или не дети, а любовница. Или и дети, и любовница. Количество тех, о ком ты должен заботиться, по ходу жизни только растёт. К этому надо привыкнуть. Привыкнуть — нельзя от этого убежать.

Второй класс, третий, четвёртый. Мои задачи будут становиться всё сложнее.

Когда-нибудь я вырасту над собой настолько, что смогу взять

ответственность и за тебя, по заботиться и о тебе. О тебе, моя красивая глупая баба.

— Но ты не переживай, Кактус. Ты навсегда останешься мне другом.

— А кстати, ты помнишь, чем кончился фильм «Леон»?

— Да. Киллер умер, защищая девочку Матильду.

— А сначала он не хотел её брать под свое крыло. Он знал, что это опасно и для неё, и для него. Он не хотел открывать ей дверь. Но когда открыл, обратного пути уже не было. Он взял всю полноту ответственности за эту девочку. И в итоге ему пришлось пожертвовать собой ради неё. Пожертвовать жизнью...

Помни это. Это самое последнее, самое сложное испытание на пути заботы. Но иначе нельзя.

Виктория Иванова

Диплом Премии «За драматизм и языковую выразительность в повести “Удали”».

Родилась в 1992 году в Челябинске. Прозаик, член межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», студентка ЧГПУ (филологический факультет). Выпускница литературных курсов при Институте дополнительного профессионального образования ЧГАКИ. Лауреат конкурса «Весна студенческая — 2012» в номинации «Проза», лауреат «Лимпопо-2012» в номинации «Статья в газету “Молодой учитель”», лауреат двенадцатого открытого Интернет-фестиваля молодых читателей России «Сочи-МОСТ-2013» в номинации «Литературное творчество. Проза», участница регионального совещания молодых писателей «Стилисты добра», межвузовского литературного форума имени Н. С. Гумилёва «Осиянное слово», лауреат конкурса «Весна студенческая — 2013» в номинации «Проза». Шорт-лист Южно-Уральской литературной премии — 2013.

Удали

(отрывок)

1

В тесный, напряжённый от невыносимой жары и духоты город наконец прорвался долгожданный дождь. Его выжидательная медленная дробь сменилась встревоженной. Он сильнее застучал пальцами по стеклу, словно требуя немедленно впустить его внутрь квартиры. Но через открытую форточку проникал лишь ветер. Он танцевал с узорчатой тонкой занавеской. И танец их был непостоянен, прерывист, тревожен. Легкомысленным кавалером дёргал ветер свою даму то в одну сторону, то в другую, и пропадал, бросив приникшую к подоконнику взволнованную

особу. И каждый раз, будто одумавшись, возвращался... и снова начинался их нервный танец...

В квартире потемнело от нахмуренного неба. Где-то на кухне негромко хрипело, будто простужено, сбившееся, запутавшееся в мыслях радио. Раскаты грома оглушительно перебивали его...

Два человека сидели на полу.

Молодой мужчина в шортах тихо, но глубоко дышал у компьютерного стола, рядом с окном. Он безвольно опустил руки на согнутые в коленях, расставленные широко ноги. Ссутулился, опустил голову. Каштановые кудри спадали на широкий лоб, и, чуть касаясь плеч, скрывали его глубокие

тёмные глаза и уставшее лицо. Он не шевелился. Временами занавеска, взлетая и опускаясь, падала на него и тихо сползала на пол.

На взъерошенном сдвинутом ковре у распахнутой настёжки двери валялись домашний халат и женская сумочка, из которой высыпались ключи, телефон и разная мелочь. Рядом, прислонившись к стенке, сидела, обхватив колени, тонкая девушка в лёгком цветастом платье. Её кофейные волосы были в беспорядке, резинка почти сползла с прямых жёстких дорожек. Девушка медленно раскачивалась, уткнувшись в колени.

Они сидели так уже долго. Постепенно обоих укрыла вливавшаяся в окно прохладная свежесть, от которой дышать становилось легче.

— Ты знаешь, — хриплым голосом вдруг сказала девушка и подняла красное от слёз острое личико. — Я сегодня видела ребёнка...

Молодой человек вдруг поднял глаза.

— Лида, — он было подался к ней, но девушка остановила его одним движением ладони.

— Это... это была девочка... маленькая такая. Она стояла на... посреди дороги, — продолжила Лида, не глядя на собеседника.

Серые стекляшки её глаз смотрели воспоминание.

— ...И шурилась на солнце... — продолжила она, — оно как будто... оно как будто с ней в гляделки играло, она... она шурилась и улыбалась беззубым своим смешным ротиком... — Лида подняла глаза на молодого челове-

ка — Лёня... я так устала, — слёзы скатились с её щек на шею.

Девушка закрыла лицо и заплакала. Лёня подполз к ней и сгрёб в охапку.

— Лида, Лидочка... прости меня... Прости меня, хорошая. Но... ты же знаешь, что я не могу... пока обеспечить ребёнка, подожди, родная, подожди, на ноги встанем...

— Лёнь... пообещай, что мы больше не будем ругаться, я так от этого устала...

— Не будем, милая... — мягко шептал Лёня в затылок. — Не будем... Я думаю, двери этого хотят не меньше нас: ещё одной ссоры они не выдержат, — пошутил молодой человек. — Лида... только... я прошу тебя: пожалуйста, перестань ты... хлопать дверью... ты жена всё-таки, пора бы уже научиться по-другому улаживать конфликты, не убегать к маме...

— Ну, вот ты опять... — Лида резко отстранилась.

— Всё, не буду...

Лёня приблизился к жене, но она резко и холодно бросила.

— Не надо! Ты всегда так... — обиженно начала девушка. — Ты обещаешь и никогда не выполняешь! И вечно я у тебя виновата!

— Лида! — Лёня вскочил на ноги. — Да сколько же можно! Почему ты мягче не можешь быть? Почему тебе так трудно уступить? Хотя бы — раз!

— Я уступала! — Лида тоже поднялась и одёрнула платье. — А ты? Ты?!

— А сейчас я что делаю? Лида, что — я — сейчас — пытаюсь — сделать? — Лёня очень медленно

и чётко, с разделительными паузами произнёс последнюю фразу.

— Ты обвиняешь меня...

— Я пытаюсь уладить всё...

А ты постоянно воспринимаешь всё в штыки, словно я враг тебе! А я — твой муж! Почему ты все мои слова переворачиваешь... Я — не — понимаю!

— Лёня... я просто... ты же знаешь... — Лида опустила глаза. — Я знаю... Лёничка... просто я с детства привыкла и ничего с собой сделать не могу... Прости меня... — девушка обняла мужа. — Всё. Давай не будем, пожалуйста... Давай не будем...

Лёня обнял сжавшуюся, уткнувшуюся в него тоненькую жену. И снова ему стало жаль её. Снова он вспомнил её маленькую, растерянную, растрёпанную. Вспомнил её испуганным воробушком, каким встретил шесть лет назад. Когда помог на улице. Когда заступившись, привязал её к себе неразрывно.

— Всё будет хорошо, родная. Всё будет хорошо. Это просто период такой тяжёлый. Всё наладится... Лида! А давай съездим куда-нибудь? Хочешь на море? М? Или сходим в поход? Помнишь, как раньше? Помнишь?! — воодушевился Лёня, и решительность блеснула в его глазах и широкой улыбке. — Сколько мы с тобой облазали гор! Сколько мы тогда узнали нового вместе! — Лёня взял лицо Лиды в ладони. — Сменим обстановку? Отдохнём... как-то сдвинемся с мёртвой точки! А давай купим велосипеды и поедem с ними на юг, там будем кататься по городам?

— Какое море, какие велосипеды, Лёня? Нам ремонт надо делать, мебель всю менять... посмотри — живём в берлоге!

Улыбка сползла с лица Лёни.

— Знаешь, иногда мне кажется, что мы должны уехать куда-то, чтобы...

— Куда?

— Ты же хотела за границу? Помнишь, как ты рвалась, как хотела работать переводчиком...

— Мне это не интересно! Просто было тяжело бросить фигурное катание... Да и какая заграница? Ты же у меня патриотиче. — Лида улыбнулась сквозь слёзы.

Лёня сощурился от блеснувшего луча солнца, который вдруг прорвался сквозь разорванные клочья усмирившихся, выплакавших всю обиду туч.

— Смотри, как на улице хорошо! — сказал он.

Молодые люди подошли к окошку, где висела покинутая ветром безвольная занавеска. Отдёрнули её в сторону.

Лёня обнял жену, стоявшую к нему спиной. Поцеловал в самую макушку.

— Иногда... в такие минуты хочется снова встать на коньки... — прошептала Лида, глядя на яркую тонкую радугу за деревьями.

— Кто ж мешает вернуться...

— Уже поздно что-то вернуть...

— Ничего... Всё будет хорошо.

2

Будильник растолкал Лёню на работу. Поднимаясь с постели,

молодой человек наступил на тарелку с попкорном. Её оставили на полу ночью: в последние два года супружеской жизни стало привычкой проводить выходные или свободное после работы время за просмотром фильмов и поеданием какой-нибудь вредной вкусной «гадости».

Лёня раздражённо поднял ногу, собрал попкорн и вдруг заметил, что жены рядом нет, зато на кухне горел свет, и щебетало радио.

Когда он вошёл туда, то увидел, что Лида приготовила ему завтрак. Она нажарила сухих гренок и гренек-бутербродов с яйцом, колбасой и сыром, украсила всё зеленью, составила из овощей забавные мордочки.

Лида давно уже не готовила таких сюрпризов. В последнее время она всё реже провожала мужа до двери: ясное дело, в свои выходные ей тоже хотелось выспаться, тем более если она с ночи.

— Ого! — воскликнул удивлённый Лёня. — Какая красота.

Он поцеловал жену в щёку. Лида забрала у него тарелку с остатками попкорна.

— Забыла убрать, — виновато улыбнулась жена и приказала: — Иди умываться. Я пока чай налью.

— Не, мне кофе.

Лёня остановился у дверного проёма. Обернулся и восхищённо посмотрел на жену, она показалась ему с утра очень красивой: не накрашенная, чуть растрёпанная, с прибранными в свободную косу волосами, чуточку сонная; с утра гладкие

острые черты её лица вдруг показались очень мягкими, бархатными. Она стояла у окна, за которым разгоралось летнее молодое солнце, и возилась с цветастыми чашками. Казалось, лучи улеглись на её волосах и на щеке с маленькой родинкой. Лида смахнула выбившуюся прядь и, почувствовав взгляд мужа, повернула голову к нему. Встретившись с нежностью его глаз, она как-то вдруг смущённо улыбнулась ему. Он вышел.

Когда Лёня вернулся, вытирая полотенцем лицо и мокрые волосы, то увидел на столе две пузатые чашки с ароматным чаем.

— Лида-а-а, — протянул молодой человек, — я же кофе заказывал, — мягко произнёс он и улыбнулся большим ртом.

— Какой кофе с твоим давлением! Тем более сегодня снова невозможную жару обещают.

— Нормально всё с давлением уже давно... — полушутя буркнул муж. — Я на работе буду теперь варёный без кофе.

— Дааа? — лукаво протянула жена и засмеялась. — Спать надо было ночью!

— Я не люблю мёд... — пробормотал с набитым ртом Лёня.

— Ну и зря. — Лида хрустнула корочкой. — Очень вкусно...

— Слушай, Лида... Макс вчера звонил, они с ребятами завтра собираются на природу... А у нас с тобой как раз единственный выходной совпадает, вот я и подумал...

Лида перестала хрустеть. И положила на стол откусанный ломоть.

— Они нас приглашают... Соберёмся компанией на машинах, как раньше, поедem, отдохнём, постреляем!.. Я так давно не стрелял!

Лида звякнула чашкой и выскочила из-за стола.

— Постреляем?.. Опять за старое... Мало вам было тогда...

Лёня отшвырнул салфетку, которой вытирал пальцы.

Лида вдруг замолчала, закусила губу.

— Лёничка, — начала она осторожно. — Ну, ведь мы с тобой завтра обещали маме с мебелью помочь? Она уже нас ждёт...

— Я бы мог твоей маме и без тебя помочь, — сухо произнёс Лёня. — Послезавтра. Никуда мебель за один день не убежит.

— Ну, ты же знаешь её... Она сама за всё возьмётся, не будет нас ждать, она же гордая, только обидится опять. Наймёт снова этого Палыча, и всё развалится после его работы. А так посидели бы вместе... как раньше... помнишь, пельмени у неё лепили? Я тебя ещё всего в муке испачкала... — улыбнулась Лида. — Пойми, она ведь тоже обижается, что мы не приезжаем...

— Лида, что я могу сделать, если у меня работа такая? Думаешь, мне нравится, когда даже в выходные вызывают? Как будто я единственный электрик на предприятии!

Лида молчала. Лёня взглянул на наручные часы и засобирался. Жена быстро подскочила к холодильнику, достала завернутый в коробочку обед и протянула его супругу.

Сухо поблагодарив, Лёня вышел из кухни. Девушка последовала за ним.

Лида решила проводить его в коридоре. Она встала в дверном проёме, молча наблюдая, как муж укладывает обед в рюкзак. Наконец Лёня выпрямился, закинул его на плечи и вышел со словами: «Пока».

— Удачи, — тихо произнесла девушка.

Но Лёня не услышал. Он, не оглянувшись, сбежал с лестницы.

У обоих супругов суббота не заладилась: холодное прощание сбило с толку весь день, который рассеянным человеком то и дело спотыкался, ронял что-то, забывал, терял...

Лёня снова делал на работе ошибки: неправильно составил схемы оборудования, которые пришлось переделывать после обеда. Его ещё не строго судили: молодой специалист, опыта мало, но замечания мастера и советы корифеев производственного труда неприятно его одёргивали. На работе он всегда старался от решиться от бытовых проблем, но сегодня Лида подковырнула старую болячку и выступила кровь — неприятные мысли не давали ему сосредоточиться. Поэтому припрятанная в чайный пакетик записка с тёплыми словами незамеченной и непрочитанной улетела в мусорную корзину.

Лёня забыл утреннюю лукавую улыбку, которой Лида намекала, что снова оживила старая традиция сюрприза в обеде. Молодой человек прокручивал в голове свою мальчишескую вы-

ходку двухлетней давности: когда из-за пьяной глупости мог убить человека. Эта выходка стоила ему службы в спецназе.

Проводив мужа на работу, Лида принялась за посуду. Она включила кран и подставила под холодную струю руку.

— Как вода сквозь пальцы, — сама не понимая к чему, прошептала девушка.

Лида мыла, убирала, стирала, пыталась читать. Но ничего толком не выходило. Чувство вины впилося в неё. Она не сразу нашла эту занозу. Сначала ей казалось, что вялость и беспокойство — от того, что она не выспалась, от этой невозможной аномальной жары. Но в какой-то момент она вдруг вспомнила Лёню в тот

период... когда вся их семейная жизнь висела на волоске. В памяти ожила их клятва: больше не вспоминать эту ошибку, забыть, перевернуть, как прочитанную страницу. И вот сегодня она сама её нарушила...

Лида хотела позвонить мужу, но знала, что его нельзя отвлекать. И что она скажет ему? Нет, надо просто всё забыть, сделать вид, что ничего не было. Вести себя как всегда. Приготовить вкусный ужин... что Лёня любит...

Нет. День уже испорчен. Но завтра! Завтра всё будет по-другому. Она его ни за что не упрекнёт, они не поссорятся, поедут к маме, им будет весело и хорошо, как раньше. Всё будет хорошо.

Номинация

«Поэзия: талантливая молодёжь»

Иван Ерпылёв

Диплом Премии «За поэтическое осмысление современных нравственных проблем в сборнике «Дети польнного века»».

Иван Владимирович Ерпылёв родился в 1989 году в городе Медногорске. Живёт в Оренбурге. Имеет высшее юридическое образование. Занимается в литературном объединении имени Владимира Даля (Оренбург). Дипломант Всероссийского литературного Пушкинского конкурса «Капитанская дочка», публиковался в трёхтомнике «Внуки вещего Бояна», альманахе «Гостинный Двор», антологии «Здравствуй! Это — Я».

Из книги «Дети польнного века»

* * *

Раздватричетырепять.
Можно написать с пробелами.
Но я экономлю время.
Сейчас его не хватает.
Будто в сутках восемь часов,
и те уходят на сон.
За время мы боремся.
Мы глотаем фразы,
здрась.

Нам некогда изучать грамматику,
какдила.

Но мы хотим быть оригиналами,
превед, красавчег.

Мы хотим общаться
(добавляйтесь в контакте),

чтобы обсуждать интересные
вещи:

самец есть?

Красиво жить не запретишь.
Диор. Бентли. Сваровски.
Сен Лоран.

Но чтобы жить, нужны деньги.
Денег всегда мало. И времени.
Тогда мы идём в кино
на «Реквием по мечте».

Да, как в романе Хемингуэя, —
мы чувствуем обречённость
наших усилий.

Не распустятся розы на песке
сердец.

Колокол звенит — по нашей
юности,

Так быстро ставшей банальностью.

Ода пульта

Это почти что член семьи,
Всеобщий любимец.
Бабушки заботливо

заворачивают его
в полиэтиленовый пакет —
чтобы не простудился.
Простые работяги
тычут жирными от селёдки
пальцами в его нежные кнопки
и непременно заливают пивом.
О, этот пульт — лампа Аладдина.
И если ковёр-самолёт —

это боинг,
а скатерть-самобранка —
грязный макдоналдс за углом,
то для артефакта восточного
искателя приключений
других аналогов нет.

Женщины живут сериальным
счастьем,
вместо того чтобы поцеловать
мужа.

Мужчины смотрят на роту
мощных мужиков с мячом,
вместо того чтобы делать
зарядку.

Счастье гарантировано каждому,
а если оно не по вкусу —
не сравнивайте эрзац
с Арабикой.

Даже лампа Аладдина
не поможет прошибить головой
стеклянный экран телевизора.

* * *

Акриловыми красками
Можно рисовать везде.
Я куплю целое ведро сияющей
охры,

Возьму толстую кисточку
Из шерсти дикого верблюда
И стоеросовыми буквами

намалюю

На железобетоне твоего сердца:
«Я тебя люблю!»

Мост Мирабо

Под мостом Мирабо
тихо катится Сена.
Под мостом Мирабо
завшивевший клошар
уминает багет,
украденный с прилавка
булочной Мадам Дюрсо.
Беспардонно
толпа заваливает
на станцию метро
«Жавель — Андре Ситроен».
Потёки мочи на грязных стенах.
Раскиданы листовки,
приглашающие посетить
новый стрип-карнавал,
по сравнению с которым
девчонки из «Красной
мельницы»

занимаются ерундой.
К юбилею города
отмыли от копоти
печальный Нотр-Дам,
но всё чернее лица и души
на улицах Лютеции.
Простояв три часа в очереди
на Эйфелеву башню
рядом с курящими итальянками,
которые, кажется,
три дня не мылись,
хочется взять баллончик
с флуоресцентной краской
и с высоты железной дамы
написать на городе слова
ныне покойного папы:
«Галлия,
что ты сделала
со своим крещением?»

Баллада о выборе

Триста звёзд — самых ярких —
 И триста дорог
 На пороге сомкнули лучи.
 В доме чисто и жарко,
 А чуть за порог —
 И навек потерялся в ночи.
 Неужели оставишь
 Меня без забот? —
 Вопросы задумчивый дом.
 И мой сытый товарищ,
 Мой дымчатый кот
 Под кроватью свернулся клубком.
 Вдруг всё выше и выше
 Живого огня —
 Вереницы болотных огней.
 Двести семьдесят вспышек
 Обманут меня.
 Только тридцать — небесных
 кровей.
 Так несладко в дороге —
 Сплошной караул...
 Я поднял свой тяжёлый рюкзак,
 Постоял на пороге
 И всё же шагнул
 В непроглядный, заманчивый
 мрак.
 Двадцать девять бокалов
 Разлились слезой —
 По числу неслучившихся звёзд.
 И одна засверкала
 Над страшной грозой —
 Самой лучшей из всех моих гроз.

Поколения

Дети полынного века.
 Дети ядерного мая и свободной
 России.
 Вот мы выросли.
 Вот я стою — родившийся
 в прошлом веке,
 Мало того — в прошлом
 тысячелетии,
 При советской власти
 (Всё равно, что при
 Мао Цзе Дуне).
 Как я ощущаю свою древность!
 Всё-таки память моя — оттуда.
 Дети нового века — индиго,
 Тыкающие в айпад на уровне
 интуиции,
 Вы — заложники аниме и виртуала.
 Я не завидую вам.
 У вас не будет жвачки Love is...
 И того изобилия, которое
 рождается недостатком.
 Какие же вы модные,
 ненатуральные, смешные,
 Способные повеситься из-за ЕГЭ
 И потерять девственность
 в шестом классе,
 Да ещё и хвалиться этим!
 Бедные мои учителя! Как же
 будут они
 Говорить вам о Наташе Ростовской?
 Ну да ладно. Может —
 подружимся,
 Поколение икс,
 загадочное и простодушное.

Виктория Лишкевич

Диплом Премии «За создание метафорического образа мира детства в поэтическом сборнике «Онемевшие танцы»».

Родилась в 1992 году, живёт в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Занимается в межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса» и литературном клубе «Студенческий Парнас», победитель «Первого челябинского поэтического батла» (2013, Челябинск), дипломант второй степени в номинации «Поэзия» в литературном конкурсе «Стилисты добра» (2013, Челябинск), дипломант первой степени в конкурсе «Восхождение на Парнас» (2013, ЮУрГУ), участник челябинских городских поэтических встреч «Чтецы». Как победитель конкурса Межрегионального совещания молодых писателей в Бугуруслане получила право на издание книги стихов «Онемевшие танцы».

Из книги «Онемевшие танцы»

Моей сестре
Классификация бабоек

Так и будет: ты вырастешь, клёны
Тонкой веткой (моею рукою)
Ровно-ровно разделят пробором
Твои волосы, ярче пшеницы
(Я вплетаю в строку за строкою),
И мне снится — не снится,
что птицы

Поменяют цвет крыльев и хором
Распоются, почувствуешь горлом,
Как холмы, и трава, и как реки
Заполняют тебя, и секреты
Остаются на кончиках пальцев,
Что-то шепчет, куда идти дальше.

Ты растёшь и змеишься всё выше,
Достаёшь подбородком до крыши
И не горлом, а ошупью чувствуешь,
Как взлетаешь, пока ты танцуешь,
Как ложишься всем телом
на ветер,
Пока клёны растут на рассвете.

Безнебесье

Путаясь в пене птичьих крыл,
В кронах домов, таясь у стропил,
В плеске воды из гибких труб,
В многоголосьях сотен губ

И меж дорог, в дрожи полей,
Через соцветия сохлых ветвей,
Щурится незасыпающий глаз
И безнебесье смотрит на нас.

Онемевшие танцы

На носок. Неотрывность от пола легка.
Пара рук. Пара сбившихся крыл мотылька.
Тишиной кто-то взмахи случайно спугнул.
Всё бездвижно. И сон без меня уснул.

Всё нерезко. И время не носит часов.
Окон нет. Нет в квартире ничьих голосов.
И срывается что-то бессловное с уст.
Света нет. От бессветия воздух густ.

Онемевшие танцы. Закрытость глаз.
Мы одни. Только тьма отрывает нас.
На носок. Ты на ощупь неразличим.
Льётся звучность, хотя мы с тобою молчим.

* * *

Проступающий почерк на листьях. Опавший клён
Серым облаком сверху глядит из-за ломких век,
Пока ветви воруют облик у мелких рек
И качаются, словно плывут. Проступает сон.

Листья льются, сбегая от ветра, а ветер слеп:
Гладит волосы клёнам и холод впускает внутрь,
А потом засыпает, не помнит вчерашних утр,
И на ощупь их ищет, пока проступает свет.

А дрожащие клёны крадутся к воде. Тихи
Их ветвистые волны, пока шелестит трава,
Я не вижу их. Только мурашками ждёт листва,
Чтоб осыпаться дальше: проступят вот-вот стихи.

Звуки

Незнакомцы вдыхают деревья и выдыхают дымящуюся золу,
Рыбаки глядят неводом тело забытых, несбывшихся рек,
И когда я в каком-нибудь сне неслучайно тебя позову,
Только не говори мне, что ты человек.

Имена появляются из скорлупы и придумывают сами себя.
Чешуёй покрываются, прыгают в зыбкую тишину.
Всякий знает, кто больше всего ожидает дождя,
Прижимается звуками к запёртому окну.

И дождём размываются рельсы, и поезда
Едут к окнам. И стекла поэтому так дрожат.
Имена называют друг друга. Мой голос сжат
До зерна. Опадает звезда.

Воздух слишком тяжёлый: в нём звуки мертвы,
В нём не тонут ничьи километры,
И касается небо зелёной травы,
И вдыхает душа моя ветры.

Сновиденья не спят в человеческих словах.
Под водой — колокольный отзвук.
Мои буквы не удержать в руках:
Буквы взлетают в воздух.

Птичьи сны

Затуманенность. Голос на полстроки.
От усталости птицы ложатся в ладонь,
Закрывают сердца, точно мотыльки,
Когда знают, что лопается огонь,

Так, как вздутый до звонкости целлофан,
Чтобы ветер не мог сквозь него пройти.
И сочится трава из пернатых ран,
И сжимаются лёгкие до горсти.

Только звук остаётся у птичьих снов,
Непрозрачный, как скошенная вода,
Из которых все люди из рукавов
Вылетают, точнее, летят туда.

* * *

Говорят, что тебя где-то видели, а потом превращаются в рыб.
Шевелят плавниками, шепчутся и садятся в обнимку у глыб.
Подплываю к ним, воздух слушаю, чешуёю немой серебряюсь,
Ухожу под воду, трушу я, вернее — я не боюсь

Говорить пузырьками мелкими, плавником отгонять волну,
И пока, звезда, не померкнешь ты, я, может, не утону.
Закрываю глаза ладонями, чтобы ты, если вдруг, не смотрел.
Слышу, слышу тебя под водою я (ветер сегодня пел).

Специальный диплом

Юнна Тиккулева

Специальный диплом «За уникальное педагогическое пособие для освоения грамматики русского языка — книгу «Лёгкие правила»».

Родилась в Челябинске в 1952 году. Воспитанница литературного объединения ЧТЗ имени М. Львова, выпускница ЧПИ (1975), по образованию — инженер. Участница III Всероссийского совещания молодых детских авторов в Дубултах (1986, Юрмала). Дипломант Всероссийского конкурса молодых авторов, пишущих для дошколят (1989). Лауреат первой национальной премии имени Л. Н. Толстого и многих других литературных премий. Член Союза писателей России.

Из книги «Лёгкие правила»

Тема: «Звонкие и глухие
согласные звуки»

Звонкие и глухие

Первоклашка слово ЛЕВ
Написал бы с буквой... Ф!
Пишет он, как СЛЫШИТ.
И сидит — не дышит.

Я бы так не стал спешить,
Ну зачем народ смешить?
Ведь НЕ ТО, ЧТО СЛЫШИМ,
Мы порою ПИШЕМ!
Буква в слове притаилась,
Убежала? Растворилась?
Надо словом поиграть,
Чтоб все звуки отыскать!

Слово ЛЕВ кручу-верчу,
Ошибаться не хочу:
Сын у ЛЬВИЦЫ — ЛЁВУШКА,
ЛЪВИНАЯ головушка!

Всё понятно, получилось!
Только слово изменилось —
Буква сразу объявилась!

* * *

А теперь — УРА!
А теперь — ИГРА!

**ВИНОГРАД. МАРМЕЛАД.
НОВЫЙ ГОД. СНЕГОПАД.**

Написал? А теперь
Слово каждое — ПРОВЕРЬ!

Уж играть так играть,
Хочешь правильно писать?

Вот — ёрш. Вот — ёж.
Вот — луг. Вот — лук.

Не волнуйся,
Тренируйся!

ДРУГ. СОСЕД. ШОКОЛАД.
ГОРОД. ХОЛОД. ЗИМНИЙ
САД.

Тема: «Двойные согласные»

Мне сегодня муха
Прожужжала ухо:
Если в слове ДОЛГИЙ звук —
В нём ДВОЙНЯШКИ-БУКВЫ,
друг!

Гамма, ванна, касса, пресса,
Телеграмма, поэтесса,
Ссора, ссадина, хоккей...
Слышу-слышу! Всё о'кей!

Прилетай-ка лучше в класс —
Любят все играть у нас,
Полетят со всех сторон:
Ипподром! Бассейн! Перрон!
Группа! Данные! Массаж!
Странно! Сказанный! Пассаж!

— В самом деле?
— В самом деле!
— Я согласна, полетели!

Прилетела муха в класс.
А слова-то есть у вас?

А как почувствовать, что в
слове есть двойняшки?

Быть может, нужно прислу-
шиваться повнимательней? Давай
попробуем.

*Тема: «Непроизносимые
согласные в корне слова»*

Знают дети, знают внуки:
Пишем — БУКВЫ, слышим —
ЗВУКИ.

Только вот ведь как бывает:
В устной речи звуки... тают!

Например, скажи-ка:
ЧЕСТНЫЙ
Или — ПОЗДНО, или —
МЕСТНЫЙ.

Все ли звуки слышишь? Нет.
Есть один простой совет:

Коль смекалку проявить,
Можно слово изменить
И ПРОВЕРКОЙ ДОКАЗАТЬ —
Буква! Здесь! Должна! Стоять!

ЧЕСТНЫЙ — ЧЕСТЬ,
ГРУСТНЫЙ — ГРУСТЬ,
Каждый сам продолжит пусть!

*Тема: «Приставки
и предлоги»*

ПРИСТАВКА
Приставлена
К СЛОВУ вплотную,
Но я её вижу!
Нашёл — и ликую:
Поехать, увидеть,
Отдать, помириться,
Допеть, досказать
Или договориться!

Попробуйте вместе
Со мною пройти —
И в каждом глаголе
ПРИСТАВКУ найти!

Предлоги

В поле, в доме, на сосне,
За рекой, в лесу, во сне,
Под берёзкой и в берлоге —
Вы заметили ПРЕДЛОГИ?
Перед словом встал ПРЕДЛОГ —
Вспомнить правило помог!

Тут хлопот не так уж много,
Знает боцман и матрос:

Между СЛОВОМ
и ПРЕДЛОГОМ
Ставь-ка мысленно вопрос!

На (каком?) Охотском море,
Там, где плавают киты,
На (?) поющем на (?) моторе
Выйдем в (?) море я и ты!

*Раз — приставка,
Два — приставка!*

Дело хорошее
Сделать ЗАДУМАЛИ?
Вот молодцы-то!
А не ПЕРЕДУМАЛИ?
До мелочей, говорите,
ПРОДУМАЛИ?

Уж коли ВЗДУМАЛИ
Да всё ОБДУМАЛИ —
Делайте, милые, то,
Что НАДУМАЛИ!

Сколько приставок к слову
«думали» ты насчитал?

*Тема: Разделительный
твёрдый знак*

Помни твёрдо: ТВЁРДЫЙ ЗНАК
Появился в СЛОВЕ так.
Он за той ПРИСТАВКОЙ встал,
Где в конце — СОГЛАСНАЯ,
И друзей в соседи взял,
Буквы Е! Ё! Ю и Я!

Загадка

Исключительно полезный!
Догадайся, кто таков?
Он своей рукой железной
Достаёт до облаков!

(нрфх пчннээроц)

«Уральская линия», № 3

*Рассуждалочка
твёрдого знака*

После приставки стою,
как в строю,
Если за мной идут Е, Ё, Я, Ю.

Ты меня видишь в слове
ПОДЪЁМ,
В слове ПОДЪЕЗД, в слове
ОБЪЁМ.

Может быть, я неудобный,
С хвостиком и не съедобный?
Только я в слове недаром стою,
Всем своим видом показываю:

Если твёрдым знаком слово
Разделяется,
Звук согласный с гласным звуком
Не сливается!

Вот такое ОБЪЯВЛЕНИЕ,
Вот такое ОБЪЯСНЕНИЕ:
Твёрдость проявлю —
Слово разделю.

И ничего сверхъестественного
Или трёхъярусного не случилось,
Правда же? Так получилось!

Ты всё понял? И правило за-
помнилось? Теперь не ошибёшься!

Надежда Аншукова

Специальный диплом «За гармоническое следование классической традиции русской поэзии в сборнике “Меж рассветом и закатом”».

Родилась 12 сентября 1954 года в Златоусте. Печаталась в коллективных сборниках и журналах российского уровня, сборниках студии «Амариллис»: «Светлый день» (1999), «Судьба мне подарила Вас» (музыкальный сборник, 2000), «Увидеть небо» (2005). Автор шести поэтических книг. Член городского литературного объединения «Мартен» (2003). Член Союза писателей России.

Из книги «Меж рассветом и закатом»

* * *

Пугливой девой ночь босая,
легко и трепетно ступая,
в саду крадётсЯ осторожно,
закутавшись в шелка. Но можно
её одежд услышать тайный
и тихий шелест, где случайный,
любой, несмелый звук тревожит.
И хочется воскликнуть: «Боже!
О ночь! Продли очарованье.
Не погаси в груди желанья
любить! Любить, тебя
встречая...»
В шелках прохладных утопая,
крадётсЯ ночь...

* * *

Тумана тающие клочья
качает над забытым полем
рассвет унылый. Вольной воли
дороже этот край, где отчий
очаг дымится, где в колодце,
ещё прадедовском, с водицей —
аж мёда слаще! — отзовётся
вдруг эхо слабое, и птицей
наружу вырвется, взметнувшись,
чтобы остаться где-то в небе...
Душа, поверив в быль и небыль,

откликнется векам минувшим
протяжным вздохом:
«Здравствуй, Русь!»

* * *

Поскуднела, поредела
спелой осени листва.
На странице белой-белой
тлеют буквы и слова.
Эти буковки держали
две судьбы в своих руках.
В разметавшемся пожаре
зреет пепел, зреет прах.

* * *

Куда-то вечер сонный катится,
прохладой горькою дыша...
В истрёпанном ветрами платице
нескладно молится душа,
сжимая жаркими ладонями
звенящий шёпот у лица.
А вёрсты стелются, бездомные,
всё мимо отчего крыльца.

* * *

Вспомнить и снова забыть.
Выкрикнуть имя чужое.
Песню свою отпустить

в небо, донельзя пустое.
Время зажать в кулачке,
чтоб, окаянное, встало...
Жить на густом сквозняке
с первого вздоха. Сначала.

* * *

Ну, что с тобой, моя душа?
Опять бреду. Куда? Не знаю...
Должно быть, к белому
трамваю —
по переулку — не спеша.
Мой старомодный верный друг,
мой собеседник, плохо если,
всегда найду тебя на месте,
где фонаря желтеет круг.
А город спит. Обрывки снов
сметает ветер, догоняя...
Но я — уже внутри трамвая,
в ночном приюте беглецов.

* * *

Индевелые сумерки бьются,
и осколками падает вечер
на сутулые смуглые плечи
переулков и улиц, что жмутся
к фонарям, одиноким и тонким.
Круг за кругом бегут, ускользя
вереницы огней и, качая
тусклый свет, пропадают
у кромки
горизонта, сливаясь со стужей...

* * *

Над листвой, где воздух тонет
в птичьей синей глубине,
протянул Господь ладони,
улыбнулся мне.
И свечи качнулось пламя,
слабый выплеснув сквозняк...
Меж землёй и небесами —
лишь короткий шаг.

* * *

Как медленно закат сползает
по краю пепельного неба.
И также медленно качает
июльская густая нега
размытый горизонт, и море,
и длинную аллею парка,
где сочный шелест листьев
вторит
цикадам звонким... Скоро ярко
на чёрном небосклоне звёзды
зажгутся, чтобы свет свой
влажный
пролить сквозь разморённый
воздух
на море сонное, вальяжно
раскинувшееся на юг.

* * *

Как гневно молния шальная
раскручивает небосвод,
ножами острыми сверкая,
не целясь, по мишеням бьёт.
Сминая воздух, струи рвутся
и падают отвесно вниз...
Земля как вымытое блюдце,
а ливень — Господа каприз.

* * *

А дождь опять затосковал...
И, с листьев каплями стекая,
он словно бы кого-то звал,
всю ночь шепча и повторяя,
то — чьё-то имя, то — слова,
которых, знаю, нет дороже...
И чутко слушала листва,
как я шептала имя Божье.

* * *

По тонким нитям листопада,
в осенних пыльных зеркалах,
сентябрь расплавившийся падал —
зола и бронза на углях.

И сердце глупое пронзала —
острей иглы — чужая боль...
Для многого так надо мало:
след в след — на ощупь —
за тобой.

* * *

Когда сойдутся все дороги
у той черты, где слова нет,
растерянные вздрогнут боги,
и отречётся белый свет
от пасынков пустого края,
стекая горькою слезой
на пашни, где земля сухая
не вскинется под бороной.
Но снова праведное небо
прощенье вымолит для нас,
забытым словом заручась
да коркою ржаного хлеба.

* * *

...И сто смертей вонзились
в жизнь,
прижав её плитой железной, —
кривые острые ножи,
пугающая тьмою бездна...
И лишь касание одно,
одно скольжение сквозное
вновь распахнут моё окно,
и птицы неба, снега, зноя
всплеснут крылами — да не в такт,
воздушные сминая волны...
И ты уже из тех зевак,
кто им бросает хлеб и зёрна.

* * *

Россия, пахнувшая снегом,
попынкой пылью и тоской,
на колеснице и в телеге,
на всех дорогах, Бог с тобой.
В полях и редких перелесках
на тихом птичьем языке,

течёт разбуженная песня,
как капля мёда по руке.
И что нам плаха, что нам смута,
и что нам развесёлый рай,
коль снова ласковое утро
в молочную ныряет рань.

* * *

Я с трудом открываю глаза,
на ресницах испуг замирает.
Половодьем бурлят небеса,
и следа не оставив от рая.
Зацелованный радужный рай
вмиг истаял, и свет
предвечерний
по протокам небес заиграл
тяжело, как по серебру черную.
Чем-то тайным повеяло вдруг,
чем-то цепким сдавило у горла.
Не поднять обессиленных рук,
что вдоль тела повисли покорно.
Только вновь у последней черты
пробивается тоненькой прядкой
из далёкой немой пустоты
неизвестное завтра, и сладко
сердцу верить, молиться и ждать.

* * *

Зима обрушилась внезапно,
сминая черноту дворов,
как будто вызнала пароль,
открывший все дороги в завтра.
Как будто после заточенья,
свободы вкус испив до дна,
лавиной белою она
смела всё-всё в своём паденье.
И, успокоившись, забылась,
натешилась игрой сполна...
Дыханьем, до ожогов, стылым
пронзает душу тишина.

Рауил Хайратдинов

Специальный диплом «За оригинальный подход к документальной истории малой родины в книге «Кочкарь: дома и люди»».

Рауил Касимович Хайратдинов десять лет руководил районным музеем города Пласта. Благодаря ему в музее накоплен уникальный материал по истории района. Основной и вспомогательный фонд превосходит 18 тысяч единиц. Каждая экспозиция — тема для публикации. Он автор десяти книг, а также учебных пособий, посвящённых истории района. Книгу «Кочкарь: дома и люди» с благодарностью встретили земляки писателя, краеведы.

Кочкарь: дома и люди

(отрывок)

1763 год считается отправным годом летоисчисления села Кочкарь. В этом году проводилась третья по счёту ревизия (перепись) южно-уральских земель и поселений. В результатах ревизии и упоминается впервые Кочкарь, как выселок Нижне-Увельской слободы, в котором проживало на тот момент 78 душ. Возможно, что выселок существовал к этому времени не менее десятка лет. В других документах указывается, что Кочкарь основали переселенцы Верхне-Теченской слободы Шадринского уезда. По результатам пятой ревизии (1795 год) количество жителей Кочкаря составило 165 душ.

Теперь о происхождении названия села. Оно, несомненно, тюркское, как и большинство названий на Южном Урале, поскольку на этих землях прожива-

ли казахи Среднего Жуза («киргизы», как тогда называли их русские), и переселенцы перенимали их названия. Н. И. Шувалов в своём словаре трактует перевод слова «Кочкарь» как «племенной баран». У современных тюркоязычных народов это слово переводится как «голова барана», и так названы гора Кочкар (Турция), города Кошкар (Зап. Китай) и Кочкар (Ферганская долина). Вряд ли связано это название с неким боярином Святославом Всеволодовичем Кочкарём, упоминаемым в «Слове о полку Игореве», но и этого нельзя исключать.

Название речки Кабанка (общая длина 85 км) также имеет свою историю, которая вряд ли связана с кабанами. Тюркское слово «кибан» ныне означает «стог», «копна сена», а в прежние времена означало «каменные

горки» («обо»), возле древних — «чудских» — копей. Следы этих копей и сейчас можно найти по всему течению реки и её притоков, вплоть до её слияния с Увелькой. Геологами ныне установлено наличие в них медной руды, а также определённого содержания золота. Впоследствии переселенцы переименовали тюркское название в более знакомое и понятное — Кабанка. Интересно, что в Башкирии имеется скала, по виду напоминающая стог сена, ранее называемая Кибан, а сейчас Кабан-таш (Кабан-камень).

Интересен ещё один факт — напротив села Кочкарь на левом берегу речки Кабанка в неё впадает ещё менее водная речка Кочкарка. В соседнем с нами Уйском районе тоже есть речка Кочкарка, которая свои истоки берёт с Санарского бора и впадает слева в реку Уй.

В окрестностях села Кочкарь имеются многочисленные свидетельства того, что на этой земле люди жили не одно тысячелетие. В настоящее время в окрестностях села известны четыре стоянки каменного, бронзового и железного веков. На них и сегодня можно встретить каменные и костяные орудия труда, осколки керамической орнаментированной посуды. На стоянке Кочкарь-1 автором был найден кусочек медного шлака, медной руды и кусок глины с бронзовой заготовкой внутри.

Эти находки свидетельствуют о том, что помимо скотоводства, земледелия и рыболовства наши предки добывали руду и плавил металл. Эти древние печи рабо-

тали на сырье, добываемом древними рудокопами недалеко от села Поляновки.

На этой же стоянке была сделана уникальная и редкая находка — уменьшенная «модель» каменного топорика, которую носил на шее вождь, как символ власти. Археологами она была определена как относящаяся к кабардино-пятигорскому типу эпохи поздней бронзы (алакульская культура, XV—XVI век до нашей эры). В нашей области это вторая подобная находка, первая была найдена на стоянке Коркино-1. Типичные для Северного Кавказа, эти символы указывают на существование связей с различными племенами на всём Евразийском лесостепном пространстве.

Позвольте небольшое отступление. В середине 1990-х годов, в начале сентября, автор этой книги проводил археологические поиски на стоянке, расположенной прямо напротив села, на картофельном поле. Мешок уже был наполнен керамическими обломками и другими древностями, когда я вдруг услышал крик из села. Подняв голову, я увидел, как какой-то местный житель плывёт ко мне через реку. Переплыв, он стал кричать на меня — как потом выяснилось, он решил, что я выкапываю их картошку. Я стал объяснять ему, что никакую картошку я не ворую, и всё дело в том, что на этом месте была стоянка древних людей. И тогда он выдал мне фразу и, как М. Задорнов, я «почувствовал чувство гордости за русского человека», когда услышал: «Мужик, что ты мне уши

трёшь! Я здесь 40 лет живу, и никакой стоянки здесь не было!..»

Кроме стоянок, у села Кочкарь известны и два захоронения бронзового и железного веков. Курган железного века был разграблен школьниками в начале 60-х годов прошлого века. В Пласте тогда музея ещё не было, и изъятием и научным описанием найденных там вещей занимались работники Троицкого музея.

«Отец истории» Геродот писал, что скифские племена добывают золото за далёкими Рифейскими (Уральскими) горами и потом меняют его у греков на Черноморском побережье. Вполне возможно, что и наша земля использовалась ими для добычи драгоценного металла.

Подтверждением этого могут служить археологические раскопки у села Кичигино (40 км на восток) и у села Степное (40 км на запад). Химический анализ взятых находок золотых изделий у этих сёл показал, что эти украшения изготовлены из кочкарского (Ппластовского) золота.

Находки у села Кичигино датируются V веком до нашей эры (2500 лет), а находки у села Степное — XXVI веком до нашей эры (3600 лет)!!!

В 1886 году известный уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, во время лечения кумысом на Южном Урале, посетил усадьбу крупнейших золотопромышленников Кочкарских приисков братьев Подвинцевых. В своих рассказах о пребывании там он указывает и археологическую коллекцию, собранную братьями

во время поездок по приискам. Судьба этой коллекции неизвестна, но, несомненно, она представляла определённую научную ценность. Да и от самих Подвинцевых в Кочкаре осталось немного: на старом кладбище в Заречье мраморное надгробье одного из братьев — Филиппа Ермолаевича, умершего 15 ноября 1875 года, да его дом, проданный после смерти хозяина Кочкарскому поселковому казачьему правлению, которое заседало в этом доме до августа 1919 года. В советский период в доме находились различные конторы и магазины — пивная, чайная, управление колхозом, правление отделения совхоза. В настоящее время это жилой дом, но внешний облик здания полностью сохранился. Имеется у этого дома и своя легенда: одно время в нём проживала семья казачьего офицера, члена правления Коблова, который застрелил свою жену, уличив её в измене, — её надгробье также сохранилось — «Евдокия Константиновна Коблова».

На старом заброшенном кладбище Кочкаря сохранилась надгробная плита, на которой имеется запись: «...родился в 1820 г., октябрь 5 дня. В супружестве жил 22 года и 9 месяцев. Прожил 55 лет, 1 месяц и 10 дней. Под сим камнем погребено тело раба Божие Екатеринбургского купца III гильдии Филиппа Ермалая Подвинцева. Скончался 1875 г., 15 ноября».

Вообще до открытия золота Кочкарь рос и развивался как казачье поселение. Пока мы можем лишь предполагать участие коч-

карских казаков в Пугачёвском восстании, а также в Отечественной войне 1812 года, поскольку никаких свидетельств этому не обнаружено.

В 40-х годах XIX века был организован Кособродский станичный юрт, и посёлок Кочкарь, до этого относившийся к Верхне-Увельской станице (ныне Варламово), стал административным подчинённым Кособродской. Сменился и приписной полк — с 9 на 8 (1859 год).

Вскоре генерал-майор Бобарыкин Константин Николаевич — наказной атаман Оренбургского казачьего войска (1865—1875 гг.) издаёт приказ о всеобщем начальном образовании казачьих детей обоего пола. В селе Кочкарь открывается соответствующая школа, прямо в центре посёлка, сразу после постройки Вознесенской церкви, о которой мы будем говорить позже.

Расходы на содержание школы были возложены на казачье правление посёлка, а плату за обучение вносили лишь состоятельные казаки. О бесплатном обучении говорит и И. Ершов в своих воспоминаниях. Преподаватели в школе были также представителями казачьего сословия, и эта работа для них была приравнена к действительной казачьей службе. Чуть позже была открыта и церковно-приходская школа. Вначале она размещалась в доме священника, который был собственностью церкви.

В 1898 году было построено отдельное здание под церковно-приходскую школу, в котором

она и находилась до прихода Советской власти...

Весь советский период и в начале XXI века в этом здании располагалась Кочкарская сельская библиотека. Здание утрачено после пожара.

Вот выписка из отчёта генерал-лейтенанта Маслаковца по результатам проверки Оренбургского Казачьего Войска за 1897 год: «...Оренбургские казаки с внешней стороны производят очень хорошее впечатление по своему здоровому виду, простодушию. Широкое распространение грамотности отразилось благоприятно и на умственном развитии казаков. Грамотность в Оренбургском войске развилась в 6,5 раз больше, чем в Донском!» Согласно документам, перед событиями 1917 года грамотность в Оренбургском войске была выше, чем в Западной Европе, и составляла 96 %.

Земля для казаков воистину была единственным их богатством. Каждому казаку мужского пола от рождения полагалось 30 десятин земли, а в казачьих семьях было по 5—8 сыновей. Участки выделялись в различных местах, что способствовало быстрому заселению и освоению земель. Для удобства некоторые казаки сдавали отдельные участки в «общество», а взамен получали «общие земли», но в одном месте.

В 1842 году выходит правительственный указ о разрешении добычи золота на землях Оренбургского Казачьего Войска с выплатой казачьему обществу 15 % подати (налога). Поэтому на всех

документах о горных отводах обязательно должны были стоять подписи понятых от казачьего поселкового общества, на землях которого открывался новый прииск. Так при отводе Успенского прииска (30 января 1865 года) к документу как понятые «приложили руку» кочкарские казаки: Иван Боровинский, Никита Дуплянский, Афанасий Новиков, Демид Михайлов, Пётр Жуков, Еким Мохнаткин, Окатим Боровинский, Андрей Беликов, Пётр Шарыгин, Пётр Бобылев. Многие из этих фамилий известны и сейчас.

Открытие золотых приисков коренным образом изменило жизнь казачьего посёлка. Большой приток населения способствовал резкому подъёму торгового оборота. Многие торговые люди из уездного Троицка открывали в нём свои лавки. Убедившись в своей выгоде, они переезжали на постоянное жительство в Кочкарь, строили себе добротные дома, а для торговли — каменные лабазы и магазины. О широте и размахе торговли в Кочкаре очень ярко писал и Мамин-Сибиряк в 1886 году. Давайте проникнемся атмосферой тех лет...

«...Нужно сказать, что действительно картина получалась совершенно неожиданная, несмотря на то, что Кочкарь не сходил с языка за последнюю неделю: “в Кочкаре всё добудем...”, “только бы до Кочкаря доехать...”, “это ведь не в Кочкаре...” и т. д. Я ожидал встретить бойкий степной Торжок, но действительность превосходила всё виденное до сих пор: крошечное сельцо было про-

сто затоплено народом. Главный контингент базарной публики составляли рабочие с промыслов, которые являлись сюда для закупок и главное, чтобы погулять. Каждый промысловый грош пел здесь петухом, по субботам золотая рота осаждала в Кочкаре все кабаки. На базаре мы могли наблюдать целую толпу пьяных, оборванных, ругавшихся. Один шёл буквально с голой спиной, от рубахи остались одни рукава, остальное всё прогорело или вырвано... о Кочкаре можно сказать без преувеличения, что он целиком представляет один сплошной базар и, нужно отдать справедливость, прекрасный базар.

Сотни деревянных лавочек сбились в несколько отдельных кучек, а центр стали занимать уже настоящие магазины. Вырос целый каменный корпус из таких магазинов с железными дверями, массивными железными решётками в окнах и каменными крыльчками, а в них полный выбор всего, чего душа просит, начиная от красного товара, чаёв, разной галантереи и кончая сапогами, скобяным товаром и винами. Есть и керосиновая кухня. Такие города, как Златоуст, могут справедливо завидовать бойкой кочкарской торговле. Были и мясные ряды, где торг вели и в лавках, и в дощатых балаганах, и прямо с возов... Кого только здесь не было — казаки в своих студенческих фуражках с синим околышем, приисковые рабочие, крестьяне, киргизы, цыгане... Улица была заставлена сплошь телегами. Могли проезжать только цы-

гане, галдевшие больше других. У стенки кабака золотая рота играла в орлянку, в двух местах шла азартная мена лошаадьми, в третьем две цыганки наговаривали подгулявшему старику... Да-с, пять лет назад что такое Кочкарь был? Деревня и больше ничего, а теперь в том роде как американские Соединённые Штаты. Помилуйте-с, мы тоже почитываем разные ведомости...»

Интересно, что на самом базаре писателя тогда приняли за скуп-

щика краденого — «левого» — золота и предложили сделку.

Если проследить последовательно описание маршрута Д. Н. Мамина-Сибиряка по Южному Уралу, то можно отметить следующее о впечатлениях писателя:

— неприглядность (мягко сказано), непролазная грязь в уездном Челябинске;

— базар (рынок) 25-тысячного Златоуста уступал рынку одного тысячного Кочкаря.

Литературно-художественное издание

Уральская линия
Альманах
№ 3

Редактор-составитель *В. Б. Феркель*
Оформление и верстка *Е. С. Меньшениной*
Корректор *А. И. Порошина*

Формат 70×108 ¹/₁₆
Гарнитура «Ваннікова». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,80.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 15.06.2015.
Заказ №

ОАО «Челябинский дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр-т, 60.

АГЕНТСТВО
КОМПАЬОН
НЕДВИЖИМОСТИ

12 лет
на рынке
недвижимости

За 12 лет существования «Компаньон» стал ведущим игроком на рынке челябинской недвижимости, завоевав доверие клиентов и уважение партнеров. Сегодня в штате компании работает более 150 высококлассных специалистов.

- КВАРТИРЫ** в Челябинске
- АРЕНДА** квартир в Челябинске
- НЕДВИЖИМОСТЬ** по всей России
- ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ**
- ПОМОЩЬ** в оформлении кредитов
- РЕАЛИЗАЦИЯ** жилищных сертификатов
- ОЦЕНКА** недвижимого имущества
- КОРПОРАТИВНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ**

(351) 247-41-41
www.reatory.ru

Поможем управлять
КЛИМАТОМ

www.mitrial.ru

МИТРИАЛ

г. Челябинск,
ул. Академика Королёва, 4,
помещение 6, тел. 729-94-95,
e-mail: mitrial@rambler.ru

ТОЧНО ЗНАТЬ, А НЕ ГЛАГОЛТЬ

ИННОВАЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ
БИОМЕТРИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ
ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ

СИСТЕМЫ
ПАПИЛОН

www.papillon.ru

АО «ПАПИЛОН»
г. Миасс, Челябинская обл.,
пр. Макеева 48, тел. (3513) 54-64-33
4requests@papillon.ru

ЮЖНЫЙ УРАЛ
ГОСТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ

ГТРК "Южный Урал" - крупнейшая
медиакорпорация Челябинской области
Лидер по рейтингам и объемам вещания

- 3 телеканала
- 3 радиостанции
- газета
- сайт cheltv.ru

35 часов в эфире ежедневно

Нас видят, слышат и читают
3,5 миллиона человек

РОССИЯ 1 Южный Урал РОССИЯ 24 Южный Урал РОССИЯ 35 Южный Урал РАДИО РОССИИ

ВЕСТИ FM ГАЗЕТА ПРОГРАММА ТВ И РВ CHELTV.RU

Тел: (351) 267-13-54, 267-12-70 E-mail: yuostanina@cheltv.ru

- «НАШЕ УТРО». ПЕРВОЕ УТРЕННЕЕ ШОУ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
ПО БУДНЯМ С 7:00 ДО 9:00
- «ВРЕМЯ НОВОСТЕЙ» КАЖДЫЙ ЧАС
- ПРЯМЫЕ ТРАНСЛЯЦИИ ХК «ТРАКТОР»
- ТРАНСЛЯЦИИ ВСЕХ КРУПНЕЙШИХ
СОБЫТИЙ ОБЛАСТИ
ЧЕМПИОНАТЫ МИРА, КОНЦЕРТЫ, СПАРТАКИАДЫ

БЛИЗКОЕ РОДНОЕ НАШЕ

1obl.ru • он - лайн ТЕЛЕВИДЕНИЕ • УЗНАЙ ПЕРВЫМ
НА ПЕРВОМ ОБЛАСТНОМ

Радио
не на словах, а на
деле

100,8 BUSINESS FM

первое деловое радио